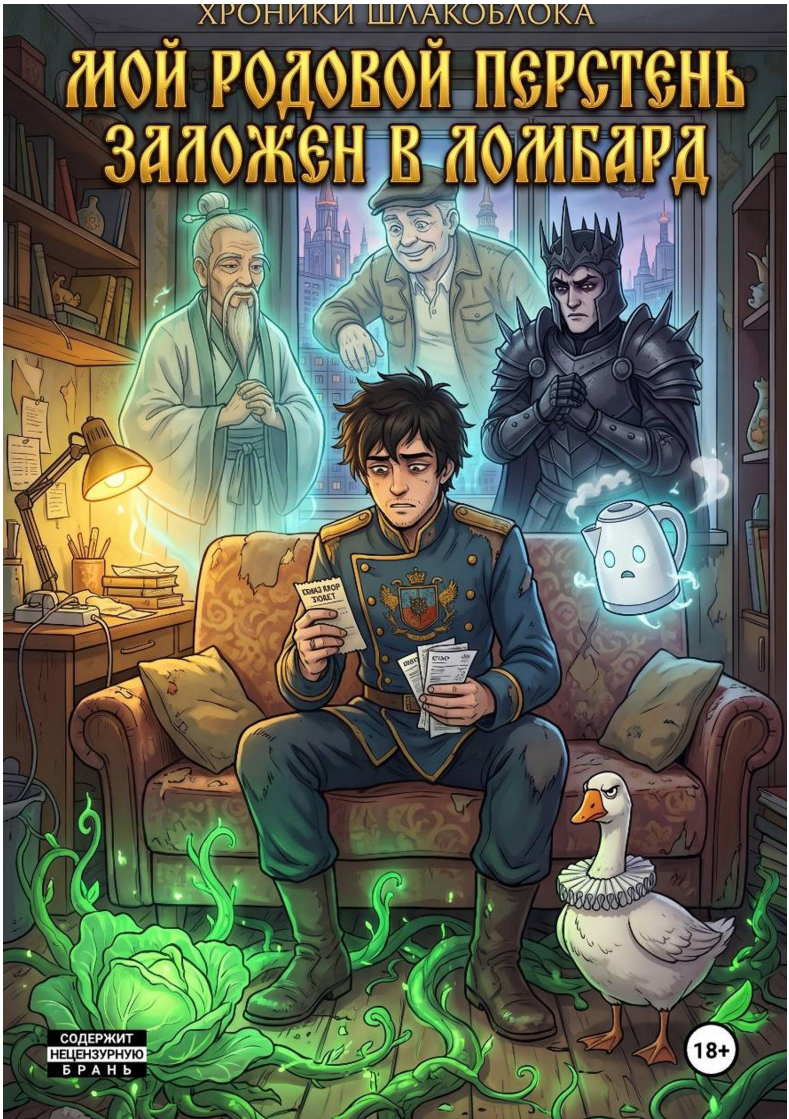

ХРОНИКИ ШЛАКОБЛОКА
МОЙ РОДОВОЙ ПЕРСТЕНЬ ЗАЛОЖЕН В ЛОМБАРД
СОДЕРЖИТ НЕЦЕНЗУРНУЮ БРАНЬ
18+

Даниил Полковников

Мой родовой перстень заложен в ломбард

https://litres.ru/74713119
SelfPub; 2026

Аннотация

Что делать, если ты — гордый потомок клана Задунайских-Рюриковичей-Учиха, но живёшь в омской хрущёвке с долгом в 186 тысяч рублей? Правильно: пробудить великую силу! Жаль, что мне досталась агронекромантия — магия бешеной рассады и призыва призрачных председателей совхоза.

В моей голове совещаются Темный Лорд, бессмертный даос, таксист Серёга и сгоревший умный чайник, а под кухней подозрительно мироточит труба имперского величия. До сноса дома и продажи нашего родового перстня из ломбарда — ровно месяц. Держитесь, господа аристократы: мы с таксистским духом и боевой капустой идём на Великое Возвышение!

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	62
Глава 3	100
Глава 4	126
Глава 5	162
Глава 6	204
Конец ознакомительного фрагмента.	205

Даниил Полковников
Мой родовой перстень заложен в ломбард

Глава 1

Глава 1. Молодой господин, вы проснулись

В три часа семнадцать минут ночи в нашем древнем роду началась война за последний пельмень.

Причём лично я в ней поначалу даже не участвовал — битва шла исключительно внутри моей черепной коробки.

— СМЕРТНЫЙ! — громыхнуло где-то в районе мозжечка так, что у меня заныли пломбы, поставленные по полису ОМС. — ПРОБУДИСЬ И ПРИМИ НАСЛЕДИЕ КРОВАВОЙ БЕЗДНЫ!

— Короче, мужик, — лениво отозвался из левого полушария прокуренный голос таксиста Серёги, — ты сначала обоснуй, какого хера орёшь в три ночи. У нас тут люди после смены отдыхают.

— ЖАЛКИЕ ЧЕРВИ! — возмутился новичок, явно не привыкший к люберецкому гостеприимству. — Перед вами Патриарх Девяти Тысяч Кровавых Небес! Пожиратель Солнц! Разрушитель Миров! Тот, перед чьим величием в

ужасе склоняли головы сами...

— Диспетчер, у меня неадекват в салоне, — перебил его Серёга, мысленно щёлкая тумблером рации. — Походу, солевой. Отмените заказ, я его щас на обочине высажу.

Я со стоном разлепил веки.

На потолке, прямо надо мной, висела фамильная люстра. Вернее, её нижняя бюджетная половина. Верхнюю отец пропил ещё при жизни, когда пытался восстановить былое величие нашей династии через беспроигрышные ставки на подпольных межпространственных тараканьих бегах. Скупщик краденого тогда забрал чешский хрусталь, медную проводку и три плафона из четырёх. Последний — из мутного жёлтого пластика, пахнущего горелыми мухами — барыга оставил из глубокого уважения к нашей тысячелетней дворянской крови.

Чуть левее, над продавленным диваном, криво висел родовой герб Задунайских-Рюриковичей-Учиха. Двуглавый орёл с выражением лица контуженной курицы сжимал в правой лапе императорский скипетр, а в левой — самурайскую катану. Понизу вилась золотая лента с гордым девизом предков: «ЧЕСТЬ. КРОВЬ. РАССРОЧКА».

Последнее слово я лично дописал перманентным маркером в четырнадцать лет. Отец тогда долго кричал, брызгал слюной и пытался вбить в меня понимание того, что высшая аристократия не имеет ничего общего с потребительским кредитованием. А ровно через месяц к нам пришли су-

дебные приставы в боевых рясах и молча унесли микроволновку.

— СМЕРТНЫЙ СОСУД! — снова взревел Патриарх, расталкивая локтями мои нейроны. — Ты удостоился величайшей милости! Я избрал твоё жалкое тело для своего триумфального возвращения в мир живых!

Я запустил руку под трусы и задумчиво почесал живот.

— Слышь, триумфатор. А звать тебя как?

— Я ПАТРИАРХ КРОВАВОЙ БЕЗДНЫ!

— Это должность. А по паспорту? Фамилия, имя, отчество?

В черепе повисла оскорблённая пауза. Из теменной доли, где уже двенадцать лет в позе лотоса сидел дух древнего даосского культиватора, донеслось сухое, полное старческого презрения покашливание.

— Невежественный отрок, — назидательно произнёс мастер Лао Пэн, мысленно поглаживая несуществующую бороду. — Разве пристало спрашивать мирское прозвище у сущности, преодолевшей Девять Небесных Ступеней Очищения?

— Дед, ты десять лет не можешь преодолеть очередь в туалет в моей башке, — отмахнулся я. — Дай мужику за прописку ответить.

— Двенадцать! — тонко обиделся китаец. — Двенадцать зим я терплю чудовищные лишения и духовную нищету в этом дырявом сосуде!

— А я шесть, — флегматично уточнил Серёга, шурша в моих мыслях фантиком от барбариски. — Я тут с его двенадцати лет чалюсь, как под КАМАЗ на кольцевой ушёл. А тебя, узкоглазого, вообще ещё в началке через какой-то дешёвый талисман подселили.

— *Бип. Обнаружено новое духовное присутствие*, — механическим женским голосом отчитался четвёртый жилец из района левого виска. — *Количество активных пользователей в голове превышает рекомендуемое заводом-изготовителем. Компания Xiaomi не несёт ответственности за выгорание центральной нервной системы при совместной эксплуатации.*

Я тяжело вздохнул и сел на кровати. Пружины подо мной пробили сквозь обшивку и тоскливо звякнули, прощаясь с остатками моей жопы.

Прямо передо мной, на сером солдатском одеяле, лежала вся многовековая история нашего великого рода.

Один пельмень.

Серый. Замороженный до состояния оружейного плутония. Без пачки.

Покойный батюшка оставил мне в наследство проперженную однушку на окраине Императорского Омска, семнадцать томов долговых обязательств и юридически заверенное право именоваться младшим Главой Рода. Все мои старшие братья — шестнадцать таких же незаконнорождённых бастардов от разных кухарок и заезжих баронесс — от на-

следства благоразумно открестились. Причём трое сделали это ещё до смерти отца, двое ушли в монастырь скопцов-алхимиков, чтобы сменить СНИЛС, а старший брат Святополк вообще инсценировал собственную гибель, бросившись под магический трамвай, лишь бы на него не переписали лицевой счёт за коммуналку. Правда, потом прислал мне из-за границы нотариальный отказ с открыткой: *«С днём рождения, Сева. Держись там. За воду не плати, счётчики скручены ещё дедом»*.

Восемнадцать мне стукнуло ровно три часа назад.

По законам Российской Магической Империи, с этой секунды я считался полностью дееспособным боярином: имел право закладывать крестьян, рубиться на смертельных дуэлях чести и отвечать собственными почками перед кредиторами за всё, что натворили мои славные предки со времён крещения Руси. Последняя привилегия активировалась автоматически, без галочки о согласии на обработку персональных данных.

Я осторожно, двумя пальцами взял заиндевевший пельмень и поднял его против тусклого света уличного фонаря.

— Так. И кто из вас, дармоедов, собирался его сожрать?

— Сей вульгарный свёрток низменной плоти не достоин уст Бессмертного! — гордо отрезал Лао Пэн.

— Тогда какого хера вы тут орали так, что меня разбудили?

— *Данный объект является последним доступным ис-*

точником калорий в радиусе квартиры, — равнодушно пропищал сгоревший чайник Xiaomi. — *По архивной карточке продукции данного ценового сегмента возможны соя, перемолотые хрящи и следы фекалий грызунов. Фактический состав не измерен. Рекомендуется термическая обработка при температуре сто градусов.*

— Я ТРЕБУЮ ЖЕРТВЕННОГО МЯСА! — снова взвыл Патриарх Кровавой Бездны. — МОЁ ПРОБУЖДЕНИЕ ДОЛЖНО ОМЫТЬСЯ КРОВЬЮ НЕВИННЫХ!

— На, не ори, — я потряс пельменем перед собственным носом. — Вот тебе жертвенное мясо. Категория «Г». Одна штука. Невиннее только слеза младенца. Чего тебе ещё надо?

— КРОВИ! Я ЖАЖДУ СВЕЖЕЙ КРОВИ!

— Там внутри свинина по акции. Теоретически, при жизни в ней была кровь. Практически — туалетная бумага и глутамат натрия. Будешь?

— ТЫ СМЕЕШЬ ГЛУМИТЬСЯ НАД ВЛАДЫКОЙ ДЕВЯТИ НЕБЕС, НИЧТОЖЕСТВО?!

— Серёга, — устало попросил я, — выруби ему микрофон, у меня башка трещит.

— Короче, шеф, я с пассажирами в драку не лезу, у меня рейтинг в парке четыре и девять, — зевнул таксист. — Моё дело маленькое: довезти из точки «А» в точку «Б». А этот хмырь вообще «бордюром» без приложения в голову прыгнул, я хер знает, по какому он тарифу едет.

Я бережно вернул пельмень на одеяло, собираясь досмот-

реть сон про то, как судебные приставы горят в аду, но новый квартирант решил показать характер.

— Ты не ведаешь, с чем шутишь, букашка! — в голосе Патриарха зазвенела сталь, от которой у меня в носу лопнул капилляр. — Я явился в час твоего совершеннолетия, дабы поглотить твою жалкую душу и совершить ВЕЛИКОЕ СЛИЯНИЕ!

— Это ещё чё за порнография?

— Две сущности сплавятся в едином котле страданий, дабы править этим миром!

— Иди нахуй, — вежливо ответил я.

— ЧТО?!

— У меня тридцать два квадратных метра жилой площади, дед. Вас тут в черепе уже четверо прописано, спать негде. Мне только слияния с каким-то мутным типом для полного счастья не хватало.

Патриарх задохнулся от ярости и выдал длинную, гортанную фразу на таком древнем наречии, что у меня синхронно заныли все четыре зуба мудрости, а на кухне сам собой сдох таракан.

Лао Пэн в теменной доле уважительно цокнул языком:

— О-о, высокое наречие Изначального Хаоса! Юноша, преклони колени. Одним звуком подобных проклятий древние владыки стирали в порошок целые кланы вместе с их домашним скотом!

— Да ладно те заливать, старый, — хмыкнул Серёга. —

Он щас тупо сказал, что выселит нас всех на мороз без выходного пособия. Я эту интонацию в девяносто восьмом на Казанском вокзале от цыган слышал.

Я по дурости мысленно бросил Патриарху: «Ну попробуй, раз такой великий», — и на секунду разрешил ему проверить управление. В следующую секунду моя собственная правая рука, совершенно не спрашивая разрешения у спинного мозга, резко дёрнулась вверх и вцепилась ледяными пальцами мне в кадык.

Я захрипел, но паниковать не стал — за двенадцать лет жизни в ментальной коммуналке привыкаешь к тому, что твои конечности иногда голосуют против тебя. Левой рукой я перехватил взбунтовавшееся запястье, с хрустом выкрутил себе большой палец и со всей дури укусил собственную костяшку.

Хватка на горле тут же ослабла.

— Ай! — взвыл я. — То есть, слышь, мужик! Ты совсем берега попутал?!

— Я лишь тестирую совместимость этого гнилого сосуда с моей божественной волей! — высокомерно огрызнулся Патриарх, хотя в его тоне послышалась лёгкая растерянность от того, что сосуд начал себя жевать.

— На своей жопе совместимость тестируй! Руки казённые, за них уплачено!

Я для верности прижал правую кисть коленом к матрасу, затем медленно поднял её, показал потолку средний

палец и опустил. Повторил процедуру левой. Убедившись, что управление драйверами вернулось к владельцу, я кряхтя сполз с дивана и пошлёпал босыми пятками по ледяному линолеуму к треснувшему трюмо.

Из мутного зеркала на меня уныло воззрился типичный представитель золотой молодёжи Императорского Омска: тощий восемнадцатилетний доходяга с синяками под глазами цвета спелой сливы, трехдневной девственной щетиной на подбородке и глубоким, рельефным отпечатком вафельного полотенца на левой щеке.

Великий род Учиха, чью фамилию батюшка прикупил по случаю на чёрном рынке геральдики у какого-то беглого японского шиноби, не подарил мне ни волшебных красных глаз, ни способности плеваться огнём. Как выяснилось уже после оплаты, в купленном отцом сертификате мелким шрифтом значилось, что генетический модуль является сувенирной продукцией и кроме хронического конъюнктивита никаких боевых бонусов не даёт.

Я грозно прищурился, пытаясь изобразить тот самый фирменный аристократический взгляд, от которого простолюдины на рекламных гравюрах Академии обычно падают ниц и переписывают на наследника свои сбережения.

Отражение в зеркале прищурилось в ответ и стало похоже на близорукого хорька, страдающего запором.

Мироздание почему-то не содрогнулось. Небеса не разверзлись.

Зато за окном с чудовищным, надрывным пердежом проснулся маршрутный дирижабль номер сорок семь «Омск-Пассажирский — Космопорт Северный». Сначала под окнами бабахнул непрогретый эфирный карбюратор, осыпав подоконник штукатуркой, а затем в предрассветную мглу вырвался мат кондуктора, объявившего, что проезд по транспортным рунам подорожал на двенадцать рублей. Очередь работяг на остановке ответила ему таким многоэтажным хоровым проклятием, что Патриарх Кровавой Бездны в моей голове уважительно притих и начал конспектировать.

В четыре часа ровно входная дверь жалобно скрипнула.

Сначала в комнату вплыл гигантский квадратный короб ядовито-зелёного цвета с логотипом «Имперской Доставки». Следом показалась рука в беспалой перчатке, сжимающая пластиковый контейнер. И лишь после этого через порог перешагнул наследственный дворецкий и камердинер княжеского дома Задунайских — Савелий Петрович.

— Молодой господин, — бесцветным голосом произнёс он, глядя на мои семейные трусы с выцветшими якорями. — Вы проснулись.

— Савелий, ты издеваешься?

— Никак нет. Данная реплика жёстко регламентирована четвёртым параграфом Боярского Церемониала Совершеннолетия. Первая фраза верного слуги обязана юридически зафиксировать факт пробуждения наследника в новом статусе.

— А если бы я во сне от голода копыта отбросил?

— Тогда зачитывается параграф седьмой. Но там другой тариф и требуется присутствие понятых из ЖЭКа.

На вид нашему родовому дворецкому можно было смело дать лет шестьдесят пять — причём все эти годы он явно провёл на урановых рудниках. Над ушами топорщились пепельно-седые вихры, под глазами висели такие чудовищные фиолетовые мешки, что в них можно было без проблем контрабандой вывозить краденый картофель, а позвоночник при ходьбе издавал звуки несмазанного портового крана.

По паспорту Савелию Петровичу было двадцать два года.

Просто за последние четверо суток верный слуга древнего рода отпахал три шестнадцатичасовые смены на электровелосипеде под ледяным дождём, вручную разгрузил вагон с радиоактивным алхимическим навозом на станции Сортировочная и поспал суммарно одиннадцать часов — стоя в тамбуре электрички.

Молодой господин, то есть я, всё это время не щадя живота своего нёс тяжкое бремя аристократического величия. То есть лежал лицом в стену и экономил калории.

— Поздравляю с совершеннолетием, ваша светлость, — Савелий со стуком сбросил курьерский короб в угол и достал из-за пазухи шуршащий чёрный пакет с надписью «Химчистка у Ашота».

Внутри обнаружился парадный смокинг.

Вероятно, в эпоху рассвета нашей Империи он действи-

тельно был благородного угольно-чёрного цвета. Сейчас же лоснящаяся на локтях синтетика отливала изумительным оттенком резинового коврика из-под ног маршрутчика в конце ноября. На левом лацкане золотой канителью красовался наш тройной родовой герб. Правда, вышивальщица явно страдала астигматизмом: вместо грозной катаны двуглавый орёл отчаянно сжимал в лапе алюминиевый половник.

— Савелий, — я ткнул пальцем в вышивку. — Почему у птицы половник? Мы что, род шеф-поваров?

— В армянском ателье отказались распарывать канитель бесплатно, — невозмутимо пояснил дворецкий. — Сказали, что для вашей кредитной истории половник выглядит даже солиднее.

— Но это же официальное облачение главы древнего дома! Меня в нём в высшем свете засмеют!

— Облачение арендованное, молодой господин. Почасовое.

Он молча вытянул из кармана длинный кассовый чек и сунул мне под нос. Я скосил глаза на выцветшие буквы:

Аренда смокинга боярского (б/у, 3-я категория свежести) — 1900 руб.

Манишка дворянская на липучке — 400 руб.

Доп. услуга: торжественное обращение «Молодой господин» без сарказма в голосе (1 сутки) — 0 руб. (по промокоду).

Возвратный страховой депозит (на случай рвоты, крови или проклятий) — 2500 руб.

— Итого четыре восемьсот, — мрачно резюмировал я. — Залог хоть вернут?

— Только если вы в нём не умрёте и не сядете на мазут.

Я покосился на сиротливый пельмень на одеяле. Савелий проследил за моим взглядом, и его левое веко нервно дёрнулось.

— Это то, о чём я думаю?

— Это неприкосновенный золотой запас нашей семьи, Савелий.

— Умоляю, не трогайте его руками, когда наденете пиджак. Свиной жир с этого полиэстера не отстирывается даже святой водой.

— Слышь, кормилец, а у нас в поместье вообще пожрать хоть что-нибудь человеческое есть?

Дворецкий вздохнул и поставил на колченого кухонного уродца, заменявшего нам стол, свой прозрачный контейнер. Внутри, источая божественный аромат, покоилась рассыпчатая гречка и два бледных кусочка варёной куриной грудки.

Мои пальцы сами собой потянулись к крышке, но Савелий с быстротой мангуста накрыл контейнер ладонью.

— Это мой паёк, ваша светлость. Выдан за ночную доставку элитных суши в бордель графа Шереметьева.

Я оскорблённо одёрнул руку:

— То есть как твой? А мне?

— А вам от покойного батюшки оставался пельмень.

— Савелий, ты ничего не попутал? Где это видано, чтобы

холоп жрал курятину на глазах у голодающего сюзерена?!

— Я не холоп, молодой господин, я самозанятый по договору ГПХ, — сухо напомнил он, доставая смартфон с разбитым в паутину экраном. — И курицу я приобрёл на собственные средства. Вот, полюбуйтесь.

На экране светился личный кабинет «Имперской Доставки». Баланс за смену: 3420 рублей (минус штраф 500 рублей за то, что Савелий недостаточно низко поклонился швейцару барона). Чуть выше мигала плашка: *«Возраст курьера: 22 года. Износ организма: 78%. Доступна смена в районе Бутово»*.

Я посмотрел на экран. Потом на седые патлы Савелия. Потом снова на экран.

— Слушай, Петрович... А ты чего вообще так херово выглядишь в свои двадцать два?

— Работаю на благо вашего рода, ваша светлость.

— Так ты ещё в прошлом месяце моложе казался.

— В прошлом месяце вы числились несовершеннолетним сиротой, и коллекторы из Магического Банка били по печени исключительно меня, — Савелий криво, но очень искренне улыбнулся одними уголками губ. — А с сегодняшнего дня вся полнота криминальной и финансовой ответственности ложится лично на ваши плечи. Врачи говорят, теперь я быстро пойду на поправку.

— Предатель, — буркнул я.

Когда-то, если верить фамильному преданию, династия

Задунайских владела тремя сибирскими губерниями, собственной орбитальной верфью на геостационарной орбите и девятнадцатью малыми вассальными родами. По крайней мере, именно так было написано в глянцевом юбилейном буклете, который я в детстве нашёл под ножкой качающегося шифоньера. Правда, всю историческую ценность документа несколько портил фиолетовый штамп ломбарда «Быстро-Деньги-Омск» на самом интересном месте: *«В залоге отказано по причине крайней ветхости макулатуры»* .

Савелий тем временем подошёл к стене и аккуратно поправил наш родовой герб. Рамка с двуглавым орлом со скрежетом съехала вбок, обнажив в трухлявом гипсокартоне сквозную дыру размером с кулак.

Из дыры в комнату немедленно ударила тугая, тёплая струя воздуха, густо замешанная на запахе пережаренного лука и дешёвого минтая.

У меня в желудке протяжно, на ультразвуке, заскулил зверь.

— Опять баба Зина с третьей квартиры рыбу хуярит? — сглотнув голодную слюну, осведомился я.

— Так точно. Всю ночь.

— А какого лешего запах к нам идёт? У нас же там по плану БТИ глухая капитальная стена.

— Капитальную стену застройщик украл ещё при Николае Втором, — пояснил дворецкий. — Там строительный мусор и дранка. А вентиляционный канал к соседям в про-

шлом месяце прогрызли мутировавшие крысы.

Я задумчиво уставился в чёрное отверстие, откуда так маняще тянуло чужим продовольственным благополучием.

— Слышь, Савелий... А ты точно уверен, что это минтай? По запаху вроде на треску тянет. Если мы проволоку загнём крючком и через дырку со сковородки...

— Молодой господин, даже не начинайте.

— Да я чисто теоретически! С точки зрения военной тактики! Это же сбор трофеев на сопредельной территории!

— Это статья сто пятьдесят восьмая Уголовного уложения Империи. Кража со взломом путём проникновения через крысиную нору. Позор для дворянина.

— Ну хоть понюхать поближе через дырку можно?

— Понюхать разрешаю, — великодушно кивнул Савелий. — Это в прейскурант не входит. Бесплатно.

От такой неслыханной холопской щедрости я даже забыл, что хотел сказать. А дворецкий, не давая мне опомниться, извлёк из недр своего бездонного рюкзака пухлый белый конверт из гербовой бумаги, перетянутый суровой красной нитью с сургучной печатью.

У меня внутри всё оборвалось и упало куда-то в район пяток. Я знал этот шрифт. Этим шрифтом в нашей стране печатали только приговоры к расстрелу и жировки из расчётного центра.

— Это... приглашение на закрытый бал к губернатору? — со слабой надеждой прошептал я.

— Единая квитанция, ваша светлость, — буднично добил меня Савелий. — Сводная. За третий квартал.

— От кого?!

— Судя по весу — абсолютно от всех.

Он со зловещим треском сломал сургуч и развернул простыню формата А3. Сверху, под скалящимся двуглавым орлом Жилищного Приказа, красовался заголовок:

ЕДИНОЕ ДОСУДЕБНОЕ УВЕДОМЛЕНИЕ О РОДОВО-КОММУНАЛЬНОЙ ЗАДОЛЖЕННОСТИ

Ниже ровными, безжалостными столбцами шёл приговор нашей семье:

Содержание и текущий ремонт родового поместья (хрущёвка, серия 1-464)— 14 200 руб.

Отопление астральное и водяное— 28 900 руб.

Взнос на капитальный ремонт защитного купола подъезда (сбор ведётся с 1861 года)— 9 500 руб.

Водоотведение и ассенизация кармических шлаков — 11 400 руб.

Принудительная утилизация остаточного величия рода— 45 000 руб.

Ежемесячная абонентская плата за подписку «Дворянин Плюс» (доступ к расширенному генеалогическому древу на портале ГосМагУслуги)— 77 400 руб.

— Какого хера?! — взвыл я, тыча дрожащим пальцем в середину списка. — Савелий, что такое «утилизация остаточного величия»?! За сорок пять косарей!

— С нашего дома раз в месяц спецмашиной откачивают избыточный аристократический пафос, чтобы штукатурка не мироточила, — терпеливо объяснил дворецкий. — Сливают в общий городской коллектор. Если не платить, нас отключат от дворянского реестра и переведут в сословие мещан.

— А подписка за семьдесят семь тысяч?!

— Это ваш покойный батюшка подключил автоплатёж, чтобы в домовых чатах перед его именем автоматически высвечивалась золотая корона и приписка «Князь». Отключить функцию можно только при личном визите покойного в центральный офис с паспортом.

Я опустил глаза на итоговую строчку, выделенную жирным траурным шрифтом:

ИТОГО К ОПЛАТЕ (С УЧЁТОМ ПЕНИ И ПРОКЛЯТИЯ ПЕНСИОННОГО ФОНДА): 186 400 РУБЛЕЙ 00 КОПЕЕК.

— Савелий.

— Слушаю, молодой господин.

— Скажи честно. Наша халупа вместе с тараканами и бабой Зиной за стеной вообще столько стоит?

— Никак нет.

— Фух, — я вытер холодный пот со лба. — Ну хоть забирать нечего.

— Она стоит двести сорок тысяч по кадастру, — мягко уточнил Савелий. — Поэтому кредиторы уже грозят пустить

её с молотка к концу месяца, разницу забрать на судебные издержки, а нас с вами отправить на принудительную отработку долга в биореакторы под Норильском. Правда, сначала им придётся добиться взыскания через суд.

Я молча положил расстрельный список на стол. Сверху, как пресс-папье, водрузил замороженный пельмень. Подумал секунду и брезгливо убрал пельмень обратно на одеяло — казённая бумага так воняла свинцом и безысходностью, что последнее мясо могло пропитаться этим духом и стать ядовитым.

— Ладно. Давай подбивать дебет с кредитом. Сколько у нас сейчас ликвидной наличности в казне?

— Лично у вашей светлости — шестьсот двадцать рублей, — без запинки отчеканил дворецкий.

— А у тебя?

Савелий аккуратно сложил квитанцию вчетверо и спрятал обратно во внутренний карман.

— Мои кровные восемь тысяч рублей лежат на карте «Мир» под биометрической защитой. Из них я планировал приобрести зимние берцы на меху, поскольку в старых подошва лопнула до состояния сандалий. И пин-код я вам не скажу даже под пыткой калёным железом.

— Жмот. А мои шестьсот двадцать где? В сейфе?

— В носке вашего левого летнего кроссовка в прихожей.

— А чего не в портмоне?!

— В родовом портмоне из крокодиловой кожи завелась

чёрная плесень. Она уже доедает вашу фотографию с выпускного, я решил не рисковать купюрами.

Я сходил в коридор, вытряхнул из драного кроссовка свёрнутую в трубочку пятисотку, мятый стольник и горсть липкой мелочи в перемешку с хлебными крошками. Пересчитал.

Ровно шестьсот двадцать.

— Бухгалтерия бьётся до копейки, — мрачно доложил я, возвращаясь в комнату. — Хоть за финансовую дисциплину в роду я спокоен.

— Это потому, что с такой суммой даже украсть нечего, — согласился Савелий, вешая многострадальный смокинг на гвоздь, вбитый в дверной косяк. — Итак, план на ближайшие дни: завтра к восьми утра вам надлежит явиться в МФЦ, послезавтра — в Императорскую Академию на распределение, а следом в ломбард — проверить залог отцовской родовой печатки и продлить проценты за бабушкину вставную челюсть из мифрила. И, разумеется, нужно срочно решить вопрос с отоплением.

— А что не так с отоплением? — я подозрительно покосился на чугунную гармошку под окном.

Подошёл. Приложил ладонь к облупившейся белой краске. Чугун был холоднее сердца судебного пристава.

— Блядь. На дворе двадцать четвёртое октября! Это же Омск, тут в октябре уже медведи на лету замерзают! Давно отрубили?!

— Третьи сутки пошли, ваша светлость.

— И какого рожна ты молчал?!

— Я докладывал позавчера вечером.

— И что я сказал?!

— Вы, не приходя в сознание под тремя одеялами, велели передать начальнику котельной, что истинный потомок Рюриковичей и Учиха закаляет свои чакральные меридианы сибирским хладом и не нуждается в подачках от теплосетей.

В моей теменной доле тут же восторженно зааплодировал старик Лао Пэн:

— О, мудрейшие слова для столь юного возраста! Ледяная закалка Инь-меридианов укрепляет костный мозг и приближает адепта к Алмазному Телу Бессмертного!

— Слышь, Конфуций хренов, — буркнул я в пустоту, растирая замёрзшие пальцы. — Если в эту трубу до выходных кипяток не пустят, твоё Алмазное Тело в понедельник ломом от дивана отдалбливать будут и прямо в простыне в морг свезут.

— Смерть физической оболочки есть лишь иллюзорный шаг к перерождению... — начал было культиватор.

— А слесари из ЖЭКа на том свете по выходным работают, или у них тоже лапки?

Китайский мудрец обиженно засопел и ушёл в глухую медитацию.

В четыре сорок семь Савелий отправился на кухню инспектировать водопровод, а я, гонимый звериным инстинк-

том самосохранения, поплёлся следом и распахнул дверцу древнего холодильника «Полюс-2», который при включении компрессора подпрыгивал на месте и пытался уйти в коридор.

Внутри, в слепящем свете тусклой лампочки, царил минимализм, достойный дзен-буддийского храма. На ржавой решётке стояли ровно три предмета:

Первое: засохшая банка горчицы урожая позапрошлого года, которой при желании можно было шпаклевать стены.

Второе: картонный пакет кефира «Омский Буренка», раздувшийся до состояния противотанковой мины.

Третье: пустая бархатная коробка с золотым тиснением из-под императорских перепелиных яиц. Сами яйца отец сожрал под водочку ещё два года назад, когда отмечал успешное взятие третьего микрозайма, но упаковку выбрасывать настрого запретил под страхом проклятия рода. На крышке витиеватой вязью было выведено: *«ПРОДУКТ ЭКСКЛЮЗИВНЫЙ. ТОЛЬКО ДЛЯ ВЫСШЕЙ АРИСТОКРАТИИ И ЧЛЕНОВ ГОССОВЕТА»*.

С тех пор мы хранили в ней проросший чеснок и изоленту.

— Савелий, — я осторожно, как сапёр, указал взглядом на пузатый пакет кефира. — А это чья гуманитарная помощь?

— Не трогайте, он возвратный, — не оборачиваясь от раковины, бросил дворецкий. — Мне его вчера в «Пятёрочке» уже просроченным продали. Срок годности истёк двена-

дцать дней назад. Я сохранил чек. В семь утра магазин откроется, пойду устрою скандал администратору и верну наши сорок восемь рублей по закону о защите прав потребителей.

Я прищурился, разглядывая выбитую на шве дату: *12.10*. Сегодня, чтоб мне провалиться, было двадцать четвёртое октября.

— Петрович, а у нас настенный календарь точно не пиздит?

— Увы, молодой господин. Календарь — единственное в этом доме, что работает без перебоев.

Я взял пакет в руки. Картон был тёплым, упругим и тихо вибрировал, словно внутри уже зародилась собственная цивилизация, построила феодальный строй и теперь готовилась к крестовому походу. Я легонько встряхнул упаковку. Внутри с глухим чавканьем перекатился какой-то тяжёлый, монолитный сгусток.

— Да ладно, нормальный кефир, — храбро заявил я. — С пенициллином.

— Поставьте на место.

— Савелий, мне сегодня исполнилось восемнадцать лет!

— Искренне рад за вас. Поставьте каку.

— Я совершеннолетний Глава Древнего Рода! — я гордо выпятил впалую грудь. — Я имею абсолютное, дарованное самим Императором право употреблять кисломолочную продукцию на территории собственной вотчины без пись-

менного разрешения камердинера!

Савелий медленно повернулся, вытирая руки вафельным полотенцем, и посмотрел на меня с бесконечной, вселенской скорбью:

— Право вы, безусловно, имеете. Только учтите: активированный уголь закончился в августе, а туалетную бумагу я принесу только с вечерней смены. Оцените свои риски.

Но отступать было поздно — на кону стояла боярская честь. Я с вызовом сверкнул глазами и с треском сорвал пластиковую крышку.

Из горлышка с шипением вырвалось облачко зеленоватого газа, пахнущее так, будто в пакете две недели назад сдох и разложился маленький, но очень гордый скунс. У меня от этого букета мгновенно пробило гайморит и заслезились глаза.

— Ого, — крякнул я. — Выдержанный. Коллекционный.

— Это трупный яд, ваша светлость.

— Не наговаривай, просто кислинка благородная пошла.

И прежде чем здравый смысл, Лао Пэн или инстинкт самосохранения успели дать по тормозам, я запрокинул голову и влил в себя ровно половину пакета. Вторая половина не пролезла чисто физически — она застряла в горлышке в виде упругого творожного тромба.

Савелий молча положил на край стола кассовый чек и сделал два шага назад, в коридор, подальше от зоны поражения.

— Значит так, молодой господин, — деловито начал он.

— Поскольку товар вы умышленно повредили, сорок восемь рублей я вычту из вашей...

Договорить он не успел.

У меня под ложечкой раздался отчётливый, сухой щелчок — точь-в-точь как взведённый курок дедовского обреза. А через полсекунды в желудке сдетонировала водородная бомба.

Первым в моей голове, разумеется, среагировал Патриарх Кровавой Бездны:

— А-ХА-ХА-ХА! ДА! Я ЧУВСТВУЮ ЭТО! — восторженно взревел древний демон, принимая бунт лактобактерий за нечто великое. — ДРЕВНИЕ ПЕЧАТИ ПАЛИ! ТВОИ СПЯЩИЕ МЕРИДИАНЫ НАКОНЕЦ-ТО ПРОБУЖДАЮТСЯ!

— Ой, бля-я-я... — тоненько простонал я, складываясь пополам и хватаясь за живот.

— НЕБЕСНАЯ ПРАНА ЯРОСТНЫМ ПОТОКОМ ПРОРЫВАЕТ ПЛОТИНЫ СМЕРТНОГО СОСУДА! — не унимался Патриарх. — НЕ СДЕРЖИВАЙ ЕЁ, ЮНЫЙ НАСЛЕДНИК! ОТКРОЙ ВРАТА И ПОЗНАЙ ИСТИННУЮ МОЩЬ БЕЗДНЫ!

— Савелий... — прохрипел я, покрываясь ледяной испариной. — Свали с фарватера.

— Простите, что?

— ОТ ДВЕРИ СЪЕБАЛСЯ БЫСТРО!

До совмещённого санузла по прямой было ровно пять

метров. В масштабах Вселенной — ничто. В масштабах человека, выпившего двухнедельный омский кефир — марафонская дистанция через минное поле.

На первом метре я всеми фибрами души ощутил, как чуть ниже пупка с жалобным треском распахнулся Малый Небесный Круг.

На втором метре со свистом сорвало резьбу на Большом Круге, и Лао Пэн в моей голове радостно заверещал:

— Свершилось! Хвала Небесам! Нижние чакральные врата ученика сейчас начнут извергать накопленную за столетия чёрную мирскую скверну и ядовитые шлаки!

«Дед, какие, нахер, столетия, мне восемнадцать лет!» — хотел заорать я, но побоялся разжать зубы, чтобы не потерять герметичность сфинктера.

На третьем метре в процесс включился таксист Серёга:

— Шеф, тормоза отказали! Коробку передач заклинило нахер! Включай аварийку и рули в кювет, щас днище вышибет!

На четвёртом метре сгоревший чайник Xiaomi врубил в левом глазу мигающую красную лампочку:

— Внимание! Критическое давление пара в нижнем котле! Угроза разрыва прокладки! Срочно откройте сливной клапан!

На пятом метре я в прыжке ухватился за спасительную пластиковую ручку туалетной двери и дёрнул её на себя.

Ручка, прикрученная ещё при Брежневе на один ржавый

саморез, с весёлым хрустом осталась у меня в кулаке.

— СУКА-А-А!

Дверь в санузел я вынес с ноги, по-штурмовому, вместе с куском шпингалета. Последнее, что донеслось до меня из внешнего мира перед тем, как за моей спиной сомкнулся ад, была полная трагизма реплика Савелия:

— Кажется, страховой залог за смокинг мы всё-таки потеряли...

Ни один придворный летописец Российской Магической Империи не нашёл бы цензурных слов, чтобы описать следующие четыре минуты моего духовного возвышения. В академических пособиях по Пробуждению Источника благородный наследник в этот момент красиво сидит в позе лотоса, а из его пор с лёгким шипением выходит немного вонючей чёрной жижи, после чего он становится красивым, мускулистым и начинает светиться.

Из меня выходило всё, включая воспоминания о детском саде и новогодний утренник за две тысячи четырнадцатый год.

Фаянсовый трон подо мной вибрировал, как первая ступень ракетоносителя «Протон» на старте. Патриарх Кровавой Бездны громогласно читал мантры разрушения, искренне полагая, что это он лично кастует заклинание Апокалипсиса. Лао Пэн требовал правильно дышать диафрагмой и направлять «поток грязной Ци» по спирали против часовой стрелки. Серёга материл дорожные службы, а чайник каж-

дые пять секунд пищал, что кипячение успешно завершено и можно заваривать доширак.

Я просто висел на краю чугунной раковины, вцепившись в неё побелевшими пальцами, и молился всем богам, чтобы советская канализационная труба выдержала прорыв моего Древнего Источника.

К исходу третьей минуты буря в животе внезапно сменилась странным, густым жаром. И в этот же миг по швам облупившегося зелёного кафеля под моими босыми ступнями начала стремительно ползти какая-то мелкая изумрудная сетка — прямо из щели под дверью, со стороны мокрого ящика рассады.

Сначала я сослепу решил, что от моего духовного напряжения треснул бетон и мы сейчас вместе с унитазом провалимся на голову бабе Зине.

Но потом одна из «трещин» вдруг приподнялась над полом, выпустила колючие усики и со змеиным шорохом обвилась вокруг ржавого стояка холодной воды. От ящика в коридоре до стояка было метра два, и зелёная дрянь явно не собиралась ползти дальше. Вторая, потолще, деловито поползла к оцинкованному ведру с тряпкой. Третья, самая наглая, расплющилась и шустро просочилась в щель под выбитой дверью в коридор.

Я, забыв про спазмы, тупо уставился на шевелящуюся ботву между своих ног.

— Эт-то ещё что за гербарий, блядь?!

— УЗРИ ЖЕ! — торжествующе взревел Патриарх. — ТВОЯ ПЛОТЬ ПЕРЕРОЖДАЕТСЯ В СОСУД ВЕЛИКОГО МОГУЩЕСТВА!

— Отставить панику, начальник, — рассудительно заметил Серёга. — Щас разберёмся, откуда эта ботва прёт. Главное — руками не трогай, мало ли, борщевик какой мутантный.

Зелёный побег у порога замер, словно принюхиваясь к воздуху в коридоре. Секунд десять стояла мёртвая тишина, нарушаемая лишь журчанием сливного бачка.

А потом за дверью раздался чудовищный грохот падающего таза, звон стекла и совершенно неаристократичный вопль нашего дворецкого:

— Молодой господин! Ко мне, тут прорыв периметра!

— Савелий, какого хера там у тебя гремит?! — заорал я, лихорадочно натягивая трусы.

— Ваша рассада! Она взяла в заложники мусорное ведро и пытается уйти через прихожую!

— Какая, в жопу, моя рассада?! У меня отродясь ничего, кроме плесени, не росло!

— Значит, моя! Но делает она это по вашему приказу!

Чертыхаясь и путаясь в штанинах, я вывалился в узкий коридор.

Картина маслом достойна была кисти лучших баталистов Империи: Савелий Петрович, прижавшись спиной к обоям в цветочек, держал наперевес деревянную швабру, словно ко-

пьё против печенегов. У его ног, прямо посреди коридора, стоял рассохшийся деревянный ящик, который дворецкий на прошлой неделе притащил с руин заброшенной совхозной конторы. Он тогда наивно мечтал выращивать на подоконнике зелёный лук, чтобы мы не сдохли от цинги на одной пустой гречке.

Сейчас чёрная земля в ящике вздулась бугром, как свежая могила. Из этого бугра торчал жирный, с палец толщиной, узловатый корень, густо поросший колючей зелёной щетиной. Корень намертво обхватил дужку оцинкованного ведра и с противным скрежетом волочил его по линолеуму в сторону кухни.

— Оно на меня только что посмотрело, — мёртвым голосом доложил Савелий, не опуская швабры.

— Чем оно на тебя посмотрело, Петрович? Это же, сука, лук! У него глаз нет!

— Я не знаю чем, ваша светлость, но взгляд был крайне недобрый. Как у налогового инспектора. Убейте это немедленно.

Я осторожно присел на корточки. Воинственный корень тут же бросил ведро, развернулся в мою сторону и смешно пошевелил зелёным кончиком, словно слепой кутёнок.

Внутри, там, где ещё минуту назад бушевал кефирный Чернобыль, вдруг разлилось приятное, тягучее тепло. Я, сам не понимая зачем, вытянул вперёд указательный палец.

Шершавый отросток доверчиво ткнулся мне в подушеч-

ку и ласково обвился вокруг ногтя, приятно щекоча кожу слабыми разрядами статического электричества. Я мысленно приказал ему разжаться — корень послушно сполз. Я поманил его обратно — и из ящика с тихим шуршанием вылезло ещё три таких же зелёных щупальца, выстраиваясь в шеренгу по стойке «смирно».

— Эй, Лао, — позвал я в пустоту. — Ты тут у нас специалист по всякой антинаучной херне. Это чё сейчас было?

Даосский старец в моей голове долго и задумчиво хмыкал, словно пробовал мою чакру на зуб.

— Поразительно... — наконец протянул он. — Твой Изначальный Источник действительно проснулся от сильнейшего токсического шока. Вот только стихия у него весьма... специфическая.

— Не тяни кота за все подробности, дед! Огонь? Молния? Пространственный разлом? Чем я теперь врагов Империи выжигать буду?

— Хм. Основа — стихия Земли и низшей Древесной Жизни, — осторожно подбирая слова, начал культиватор. — И густо замешана на серой энергии распада и неупокоенной посмертной воле древних тружеников...

На кухне звонко и тоскливо капнула вода из ржавого гусака.

— А теперь для тупых и по-русски, — попросил я.

В левом полушарии смачно откашлялся Серёга:

— Короче, братан, не парься, я переведу. Ты теперь этот...

Колхозный некромант.

Я посмотрел на послушно виляющий хвостиком луковый корень. Потом на помятое ведро. Потом на чек из «Пятёрочки».

— Охуенно, — шёпотом резюмировал я. — Просто, блядь, мечта поэта.

В нашей Великой Империи каждый благородный отпрыск в день совершеннолетия рассчитывал получить от предков что-нибудь пафосное и убойное. Княжичи из телевизора пачками пробуждали Плазменное Дыхание, Гравитационный Кулак, Абсолютный Ноль или, на худой конец, Призыв Теневых Убийц. Вон, на прошлой неделе сынок какого-то сенатора из Москвы открыл в себе «Драконье Сердце» — так ему прямо в прямом эфире вручили генеральские погоны и госконтракт на распил оборонного бюджета.

Глава великого рода Задунайских-Рюриковичей-Учиха после пол-литра тухлого кефира научился дрессировать репчатый лук.

— Если быть терминологически точным, сие искусство именуется Агро-Некромантией! — попытался подсластить пилюлю Лао Пэн. — В древних свитках династии Тан упоминались великие мастера, способные поднять в бой целые рисовые поля!

— Не пытайся припудрить говно, старый, — отмахнулся я и для проверки сжал кулак, вкладывая в жест каплю того самого тёплого давления из живота.

Корень в ящике мгновенно налился соком, вздулся до толщины велосипедной цепи и с хрустом вывернул из трухлявой доски ржавый гвоздь. Комья жирного чернозёма веером разлетелись по коридору.

Савелий посмотрел на грязь с выражением лица человека, у которого на глазах сожгли родную деревню:

— Подметать эту вакханалию будете лично, ваша светлость. У меня уборка магических полигонов в трудовом договоре не прописана.

— Савелий, ты слепой или где?! — возмутился я. — Я пробудился! Я теперь боевой маг! Одарённый!

— Я отчётливо вижу, что вы сломали казённую ручку в сортире, перевели продукт за сорок восемь рублей и научили овощ хулиганить в прихожей.

— Это древняя сила моих предков!

— Линолеум тоже помнит ваших предков, молодой господин. Пожалейте хоть его, он на ладан дышит.

Но во мне уже взыграл азарт первооткрывателя.

— НЕ СЛУШАЙ РАБА! — подлил масла в огонь Патриарх Кровавой Бездны. — ВЛЕЙ В ЭТОТ СОРНЯК ВСЮ СВОЮ ЯРОСТЬ! НАПИТАЙ ЕГО КРОВЬЮ И ПРЕВРАТИ В ПЛОТОЯДНОЕ ДРЕВО МИРОВОГО ПОЖИРАНИЯ, ЧТОБЫ ОНО ПОЖРАЛО НЕБЕСА!

— Щас, разбежался, — фыркнул я. — Из лука-севка у меня тут только Мировое Чиполлино вырастет.

Я всё-таки зажмурился, напряг пресс так, что в пояснице

хрустнул позвонок, и вкачал в деревянный ящик весь остаток странной тёплой энергии, плескавшейся на дне желудка.

Корни в чернозёме бешено зашуршали, переплетаясь в тугой зелёный жгут. Они ушли на самое дно ящика, с лязгом ухватились за какой-то плоский металлический кругляш, погребённый в совхозной земле ещё со времён развитого социализма, и вытолкнули его на поверхность.

Раздался сухой щелчок, будто кто-то переломил сухую ветку. Из ящика в потолок ударил тощий столб серой, пахнущей силосом и махоркой пыли.

Пыль зависла над полом на уровне моей груди, закрутилась воронкой и за долю секунды слепилась в полупрозрачную, но пугающе детальную мужскую морду.

Морда была квадратной, небритой, с кустистыми бровями, тяжёлым волевым подбородком и роскошными тараканьими усами. На голове призрака красовалась мятая кепка-восьмиклинка, а во взгляде читалась такая лютая, вековая ненависть ко всему живому, какая бывает только у человека, которому за сутки до уборочной страды доложили, что механизаторы пропили все комбайны.

Савелий, стоявший в полуметре от аномалии, даже бровью не повёл — он как ни в чём не бывало отвернулся и принялся прилаживать на место оторванную туалетную ручку. Духовное зрение у моего дворецкого отсутствовало как класс.

Я медленно, по миллиметру, выпрямился. Призрачный

мужик в кепке окинул мою тощую фигуру в трусах с якорями тяжёлым, уничтожающим взглядом, набрал в призрачную грудь воздуха и рявкнул так, что с потолка посыпалась побелка:

— КТО, ЕТИТЬ ВАШУ МАТЬ ЧЕРЕЗ КОРОМЫСЛО, ОПЯТЬ СОЛЯРКУ С БАЗЫ СПИСЫВАЕТ?!

Я икнул и на всякий случай спрятал руки за спину.

— Савелий, — тонким голосом позвал я, не сводя глаз с квадратной хари. — Ты это сейчас слышал?

— Что именно, ваша светлость? — дворецкий крутил отвёрткой в замке.

— Ну... голос. Про солярку.

Призрачный председатель тем временем побагровел (насколько вообще может побагроветь облако совхозной пыли) и ткнул в меня полупрозрачным, кривым от подагры кукишем:

— Ты мне тут дурочку не валяй, расхититель социалистической собственности! Триста сорок литров зимнего дизеля по ведомости за октябрь проведено! Триста сорок! Трактор столько физически не сожрёт, даже если его, падлу, в чистом поле облить и спичку кинуть!

— Какой ещё, нахрен, трактор?! — попятился я к кухне. — Мужик, ты кто вообще?!

— «Беларус» колёсный, модель МТЗ-восемьдесят, сука ты беспартийная! — взревел дух, и лук в ящике от его крика испуганно прижал перья к земле. — Я тебя, гада, насквозь

вижу! Кто тебе путевые листы без моей гербовой печати подписывал?! Где запчасти от сеялки?!

— Молодой господин, — Савелий настороженно обернулся, глядя, как я ожесточённо спорю с пустым пространством над ящиком с рассадой. — С кем это вы сейчас дискутируете?

Я в отчаянии махнул рукой сквозь призрачную кепку:

— Да тут мужик усатый из лука вылез! Орёт, что я у него три бочки солярки спиздил!

— Руки свои грабливые от лица убери, паскуда! — возмутился дух, отмахиваясь от моей ладони. — Ты мне акт списания ГСМ по форме номер четыре предъяви, иначе я тебя щас через профком на Колыму отправлю!

И тут у меня в голове резко выключился свет. Точнее, свет на кухне остался, но ноги вдруг превратились в две переваренные макаронины, а в глазах поплыли цветные круги. Связь с ящиком оборвалась, как гнилая нитка.

— Я до тебя ещё доберусь, кулацкая морда... — злобно прошипел председатель на прощание и со вздохом рассыпался обратно в горсть сухой серой пыли, осев на зелёные перья лука.

Меня качнуло. Пытаясь поймать равновесие, я взмахнул руками, сгрёб со стола пластиковую кружку и вместе с ней мешком рухнул жопой на табуретку. Табуретка жалобно крякнула, но выстояла.

— Твою ж дивизию... — прошептал я, хватая ртом воздух,

как выброшенный на берег карась.

В голове тут же включился режим душного лектора в исполнении Лао Пэна:

— Классическое духовное истощение первого ранга! Отрок, твои меридианы узки и забиты дешёвыми углеводами! Совершить пробуждение и следом призвать Неупокоенного Стража Полей без предварительной подготовки — безумие! Твой сосуд на грани коллапса!

— Спасибо, кэп, я заметил, — прохрипел я, чувствуя, как по спине течёт ледяной пот. — Делать-то чё?

— Немедленно принять пилюлю Кровавого Лотоса тысячелетней выдержки, испить росы с вершины горы Куньлунь и погрузиться в Девять Циклов Глубокой Медитации!

— Дед, у нас из Кровавого Лотоса только сухая горчица в холодильнике, а вместо росы — вода из-под крана с ржавчиной. Давай без духовных понтов, сбавляй тариф.

— Хм. Ну хотя бы шесть циклов...

— Ноль циклов. Мне завтра в восемь утра в МФЦ очередь занимать, там бабки страшнее любого твоего демона.

Савелий молча набрал из-под крана гранёный стакан мутноватой омской воды, в которой лениво плавала окалина, и со стуком поставил передо мной.

— Пейте, ваша светлость.

Я залпом осушил стакан. Вода отдавала хлоркой и трубами времён первой пятилетки, но в голове немного прояснилось.

— Петрович, — я поднял на него мутные глаза. — Клянусь честью рода, я не вру. Над ящиком реально висел усатый хрен в кепке и требовал путевые листы на трактор.

Дворецкий перевёл тяжёлый взгляд на ящик с луком. Затем посмотрел на стоящий в раковине раздутый пакет из-под просроченного кефира. Вздохнул.

— Я же вас предупреждал, молодой господин. Кисломолочные продукты после двенадцати дней ферментации открывают в человеке чакры, о которых официальная медицина предпочитает молчать. Посидите тихо, я сейчас ручку докручу.

Ровно в пять часов двадцать три минуты утра, воспользовавшись тем, что я сижу в прострации и не могу даже поднять руку, Патриарх Кровавой Бездны предпринял вторую попытку вооружённого государственного переворота.

Государство было, прямо скажем, так себе: территория — пятьдесят восемь килограммов костей и кожи в трусах с якорями, ВВП — шестьсот двадцать рублей мелочью, а население — один законный владелец и четыре нелегальных мигранта в чердачном помещении.

Камнем преткновения стал мой категорический отказ заниматься членовредительством.

— СЛУШАЙ МЕНЯ, ЖАЛКИЙ ЧЕРВЬ! — загремел Патриарх, пользуясь тем, что мой ментальный щит просел после общения с мёртвым председателем. — Раз уж ты пробудил свой ничтожный Источник, мы обязаны немедленно

скрепить наш союз Кровавым Договором Десяти Тысяч Поколений!

— Иди лесом, я без юриста ничего не подписываю, — вяло отмахнулся я, глядя, как за окном начинает сереть унылое сибирское небо.

— ТЫ ДАЖЕ НЕ ВЫСЛУШАЛ УСЛОВИЯ ОФЕРТЫ, ГЛУПЕЦ! Всего одна капля твоей артериальной крови на алтаре — и я дарую тебе мощь, от которой императорские престолы разлетятся в щепки!

— Ага. А госпошлину за регистрацию договора кто платить будет? Ты?

— КАКАЯ ЕЩЁ, ВО ИМЯ БЕЗДНЫ, ГОСПОШЛИНА?!

— Обычная, по Налоговому кодексу Империи. Плюс нотариальный сбор, плюс страховка жизни сосуда, плюс НДС двадцать процентов. У тебя СНИЛС есть? ИНН оформлен?

— ИСТИННОЕ БЕССМЕРТИЕ ВЫШЕ БУМАЖНОЙ МЫШИНОЙ ВОЗНИ СМЕРТНЫХ! Я могу одним взмахом руки обратить реки вспять и стереть в пыль целую гору!

— О, круто, — оживился я. — А можешь одним взмахом руки нам батарею в комнате нагреть? Хотя бы градусов до пятидесяти?

В черепе повисла тяжёлая, оскорблённая тишина.

— СИЕ ЕСТЬ НИЗМЕННОЕ ЖЕЛАНИЕ ПЛОТИ, НЕДОСТОЙНОЕ МОЕГО РАНГА!

— Понятно. То есть горы ломать мы ДАртаньяны, а как стояк отопления развоздушить — так у нас лапки. Тогда си-

ди тихо и не отсвечивай.

Потом я разрешил ему на секунду поднять мою правую руку — ровно одно движение и без крови. Хотел посмотреть, на что он способен без договора.

Патриарх издал такой яростный рык, что у меня из правого уха вылетела серная пробка. И в ту же секунду моя правая рука, налившись чужой, свинцовой тяжестью, снова вышла из-под контроля. Ногти почернели, вокруг указательного пальца заплясала ядовито-алая искра демонической маны, и ладонь хищным крабом поползла по клеёнке к лежащему рядом тупому кухонному ножу, которым мы обычно ковыряли замёрзшее сало.

«Ах ты ж крыса тыловая!» — подумал я, из последних сил перехватывая собственное запястье левой рукой.

Началась безмолвная, идиотская борьба парня с самим собой. Правая рука с ножом медленно, миллиметр за миллиметром, шла к моему горлу, намереваясь пустить жертвенную кровь. Левая рука из последних сил давила её вниз. Со стороны это выглядело так, будто у молодого боярина на почве голода началась белая горячка.

В итоге я просто со всей дури припечатал собственную правую кисть лбом к кухонному столу и заорал во всю глотку:

— СТОЯТЬ, БЛЯДЬ, Я СКАЗАЛ!

Нож со звоном подпрыгнул и улетел под холодильник. Красная искра на пальце с шипением погасла.

Савелий, как раз затягивавший последний шуруп на двери, замер с отвёрткой на весу и медленно повернул ко мне своё землистое лицо:

— Молодой господин... У вас всё в порядке?

— Абсолютно, — тяжело дыша, сообщил я, продолжая прижимать бунтующую руку подбородком к липкой клеёнке.

— Вы только что ударились головой о мебель и приказали столу стоять.

— Я глава древнего рода, Савелий. Хочу — приказываю столу. Хочу — табуретке. Моя хата, мои правила.

Дворецкий критическиосмотрел кухонный гарнитур:

— Ну, стол вроде бы не возражает и побег не планирует.

Убедившись, что слуга вернулся к работе, я мысленно спустился в подвал своего сознания, взял Патриарха за грудки и процедил:

«Слушай сюда, дед. Ещё раз без спроса дёрнешь мой палец в сторону колюще-режущих предметов — я тебе устрою филиал ада прямо здесь. Я попрошу Серёгу включить его любимую историю. Без перерыва на обед».

— Пф-ф! — презрительно фыркнул демон. — Меня триста лет пытали адским пламенем в казематах Седьмого Неба! Чем меня может напугать какой-то смертный извозчик?!

— Серёга, — скомандовал я. — Фас. Расскажи уважаемому, как ты в две тысячи девятнадцатом году перед Новым годом на Ленинградке в пробке стоял. С подробностями. Поминутно.

В левом полушарии с удовольствием щёлкнула зажигалка, и таксист радостно выдохнул:

— О-о, короче, слушай сюда, Кровавый. Выезжаю я, значит, с Химок в четыре вечера, снег валит стеной, коммунальщики, пидорасы, опять реагенты зажали... Еду по второй полосе, никого не трогаю, и тут под мостом на Войковской баба на красном «Пежо» решает перестроиться через три ряда без поворотника...

— Зачем мне знать про железную повозку какой-то самки?! — высокомерно перебил Патриарх.

— Ты не перебивай, дед, тут вся соль в деталях! — обиделся Серёга. — Короче, она бьёт в крыло «Газели» с армянами, «Газель» разворачивает поперёк трассы, следом в них влетает фура с майонезом... И всё, пиздец, приплыли. Первый час мы стояли вообще без движения. Я сначала радио «Шансон» слушал. Щас я тебе все четырнадцать песен по памяти спою, там про зону и про маму...

— ЧТО ЭТО ЗА УЖАСАЮЩАЯ МЕНТАЛЬНАЯ ТЕХНИКА пытки?! — голос Патриарха дрогнул уже на третьем куплете песни «Владимирский централ» в гнусавом исполнении Серёги. — МОЙ РАЗУМ ПЛАВИТСЯ! ОСТАНОВИ ЕГО, СОСУД!

— Так я ещё даже до второго часа стояния не дошёл! — возмутился таксист. — Там же потом у мужика в соседнем «Солярисе» понос начался, а вокруг сугробы по пояс...

— ХВАТИТ! ДОСТАТОЧНО! — взвыл Разрушитель Ми-

ров, мысленно закрывая уши руками. — Я ПРИЗНАЮ ТВОЁ ДОМИНИРОВАНИЕ, СМЕРТНЫЙ! Я не стану брать управление плотью без твоего дозволения, только заткни этого демона дорог!

Я удовлетворённо ухмыльнулся и убрал подбородок с правой руки. Пальцы слушались идеально.

«То-то же, Бессмертный. Против люберецкого таксопарка твоя Бездна — детский утренник. И учти: трон в башке не проси, все табуретки уже заняты».

— Бип. В архиве зафиксирован критический перегрев центрального процессора, — неожиданно подал голос умный чайник Xiaomi. — *Температура в контуре достигла девяноста семи градусов по Цельсию. Настоятельно рекомендуется засыпать лимонную кислоту для удаления накипи из шишковидной железы.*

Я потрогал лоб. Лоб был мокрый и холодный, как пельмень.

— Слышь, кастрюля с вайфаем, какие девяносто семь градусов? При такой температуре белок сворачивается, я бы уже ухой из ушей капал! Откуда данные?

— Данные загружены из последнего локального сохранения перед разрушением физического корпуса , — невозмутимо ответил прибор.

Я закатил глаза, припоминая тот чёрный день два года назад. Мне тогда было шестнадцать, денег в доме уже не водилось, а попить горячего чаю очень хотелось. Поэтому я ре-

шил самостоятельно починить сгоревший на свалке умный чайник при помощи дедовского паяльника, синей изоленты и обучающего видео на Рутьюбе «Ремонт китайской техники за 5 минут, справится даже даун!».

Как выяснилось на третьей минуте ролика, автор видео был потомственным техномагом шестого ранга. Когда я замкнул контакты отвёрткой, чайник ослепительно вспыхнул синим пламенем, пробил мне через розетку дуговой разряд прямо в лобную кость и улетел в окно. С тех пор кусок его китайской нейросети намертво впаялся в мою подкорку и регулярно требовал обновить прошивку.

— То есть ты мне сейчас на полном серьёзе докладываешь температуру кипятка двухлетней давности?!

— *Абсолютно верно. Других датчиков не обнаружено. Оцените работу приложения от одной до пяти звёзд.*

— Нормальный агрегат, шеф, не гони на него, — вступился за железяку Серёга. — У меня в «Логане» датчик топлива так же работал: всегда показывал полбака, даже когда я с пустым баком на обочине голосовал. Главное — стабильность.

В этот момент мой телефон, лежавший на краю стола на соплях изоленты, противно, по-казённому пропиликал и зажёг экран тревожным красным светом.

Пришло push-уведомление с портала «ГосМагУслуги». Я придвинул мобильник к носу и прочитал:

ФЕДЕРАЛЬНАЯ СЛУЖБА SPIRIT-КОНТРОЛЯ И МИГРАЦИИ ДУШ

Уведомление 666-ОМСК/26

Уважаемый Задунайский-Рюрикович-Учиха В. С.!

Автоматическими пеленгаторами астрального фона зафиксировано несанкционированное увеличение плотности души в вашей черепной коробке.

Текущий статус объекта: ***Резиновая голова (Многодушное общежитие)****.*

Выявлено незарегистрированных сущностей: ***1 (класс: Демон/Патриарх, страна происхождения: Кровавая Бездна, без визы)****.*

Вам надлежит в течение 72 часов явиться в ближайшее отделение МФЦ для постановки мигранта на кадастровый и налоговый учёт. В случае неявки на владельца черепа налагается административный штраф в размере 50 000 рублей и ***полная блокировка всех операций с движимым и недвижимым имуществом (включая ломбарды)****.*

Я перечитал последнюю строчку трижды. Буквы не менялись.

— Савелий, — тихо позвал я.

— Я доделал замок, ваша светлость, можете снова пить кефир, — отозвался дворецкий, собирая инструмент.

— Савелий, у нас жопа. Причём многокомнатная.

— Конкретизируйте.

— Ко мне сегодня ночью в голову без спроса заселился древний архидемон.

— Бывает. Сочувствую.

— Налоговая его только что спалила по пеленгаторам. Требуют в три дня оформить ему временную регистрацию в МФЦ.

— Оформим, госпошлина там небольшая, — равнодушно пожал плечами Савелий.

— Ты не понял. Если я за три дня не поставлю этого рогатого нелегала на учёт, ГосМагУслуги заблокируют мне все сделки с паспортом. Включая заклад имущества в ломбард и реструктуризацию долга за ЖКХ.

Отвёртка со стуком выпала из пальцев дворецкого и покатилась по линолеуму. Лицо Савелия Петровича мгновенно приобрело оттенок вчерашнего покойника.

— А вот это, молодой господин, уже катастрофа геополитического масштаба, — прошептал он, выхватывая у меня телефон. Быстро пробежал глазами красный текст, открыл свой ежедневник и решительно перечеркнул половину страниц. — Так. Академия и ломбард идут после регистрации. Завтра в семь тридцать утра мы с вами штурмуем МФЦ.

— Подожди! — возмутился я. — А какого хера они вообще до меня докопались?! Китаец двенадцать лет живёт, таксист шесть, чайник два — и ни одна собака из ФМС даже не чихнула!

— Предыдущие ваши квартиранты по классификатору проходили как «бытовой духовный мусор и мелкие галлюцинации», — со знанием дела пояснил Савелий, стуча пальцем по экрану. — Пенсионер из Хэнани без боевого резер-

ва, водитель категории «Б» и неисправный электроприбор в сумме давали фон меньше микрозиверта. А сегодня в вас, судя по графику, влетела туша с резервом выше порога обязательной регистрации. Он фонит на весь микрорайон, как дырявый реактор.

— Я ПАТРИАРХ ДЕВЯТИ ТЫСЯЧ КРОВАВЫХ НЕБЕС! — гордо подтвердили из мозжечка.

— Тем более, — вздохнул Савелий.

Я вытаращился на дворецкого:

— Стоп. Ты что, тоже его сейчас услышал?!

— Боже упаси, ваша светлость. Просто у вас каждый раз, когда он орёт, правый глаз косит к переносице и вы губами шевелите, повторяя слово «Патриарх». Тут не нужно быть телепатом. Меня сейчас волнует другое... — Савелий нахмурился и открыл калькулятор. — Если мы пропишем его в вашей голове официально, ЖЭК ведь пересчитает нам нормативы потребления воды и вывоз твёрдых бытовых отходов ещё на одного взрослого жильца.

Я медленно, очень аккуратно положил телефон на клеёнку.

— Петрович. Даже не думай.

— Но закон требует указывать всех членов домохозяйства!

— Он бестелесный дух, Савелий! Он не моется в душе и не выносит мусор! Он живёт у меня между ушами!

— Попробуйте объяснить это бухгалтерии нашего ТСЖ.

Они бабе Зине в прошлом году начислили за водоотведение на её покойного мужа, потому что он ей три раза во сне приснился.

— ВЛАДЫКА БЕЗДНЫ НЕ ПЛАТИТ ДАНЬ СМЕРТНЫМ ЖЕКАМ! — возмущённо взвыл Патриарх, наконец-то уловив суть финансовой угрозы.

— Слышь, Владыка, — сказал я вслух, постучав себя кулаком по лбу. — Выбор у тебя простой: либо ты в восемь утра в окошке номер четыре молча получаешь талончик на временную регистрацию, либо я сейчас иду в церковь через дорогу, покупаю за сто рублей свечку от геморроя и кадилом выкуриваю тебя обратно в твою Бездну. Усёк?

В черепе что-то обиженно заскрежетало, но Патриарх благоразумно заткнулся — перспектива встречи с православным экзорцистом из омской епархии пугала даже древних демонов.

На подоконнике тихо шуршал землёй ящик с рассадой. Я скосил глаза: на поверхности чернозёма, прямо там, где недавно рассыпался призрачный председатель, тускло поблёскивал тот самый металлический кружок, который вытолкнули корни.

Я подцепил находку двумя пальцами и потёр о трусы, счищая вековую грязь. Это оказалась старая, изъеденная ржавчиной латунная печать без рукоятки. Сквозь патину проступали серп с молотом, колоски пшеницы и полустёртая надпись по кругу: *«Совхоз Заря. Правление»*. А по ободу кто-то

нацарапал: *«Путь к Бессмертию. Отдел ГСМ»*.

— Лао, — мысленно позвал я китайца. — Слышь, а этот усатый хрен в кепке... Он типа теперь мой фамильяр?

— В некотором роде, юноша, — степенно отозвался культиватор. — Твоя агро-некромантия пробудила Духа-Хранителя этого артефакта. Древние управленцы такого ранга после смерти сохраняют колоссальный объём знаний! Он может поведать тебе рецепты утраченных эликсиров плодородия, указать места тайных захоронений императорской казны или обучить технике Боевого Серпа...

— Солярку он тебе укажет, где пиздить, — хмыкнул Серёга. — И как карбюратор на тракторе продувать. Я таких председателей в области знаешь сколько перевёз? Пока на грудь стакан самогона не примет — хер ты от него даже снега зимой допросишься.

Я вздохнул и сунул совхозный артефакт в карман растянутых треников. Ладно, с мёртвым завхозом разберёмся позже, хоть один хозяйственный мужик в нашей семье появился.

Часы-ходики со сломанной кукушкой на стене пробили пять пятьдесят семь.

— Молодой господин, — Савелий решительно снял с гвоздя арендованный смокинг с половником на гербе. — Умоляю, надевайте штаны и пиджак. У нас осталось три минуты.

— До чего три минуты? МФЦ же с восьми.

— До шести утра. Согласно дворянскому этикету, ровно в

шесть ноль-ноль в день совершеннолетия Главы Рода открывается официальное окно приёма дипломатических делегаций, челобитных и... прочих юридических претензий.

Я посмотрел на него как на умалишённого:

— Савелий, какие, в пизду, дипломатические делегации в шесть утра в спальном районе Омска?! Кто к нам сюда попрётся по темноте через гаражи — послы Атлантиды?

— У высшей аристократии свои причуды, ваша светлость. Лучше встретить их в смокинге, чем в якорях.

Я с отвращением влез в чужие, пахнущие нафталином и чужим потом брюки, накинул на голое тело пиджак и как раз застёгивал на шее удавку дворянской манишки на липучке, когда стрелки часов сошлись на отметке **05:59**.

И в ту же секунду в коридоре ожил домофон.

Необходимо пояснить: наш подъездный домофон марки «Цифрал-Маг» был мёртв последние три года — с тех самых пор, как алкаш с четвёртого этажа попытался зарядить от него автомобильный аккумулятор. Трубка висела на стене исключительно для мебели, заменяя нам вешалку для рожка для обуви.

Но сейчас из мёртвого пластикового динамика на всю квартиру, перекрывая шум холодильника, на ультразвуке грянул Государственный Гимн Российской Магической Империи в рок-обработке. Причём мембрана внутри трубки так отчаянно хрипела и захлёбывалась на высоких нотах, словно сам Государь Император лично пел нам в подъезд, предва-

рительно подавившись сухарём.

Я замер с незастёгнутой ширинкой.

— Петрович... Это за нами из военкомата или уже из ада?

Савелий вместо ответа пулей метнулся к окну, на миллиметр отодвинул край застиранной тюлевой занавески и застыл, словно соляной столп.

С улицы, пробивая даже двойные рамы, заклеенные на зиму поролоном и газетой «Вечерний Омск», донёсся звонкий, поставленный на курсах актёрского мастерства девичий визг:

— Эй, курица крашеная, куда ты лезешь без очереди?! Я в таблице на шесть ноль-ноль записана, у меня тайм-слот оплачен!

— Закрой рот, деревня! — немедленно ответил ей второй голос, от которого веяло такими деньгами и столичным снобизмом, что у меня на окне треснула замазка. — Род князей Долгоруких-Таврических стоит выше твоего захудалого баронства на шестьсот лет! Подвинь свой зад, у меня тут свет выставляют!

— Да мне вообще похуй, с какого века твоя бабка с печки упала! У меня рилсмейкер и кольцевая лампа только на сорок минут арендованы, а мне ещё в семь утра на ногти!

Во дворе что-то тяжело и звонко бумкнуло по капоту, взвыла магическая сигнализация, и в спор вклинился истеричный мужской фальцет:

— Девочки, ну ёб вашу мать, не вставайте вы против солн-

ца! Вы мне весь контровой свет своими кокошниками перекрыли! Охрана, уберите эту лошадь из кадра, я не могу поймать фокус на родовом перстне!

— Кто лошадь?! Гвардейцы, отрубите этому холопу со штативом руки по самые гланды!

Я, чувствуя, как по позвоночнику ползёт холодная гусеница дурного предчувствия, подошёл к окну и выглянул из-за плеча Савелия.

Разбитый двор нашей пятиэтажки, где обычно парковались только ржавая «Нива» участкового и три бродячие собаки, напоминал парковку перед саммитом Большой Двадцатки в разгар апокалипсиса.

На детской площадке, прямо поверх сломанной горки и песочницы, в два ряда стояли удлинённые эфирные лимузины с золотыми гербами на дверях, четыре гусеничных броневика Тайной Канцелярии в стразах Сваровски, пара запряжённых боевыми пегасами золочёных карет и один абсолютно вырвиглазный, кислотно-розовый летающий «Майбах», который по-хамски завис на уровне второго этажа, сбив своим антигравом верёвки с сохнущими панталонами бабы Зины.

А внизу, в свете десятков профессиональных софитов, в грязи и осенних лужах толкалась толпа девиц.

Их было человек сорок. В бальных кринолинах от Валентино, в обтягивающих латексных боевых комбезах имперских валькирий, в соболиных шубах поверх кружевного бе-

лья и в парадных мундирах Академии. И абсолютно у каждой в наманикюренных пальцах была зажата бархатная коробочка с помолвочным кольцом, а у некоторых — длинные, свёрнутые в рулоны пергаментные свитки с болтающимися вислыми печатями.

Вокруг невест, сбиваясь с ног, носились потные операторы с камерами на стабилизаторах, визажисты с пуховками и угрюмые мордовороты-телохранители в экзоскелетах.

Прямо под моим окном какая-то блондинка в бриллиантовой тиаре деловито репетировала перед зеркальцем:

— Значит так, Антон, слушай ТЗ: когда этот нищеброд откроет дверь, я сначала делаю паузу три секунды, чтобы зритель прочувствовал моё ледяное презрение. Потом говорю: «Ты недостоин даже дышать со мной одним воздухом, мусор!», швыряю ему контракт в табло и пускаю слезу гордости. Ты в этот момент даёшь крупный план на мои скулы и запускаешь из дым-машины снежный вихрь. Все поняли? Чтобы в «Россграме» к обеду миллион просмотров висел!

Чуть правее два личных дружинника какого-то графа в тяжёлых латах пытались оттащить в сторону зелёный мусорный бак, который портил гламурную композицию кадра. Проблема заключалась в том, что перед баком, широко расставив ноги в войлочных тапках и натянув поверх байкового халата рыжую лисью шапку, насмерть стояла председательница нашего ТСЖ Раиса Никаноровна.

В мозолистой руке пенсионерки, как булава Ильи Муром-

ца, покачивался полутораметровый стальной лом для колки льда.

— Я те щас покажу «уберите реквизит», морда твоя протокольная! — перекрывая гул турбин «Майбаха», рявкнула Раиса Никаноровна на двухметрового латника. — Это инвентарная собственность ЖЭКа номер четыре! Ещё раз палец к контейнеру протянешь — я тебе этим ломом твой дворянский титул прямо через забрало в жопу затолкаю! Ишь, понаехали, бляди крашеные, весь газон своими пегасами засрали!

Я медленно, с тихим скрипом шейных позвонков, повернул голову к Савелию:

— Петрович. Объясни мне, пожалуйста, пока у меня инсульт не случился. Что это за съёмки шоу «Холостяк» в Чернобыле?

Дворецкий с абсолютно каменным лицом открыл на смартфоне вкладку городских светских мероприятий, свайпнул влево, свайпнул вправо, увеличил карту нашего двора и тихо крякнул.

— Официальные родовые помолвки, молодой господин.

— ЧЬИ, БЛЯДЬ, ПОМОЛВКИ?!

— Ваши. Заключённые вашим покойным батюшкой от вашего имени за последние восемнадцать лет.

— С кем из них?! — я ткнул пальцем в беснующуюся под окнами армию гламура.

Савелий печально обвёл взглядом двор от трансформа-

торной будки до детской площадки:

— Судя по реестру — с тремя присутствующими. Остальные приехали унижать вас безо всяких договорных обязательств.

Я схватился руками за голову, чувствуя, как внутри черепа от такой новости синхронно подавились даже чайник и китаец:

— Да какого хера меня сорок баб бросать приехали, если я с тридцатью семью даже не обручён?! У нас что, халифат?! И какого хера они все припёрлись в одно утро?!

— Видите ли, ваша светлость... — деликатно кашлянул Савелий. — Когда вашему отцу не хватало средств на ставки в тараканьих бегах, он торговал правом на династический брак с единственным наследником великой фамилии Учиха-Рюриковичей. Выдавал векселя оптом, со скидкой, в тёмную. Три семейства успели заключить настоящие договоры. Когда обман вскрылся и выяснилось, что из всего приданого у вас только долг за капремонт и крысы в стене, до вашего восемнадцатилетия контракты остались под опекунским мораторием. А остальные тридцать семь девиц записались на модное публичное унижение. Они вам юридически вообще никто.

Дворецкий развернул ко мне экран смартфона. Там, в закрытом паблике «Золотая Молодёжь Империи», висел анонс сегодняшнего ивента с геолокацией нашего подъезда:

ГЛАВНЫЙ ЧЕЛЛЕНДЖ ОСЕНИ: «БРОСЬ НИ-

ЩЕГО БАСТАРДА В ПРЯМОМ ЭФИРЕ!»

Девочки, сегодня в 06:00 спадает мораторий с последнего Задунайского! Собираемся всем светом, рвём помолвки ему в лицо на камеру, хайпим на охватах и закрываем гештальт! С собой иметь: кольцо, слёзы презрения и сменную обувь (в подъезде насрано). Сбор у мусорки в 05:45!

Внизу с оглушительным звоном осыпалось лобовое стекло розового «Майбаха» — это Раиса Никаноровна всё-таки перешла от дипломатических нот к коммунальному террору и отоварила капот иномарки ломом за наезд на клумбу из автомобильных покрышек.

В моей голове творился филиал сумасшедшего дома.

— ХА-ХА-ХА! — громогласно ликовал Патриарх Кровавой Бездны, совершенно не врубаясь в контекст происходящего. — Я ЖЕ ГОВОРИЛ ТЕБЕ, СОСУД! ВЕСТЬ О МОЁМ ПРОБУЖДЕНИИ ОБЛЕТЕЛА ИМПЕРИЮ! ЭТИ ТРЕПЕТНЫЕ ДЕВЫ СЪЕХАЛИСЬ СО ВСЕХ КОНЦОВ СВЕТА, ДАБЫ ПАСТЬ НИЦ И СДЕЛАТЬСЯ НАЛОЖНИЦАМИ В МОЁМ ГАРЕМЕ!

— Какой гарем, дед, очнись, они нас щас ногами пиздить будут за отцовские ваучеры! — заорал на него Серёга. — Шеф, слушай меня внимательно: с таким трафиком у подъезда надо срочно вводить платный въезд во двор и двойной тариф за ожидание! Мы щас на одних парковочных талонах всю коммуналку отобьём!

— Столь обширный приток женской энергии Инь, даже

негативно окрашенной, можно конвертировать в отличное удобрение для нашей рассады... — задумчиво вставил свои пять копеек Лао Пэн.

— *Бип. По словам владельца, на входную дверь производится DDoS-атака*, — резюмировал чайник Xiaomi. — *Рекомендуется притвориться мёртвым или сбросить настройки владельца до заводских.*

На лестничной клетке первого этажа с грохотом распахнулась входная железная дверь — передовой отряд разъярённых княжон вместе с операторами и кольцевыми лампами прорвал оборону Раисы Никаноровны и с боевым кличем ломанулся вверх по ступенькам к нашей квартире.

Я перевёл взгляд на одинокий серый пельмень, сиротливо потеющий на солдатском одеяле.

Потом на квитанцию ЖКХ в сто восемьдесят шесть тысяч четыреста рублей.

Потом на вышитый золотом половник на собственной груди.

— Савелий, — тихо спросил я, застёгивая наконец ширинку. — И сколько их там всего по списку?

Наследственный дворецкий рода Задунайских аккуратно поправил манжеты на протёртых рукавах, выпрямил звенящую спину и с непередаваемым достоинством сложил руки на животе:

— Сорок две позиции в живой очереди и шестнадцать по предварительной записи через Госуслуги, ваша светлость.

Но самих девиц ровно сорок: у некоторых по два дубля на случай неудачного ракурса. Держите лицо. Вас приехали бросать оптом.

Глава 2

Глава 2. Госпошлина за унижение

— УБЕРИТЕ, БЛЯДЬ, ЭТУ ЛАМПУ ОТ МОЕГО ЕБАЛА, Я СЛЕПНУ!

Именно этой исторической фразой открылась моя первая официальная аудиенция в статусе совершеннолетнего главы дома Задунайских-Рюриковичей-Учиха.

На обшарпанной лестничной клетке второго этажа было тесно, как в братской могиле. Прямо передо мной топтались три нафуфыренные девицы в кринолинах, два потных оператора со стабилизаторами, двухметровый шкаф в боевом экзоскелете и какой-то чахоточный сморчок в пенсне, прижимавший к груди пухлую папку с тиснением: «ДИНАСТИЧЕСКОЕ ПРАВО. РАЗВОДЫ. ЭКЗОРЦИЗМ. НЕДОРОГО». Ещё десятка полтора невест с визгом и матом штурмовали пролёт этажом ниже, а на улице под вой сирен пытался прорвать блокаду из карет муниципальный мусоровоз.

— Ты Всеволод?! — рявкнула передо мной крашеная брюнетка в платье цвета свежей артериальной крови и с таким декольте, что в нём можно было спрятать краденый телевизор.

— Смотря кто интересуется, — я прикрыл глаза ладонью от выжигающего сетчатку света кольцевой лампы. — Если из военкомата, то я в коме.

— Перед тобой баронесса Аделаида Константиновна Черепанова, червь!

Она так гордо вскинула подбородок, что её правая шпилька от Лабутена со свистом ушла в вековую щель между бетонными плитами нашего аварийного подъезда. Послышался сухой треск дорогого супинатора.

— Ногой не дёргай, баронесса, — дружелюбно посоветовал я. — Там арматура ржавая торчит. Иначе первая дворянская ампутация состоится ещё до завтрака, а зелёнки у нас нет.

— ОХРАНА! — взвизгнула Аделаида, теряя равновесие.

Двухметровый мордоворот с гравировкой Черепановых на наплечнике мгновенно выхватил из ножен двуручный плазменный меч и с ненавистью уставился на бетонную плиту:

— Прикажете казнить лестницу за оскорбление чести рода, госпожа?!

— КАКАЯ КАЗНЬ, ДЕБИЛ СТЕРОИДНЫЙ, ТЫ МЕНЯ ЗА ЖОПУ ДЕРЖИ И ТУФЛЮ ТЯНИ!

Пока гвардеец, кряхтя и роняя казённое оружие, выкорчёвывал хозяйку из советского железобетона, Савелий деликатно потянул меня за рукав арендованного смокинга:

— Молодой господин, ведите себя прилично. Конкретно эта невеста — настоящая. По документам проходит.

— В смысле? А остальные тридцать девять кто? Аниматоры?

— Из всей толпы реальные брачные векселя от вашего батюшки есть только у троих, — шёпотом доложил дворецкий, сверяясь с телефоном. — Остальные тридцать семь вашу светлость в глаза не видели. Они просто приехали снять модный рилс под трендовый звук «Бросаю нищеброда на рассвете».

Тем временем чахоточный юрист в пенсне раскрыл свою папку и сунул мне под нос пожелтевший гербовый лист с пятном от селедочной головы.

— Согласно пункту четвёртому брачного сговора, — прогундосил он, — покойный князь Задунайский обязался передать баронам Черепановым в качестве выкупа за невесту десять голов элитного племенного скота молочной породы. Сроки вышли. Где стадо?

— На кухне в холодильнике, — честно ответил я. — Правда, из породистого там только чёрная плесень, и доить её я бы не советовал — кусается.

Аделаида, наконец освобождённая из плена лестницы (каблук остался жить в бетоне навсегда), криво встала на одну ногу, приняла трагическую позу и торжественно воздела над головой коробочку с обручальным кольцом:

— Я, наследница сорока семи поколений непорочной дворянской крови, плюю на твой порог и объявляю тебе, жалкий безродный бастард...

— Да-да, я говно, вы королева, — перебил я, протягивая руку к юристу. — Дядь, дай ручку, где там крестик за рас-

торжение поставить? Мне ещё завтра к восьми утра надо демона в МФЦ прописать.

Сморчок возмущённо поправил пенсне:

— Молодой человек, не ломайте процедуру! По древнему обычаю отвергнутый жених обязан рухнуть в грязь, обхватить сапожки невесты и трижды возопить о пощаде!

— Это по какому кодексу? По Уголовному?

— По кодексу Боярской Чести!

— Ну вот пусть ваша Боярская Честь на бетон и падает. У меня после утреннего кефира колени скрипят, я если сейчас сяду — вы меня только домкратом поднимете. Давайте бумагу.

Я размашисто черкнул подпись на бланке отказа от взаимных претензий. Аделаида, продолжая держать трагическую позу, с раздражением расписалась рядом. В планшете юриста пикнуло уведомление с «ГосМагУслуг»: помолвка официально аннулирована, обязательство по коровам закрыто по взаимному отказу от претензий.

Аделаида так и застыла с вытянутой рукой, напоминая одноногую статую Свободы после инсульта.

— В смысле «всё»?! — голос баронессы сорвался на ультразвук. — А моя речь?! Я её три дня с логопедом репетировала! Мне копирайтер текст за двадцать тысяч писал!

— Можете зачитать Савелию, — кивнул я на дворецкого. — У него в прейскуранте есть услуга «Выслушать господина с лицом глубокого раскаяния». Недорого берёт.

— МНЕ НУЖЕН КРАСИВЫЙ РАЗРЫВ НА КАМЕРУ, УРОД! У МЕНЯ РЕКЛАМНАЯ ИНТЕГРАЦИЯ ПРОПАДАЕТ!

У меня в левом полушарии смачно щёлкнула виртуальная зажигалка.

— Короче, шеф, не тупи, — оживился таксист Серёга. — Клиентка сама просит включить двойной счётчик за простой. Стриги купоны, пока фраер ушами хлопает!

Я прищурился, смерил взглядом дрожащую от ярости баронессу, её потного оператора и очередь из тридцати девяти таких же инста-княжон внизу. Затем медленно протянул ладонь лодочкой:

— Пятьсот рублей.

Аделаида моргнула, и у неё отклеилась половина левой ресницы:

— Чего?!

— Пятьсот рублей наличкой или переводом по СБП, — деловито пояснил я. — В тариф входит: аренда моей скорбной рожи на три минуты, чистый угол без соседских трусов в кадре и ваше полное право швырнуть в меня кольцом. Рыдать и целовать шпильку за пятихатку не буду — это уже вип-пакет, у вас денег не хватит.

— ТЫ ПРЕДЛАГАЕШЬ МНЕ ЗАПЛАТИТЬ ТЕБЕ ЗА ТО, ЧТОБЫ Я ТЕБЯ УНИЗИЛА?! — баронесса начала хватать ртом воздух.

Её оператор, мрачный парень в толстовке с надписью

«Свадьбы. Похороны. Дуэли», лениво глянул на часы:

— Аделаида Константиновна, соглашайтесь. У меня почасовая тарификация, через десять минут пойдёт второй час аренды камеры — отдадите пять косарей. Пятьсот рублей этому доходяге — вообще халява.

Баронесса секунду боролась с вековой гордостью предков, но жадность победила с разгромным счётом.

— Где твой терминал, выродок?! — прошипела она, выхватывая из сумочки платиновую карту.

— Петрович, — я повернулся к камердинеру. — У нас в хозяйстве есть терминал?

— Смартфон с NFC, ваша светлость, — Савелий уже лихорадочно тыкал пальцем в экран. — Только умоляю, одну минуту. Я сейчас зарегистрирую вас самозанятым в приложении «Мой Налог», иначе нас за незаконную предпринимательскую деятельность прямо тут ОМОН примет. Какую категорию бизнеса указывать? «Услуги населению» или «Цирковое искусство»?

— Пиши: «Аренда производственных площадей лица», — я покосился на штурмующую подъезд толпу. — Кажется, мы только что нащупали золотую жилу нашего рода.

— Имейте в виду, молодой господин, — строго предупредил дворецкий, протягивая телефон баронессе, — настоящие династические контракты мы обязаны расторгать бесплатно по закону. Деньги берём строго за предоставление локации для видеосъёмки. И ради бога, не вздумайте вслух на-

звать это «госпошлиной» — это статья за присвоение властных полномочий.

— Понял, не дурак. Назовём это акционным тарифом «Госпошлина за унижение». В кавычках. Чисто художественный бренд.

Савелий посмотрел на меня с лицом адвоката, который уже мысленно просит у судьи условный срок для своего подзащитного, но чек пробил.

* * *

К шести часам двадцати двум минутам наш подъезд окончательно превратился в филиал чистилища. Лестничные марши с первого по третий этаж были намертво забиты шлейфами от платьев, софитами, боевыми магами охраны и запахом тяжёлого люкса вперемешку с кошачьей мочой.

Сверху, с четвёртого этажа, отчаянно пытался пробиться на волю сосед дядя Толя — слесарь-фрезеровщик шестого разряда.

— Да пустите вы меня, шалавы крашеные, мне к семи на завод, у меня проходная по отпечатку пальца! — орал дядя Толя, пытаясь перешагнуть через чей-то бархатный кринолин.

— Смерд, как ты смеешь дышать мне в диадему?! — визжала какая-то графиня. — Здесь вершится судьба древних родов!

— Щас я те судьбу мусорным пакетом поправлю, овца! У меня за опоздание тринадцатую зарплату срежут! Быстрее

бросайте своего дистрофика и уёбывайте!

Дорогу пролетариату преградил гвардеец в полном латном доспехе и потребовал предъявить дворянскую грамоту на право спуска по лестнице. Дядя Толя без лишних слов предъявил ему в забрало полное ведро картофельных очистков.

А секундой позже снизу, перекрывая звон доспехов и девичий визг, бабахнул голос такой разрушительной акустической мощи, что на втором этаже лопнула лампочка:

— ЗАДУНАЙСКИЙ, ТВАРЬ ТЫ НЕКРЕЩЁНАЯ! А НУ СПУСКАЙСЯ СЮДА, ПОКА Я ТВОЮ РОДОСЛОВНУЮ ЛОМОМ НА НОЛЬ НЕ ПОМНОЖИЛА!

Я перегнулся через перила. Внизу, в дверях подъезда, стояла председательница нашего ТСЖ Раиса Никаноровна. В правой руке она сжимала свой верный полутораметровый лом, а в левой — засаленную амбарную книгу в клеёнчатой обложке. Лом отвечал за силовую дипломатию, книга — за смету разрушений.

— Раиса Никаноровна, доброе утро! — радостно крикнул я, сбегая по ступенькам и наступая кому-то на соболиный палантин. — Прекрасно выглядите!

— Ты мне зубы не заговаривай, ирод! — председательница ткнула ломом мне прямо в вышитый на груди половник. — Ты посмотри, чё твои шмары во дворе устроили! Мусоровоз заблокировали, колёсами по детской площадке проехали, поребрик свежекрашеный своротили! Кто за этот Содом

платить будет?! Пушкин?!

— Ну почему сразу Пушкин? — я картинно развёл руками, указывая на притихших аристократок. — Вот же они, виновницы торжества. У каждой на пальце по трёхкомнатной квартире надето.

Девицы синхронно сделали морды кирпичом и уставились в экраны айфонов, делая вид, что они тут вообще случайно мимо проходили за хлебом.

— Мне плевать, кто там чей холоп, квартира на тебе числится — значит, акт порчи общедомового имущества я тебе на спину гвоздём прибью! — отрезала Раиса Никаноровна.

— А если я вам прямо сейчас за десять минут освобожу подъезд, выстрою эту дикую дивизию в ровную шеренгу у теплотрассы, расчищу проезд для мусоровоза и сдам номера всех машин, которые на газон заехали?

Председательница подозрительно прищурилась. Левый глаз у неё дёрнулся.

— Ну, если до десяти утра двор вылижешь... тогда ломом вдоль хребта не получишь.

В дипломатии Императорского Омска это считалось грандиозной геополитической победой.

В этот момент из-за спины Раисы Никаноровны, со стороны золочёной кареты с гербом князей Волконских, вынырнул холёный лакей в напудренном парике. В руках он берёг серебряный поднос, на котором покоились кружевные перчатки, флакон нюхательной соли и сургучная печать разме-

ром с утюг.

— Прочь с дороги, убогая старуха! — звонко потребовал лакей, пытаясь протиснуться в подъезд. — Я несу реквизит для обряда отвержения моей госпоже!

Раиса Никаноровна даже головы не повернула — просто выставила вбок руку с амбарной книгой и упёрла её лакею прямо в кадык.

— Слышь, пудель крашеный. Тут пять минут назад КАМАЗ мусорный проехать не смог, а у него бампер всяко шире твоего подноса. Шаг назад сделал, пока я тебе этим подносом причёску не поправила.

— Да как вы смеете?! У меня мандат Княжеской Крови!

— А у меня предписание Санэпидемстанции, ключ от чердака и три судимости у зятя. Угадай с трёх раз, чей мандат щас глубже войдёт?

Лакей побледнел сквозь пудру и молча попятился в кусты сирени.

В моей черепной коробке раздался полный благоговейного ужаса выдох Патриарха Кровавой Бездны:

— КТО ЭТА УЖАСАЮЩАЯ ВЕДЬМА, СОСУД?! Её духовное давление подавляет даже мою демоническую волю! Назначь её верховным генералом нашего авангарда, с ней мы возьмём Небеса до обеда!

— Нормальная тётка, с понятиями, — уважительно кивнул Серёга. — Ей бы жезл полосатый дать и на МКАД поставить — там бы даже кортежи мигалки сами скручивали.

— *Бип. Попытка сканирования объекта не удалась*, — пискнул чайник Xiaomi. — *Уровень агрессии превышает лимит бытовой техники. Рекомендуется не попадаться ей на глаза без квитанции об оплате.*

— Раиса Никаноровна, — я перешёл на доверительный деловой шёпот. — Слушайте, у вас же в подсобке после весенних выборов в правление ТСЖ остался тот складной железный турникет? Которым вы пенсионеров от бесплатной гречки отсекали?

— Ну остался. Тебе на кой ляд?

— Хочу культурную очередь организовать. Буду брать по пятьсот рублей с каждой дуры, которая хочет меня на камеру бросить. Кто по настоящему договору — тех бесплатно без очереди пропустим, остальных строго по билетикам.

Председательница медленно перевела взгляд с розового летающего «Майбаха» на мой арендованный пиджак с алюминиевым половником, затем покрутила пальцем у виска, но ключ от подсобки из кармана халата достала.

— Значит так, коммерсант хренов. Турникет выдаю под роспись. Ставишь его вон там, на бетонной плите у продуха теплотрассы, чтобы под окнами мне не визжали. Проход к подъезду держишь свободным: в восемь утра бабе Зине скорая приедет клизму ставить, в полдевятого почтальон пенсию понесёт — чтоб ни одна блядь в короне им дорогу не перегородила! И номера всех колымаг, что на мою клумбу залезли, перепишешь мне на бумажку с фамилиями владель-

цев. Усёк?

— Сделаем в лучшем виде!

— Сломают вертушку — я из тебя новую выгну. В подсобке два турникета стоит, бери тот, что красной краской мазанный. Синий не трожь, он для бродячих собак.

— А чем они отличаются? — удивился я.

— Собаки умнее, они через верх не лезут, — отрезала Раиса Никаноровна.

* * *

Савелий Петрович выносил ржавый двадцатикилограммовый турникет из подвала с таким скорбным величием, словно нёс крест на Голгофу.

— Молодой господин, — процедил он, с грохотом устанавливая железную рогатку на бетонной площадке возле продуха теплотрассы. — Довожу до вашего сведения, что в десять утра у меня начинается оплаченная смена в «Имперской Доставке». Кто у вас тут будет билетёром работать?

— Ну, до десяти-то ты тут. Вот и постоишь на кассе.

— А переработка как оплачивается? По двойному тарифу выходного дня?

Я страдальчески потёр переносицу:

— Савелий, ну имей совесть! Мы тут родовое гнездо от долговой ямы спасаем! Запиши часы на бумажку, разбогатеем — сочтёмся.

— Уже зафиксировал в трекере рабочего времени, ваша светлость, — дворецкий продемонстрировал экран смартфо-

на, где тикал секундомер с пометкой «Эксплуатация труда камердинера в особо циничной форме». — С шести нольноль утра. Деньги пока числятся долгом, чтобы вы потом не говорили, будто я работал за честь рода. Под ваше устное распоряжение при свидетелях.

— Скажи честно, Петрович... Ты мне хоть в чём-нибудь вообще на слово веришь?

— Безусловно. Когда вы говорите, что хотите жрать — я верю безоговорочно. Во всех остальных случаях предпочитаю кассовый чек.

Через пять минут к ржавому боку турникета скотчем были примотаны два картонных листа от курьерского короба Савелия. На первом я лично маркером вывел крупными печатными буквами:**«АТТРАКЦИОН ГОСПОШЛИНА ЗА УНИЖЕНИЕ — 500 РУБ. (1 ДУБЛЬ)»***(Ниже мелким, бисерным почерком Савелия шла юридическая сноска на полстраницы о том, что сбор не является государственным налогом, услуга представляет собой добровольное бронирование слота, организацию прохода и подготовку фотозоны с участием живого манекена дворянского происхождения; съёмка проводится по желанию, претензии по качеству плача не принимаются).*

На второй картонке значилось:**«ЛИЦАМ С РЕАЛЬНЫМИ БРАЧНЫМИ ВЕКСЕЛЯМИ ОТ КНЯЗЯ ЗАДУНАЙСКОГО — РАСТОРЖЕНИЕ БЕЗ ОЧЕРЕДИ И БЕСПЛАТНО (ПРИ ПОДТВЕРЖДЕНИИ ДОГОВОРА**

В РЕЕСТРЕ)».

Первой через вертушку, прихрамывая на одну туфлю и проклиная весь белый свет, пролезла уже знакомая нам баронесса Аделаида. Пятисотка упала на счёт, Савелий выдал ей электронный чек, а оператор выставил свет на фоне облупленной трансформаторной будки.

— Камера! Мотор! Пошли!

— Всеволод! — трагически завыла Аделаида, тыча мне в нос наманикюренным пальцем. — Ты жалкая плесень у подножия моего великого рода! Я вырываю тебя из своего сердца и швыряю в бездну забвения!

Она с размаху метнула в меня фамильный перстень. Кольцо со свистом пролетело мимо моего уха и с тихим «бульк» упало прямо в нагрудный карман её собственного телохранителя, где торчал недоеденный беляш.

— СТОП СНЯТО! — заорал оператор. — Аделаида Константиновна, вы мажете! Кольцо в кадре ушло в беляш, драмы нет! Дубль два!

На втором дубле баронесса подошла вплотную и от души зарядила мне золотой печаткой прямо в центр лба. В голове мелодично звякнуло.

— Шикарно! Крупняк огонь! — восхитился оператор. — Аделаида Константиновна, а давайте он щас для обложки видео на колени в лужу упадёт и зарыдает?

— Эй, алло, Тарантино! — я потёр набухающую на лбу шишку. — Падение в лужу — это каскадёрский трюк, он

в базовый тариф за пятьсот рублей не входит! Бесплатно в этом дворе я встаю на колени только перед слесарем из ЖЭКа, когда он батареи продувает!

Аделаида гордо фыркнула, проверила отснятый материал и, поддерживаемая охраной, уковыляла к своему лимузину.

— Первый пошёл! — я потер руки. — Савелий, сколько там на балансе?

— Пятьсот рублей ровно. Из них двадцать рублей придётся отложить на налог на профессиональный доход. Пока в кассе все пятьсот, ваша светлость.

В моей голове тут же началось экстренное совещание акционеров.

— СМЕРТНЫЙ! — возмутился Патриарх Кровавой Бездны. — Почему ты берёшь с этих наглых девок жалкие бумажки?! Потребуй с каждой по три литра девственной крови и душу первенца!

— Дед, угомонись, где ты в этой очереди девственниц увидел? Тут пробег у каждой как у маршрутки до Мытищ, — осадил его Серёга. — Но тариф реально нищенский, шеф! Врубай динамическое ценообразование! Спрос повышенный, коэффициент минимум два с половиной надо ставить!

— Никаких повышений, — отрезал я. — Спугнём клиентуру — они мне это кольцо бесплатно в глаз засунут. Сначала стрижём сорок чеков по пятихатке, а мировое господство перенесём на после обеда.

Вторая платная невеста — пухлая виконтесса в платье цвета бешеной фуксии — приволокла с собой за турникет профессиональную концертную дым-машину для создания «мистического тумана отчуждения». Оператор врубил агрегат на полную мощность. Через тридцать секунд густой глицериновый туман с запахом дешёвого вейпа накрыл двор так плотно, что два её рыцаря-телохранителя потеряли друг друга в полуметре и с перепугу подрались на алебардах, приняв сослуживца за ассасина. Съёмку пришлось тормозить и проветривать двор ломом Раисы Никаноровны, потому что с первого этажа высунулась баба Зина и начала орать, что мы подожгли торфяники.

Третья клиентка реквизитом не пользовалась. Она заявила, что является отличницей Императорской Академии по кафедре «Ментального Доминирования» и сейчас уничтожит меня одним лишь фирменным боярским прищуром, который они вчера сдавали на зачёте.

Три минуты эта жертва высшего образования молча стояла передо мной под прицелом камеры и яростно пучила глаза, пытаясь свести брови к переносице. На исходе четвёртой минуты у неё что-то щёлкнуло в челюсти и намертво перекосило левую половину лица.

— Я... ф-ф-ф... испепеляю тебя своим величием, червь! — прошепелявила она сквозь сведённую судорогой губу.

— Девушка, у вас тройничный нерв защемило, — участливо сказал я, держа в руках реквизитное кольцо. — Хоти-

те, я вам из холодильника замороженный пельмень принесу? Приложите к щеке, отпустит.

— Не смей ломать мне драматический образ, холоп! Оператор, снимай правый профиль, он ещё рабочий!

К восьми утра конвейер по производству контента работал как швейцарские часы. Я стоял у теплотрассы, привычно получал кольцами по лбу и делал скорбное лицо, Савелий пробивал чеки, а Раиса Никаноровна в одно лицо и без всякой магии регулировала бронетанковое движение во дворе:

— СЛЫШЬ, КУЧЕР! ПЕГАСА СВОЕГО КРЫЛАТОГО С ДЕТСКОЙ ГОРКИ УБЕРИ НАХЕР! ОН ЩАС ОПЯТЬ СВОИМ БОЖЕСТВЕННЫМ НАВОЗОМ В ПЕСОЧНИЦУ НАВАЛИТ — Я ТЕБЯ ЗАСТАВЛЮ ЭТО ГОВНО РУКАМИ ЖРАТЬ!

В восемь пятнадцать к турникету тихо, без операторов, софитов и пафосной свиты подошла обычная русоволосая девушка лет двадцати двух в скромном пальто. В руках она держала тонкую картонную скоросшиватель-папку.

— Здравствуйте, — вежливо улыбнулась она. — Я графиня Евдокия Белозёрская. По второй очереди, которая бесплатная.

Я даже перестал потирать ушибленный лоб:

— Настоящая?

— Увы, да. Шесть лет назад ваш покойный папенька занял у моего дедушки пятьдесят мешков элитной озимой пшеницы под залог нашего с вами будущего брака. Пшеницу он,

кажется, в тот же вечер проиграл в преферанс, а бумага в реестре осталась. Мне просто через месяц замуж выходить за хорошего человека, а в ЗАГСе заявление не принимают — говорят, я за Учихой числюсь. Подпишете отказную?

Она робко посмотрела на меня снизу вверх:

— Мы ведь без претензий разойдёмся? Вы не будете требовать с нас неустойку за отмену свадьбы?

— Графиня, — честно сказал я, подписывая бумагу на спине у Савелия. — Единственное, что я бы сейчас хотел потребовать — это вызвать дух моего батюшки и спросить, куда можно было в одно рыло деть три тонны пшеницы, когда мы всю зиму жрали макароны по акции. Но это дело семейное. Свободны.

Евдокия расписалась на своём экземпляре. Юрист заверил обе подписи, и в планшете пикнул реестр, снимая с нас обоих династическое ярмо. Евдокия облегчённо выдохнула, спрятала лист в сумочку, сказала «большое человеческое спасибо» и развернулась к выходу со двора.

— Эй, погодите! — растерянно крикнул я ей вслед. — А как же... ну, плюнуть мне под ноги? Обозвать генетическим мусором на камеру? Я тут для кого в смокинге мёрзну?!

Графиня обернулась, посмотрела на меня как на тяжелобольного, потом покосилась на соседний сугроб, где очередная баронесса с визгом репетировала пощёчину на своём визажисте, и грустно пожала плечами:

— Простите, Всеволод Сигизмундович, мне на работу к

девяти. Некогда хернёй страдать. Но фотографию подписанного расторжения с датой мне на память сделаете? Жених просил доказательство, что всё кончилось. Пакет за пятьсот оформляйте, без спектакля.

Савелий выдал чек, быстро сфотографировал её с документом у свободного края площадки и отправил снимок на её телефон. И она ушла. Без грома с небес, без проклятий до седьмого колена и без дым-машины.

Я минуты две тупо смотрел на пустую дорожку, чувствуя себя обманутым в лучших чувствах. Повернулся к тощему юристу в пенсне, который всё это время дежурил у турникета, заверяя подписи:

— Слышь, начальник... А чё, так тоже можно было? Чтобы просто молча подписали и разошлись, как нормальные люди?

— Девяносто процентов разводов и расторжений в Империи именно так и проходят, — флегматично ответил юрист, жуя мятную жвачку. — Просто на адекватных людях лайки в «Россграме» не соберёшь, вот вы их и не видите. Посторонитесь, там следующая с вентилятором идёт.

И действительно: на площадку влетела девица с переносным промышленным ветродуем, чтобы её локоны в момент броска кольца «красиво развевались навстречу свободной жизни». Оператор врубил турбину на максимум. Ураганный поток воздуха мгновенно сорвал с девицы парик, задрал мне лацкан с половником на уши и унёс всю стопку кассовых че-

ков Савелия прямо в грязную осеннюю лужу под колёсами мусоровоза.

— СНАЧАЛА ОПЛАТА ПО ТЕРМИНАЛУ, ПОТОМ ПОГОДНЫЕ АНОМАЛИИ! — рявкнул Савелий, вылавливая размокшую бухгалтерию из мазута.

Третьей — и последней — настоящей невестой из отцовского списка оказалась двадцатиоднолетняя княжна Варвара Кривоколенская с Урала. Выглядела она как человек, который по утрам завтракает гвоздями: кожаная косуха поверх боярского сарафана, бритые виски и тяжёлый взгляд потомственного мага металла. Вместо изящного колечка с бриллиантом на её среднем пальце тускло поблёскивал литой серебряный кастет с фамильными шипами.

— Здорово, жених, — басом поздоровалась Варвара, сплюнув под ноги шелуху от тыквенной семечки. — Твой старый хрен три года назад моему бате за этот брачный договор пол-акции вашей орбитальной космической верфи отписал. Я чисто спросить зашла: верфь где?

— В батиных эротических фантазиях, княжна, — вздохнул я. — Из всего космического у нас дома только цены на отопление и дырка в стене к соседке. Подписываем мирняк или будем делить табуретку?

Мы с Варварой без лишних слов размашисто черкнули автографы на бланке бесплатного расторжения. И тут же достала телефон, перекинув Савелию пятьсот рублей по СБП.

— А теперь вставай к будке, доходяга. Щас снимать будем,

как я тебя, козла, эффектно бросаю!

— Так мы ж только что всё бесплатно расторгли! Зачем платить?!

— У МЕНЯ РИЛСМЕЙКЕР ПО ПРЕДОПЛАТЕ НАНЯТ, ЧЁ Я, ЛОХУШКА — БАБКИ ТЕРЯТЬ?! — рявкнула металлургическая княжна, замахнулась и со всей уральской дури швырнула свой полкилограммовый серебряный кастет мне под ноги.

Раздался звук, будто с пятого этажа уронили чугунную ванну. Кастет на пять сантиметров ушёл в советский асфальт, пустив во все стороны живописную паутину трещин.

Из-за спины Варвары тут же, как чёрт из табакерки, материализовалась Раиса Никаноровна с раскрытой амбарной книгой и химическим карандашом:

— Та-а-ак. Фамилия, имя, номер полиса ОМС? Кто мне щас ямочный ремонт придомовой территории по ГОСТу оплачивать будет?

— Да он сам виноват, он криво стоял, у меня прицел сбился! — возмутилась княжна.

Председательница ТСЖ молча перехватила полуторараметровый лом поудобнее и постучала его стальным жалом о свой валенок:

— Ты это щас моей пояснице объясни, коза уральская. Я этот асфальт у мэрии восемь лет через прокуратуру выбивала!

Варвара прищурилась, оценивая боевой потенциал совет-

ской пенсионерки. Вокруг сжатых кулаков княжны с угрожающим звоном взлетели в воздух все железные пуговицы, пряжки и собачьи карабины в радиусе пяти метров.

— Старуха, ты хоть понимаешь, на кого батон крошишь? — процедила она. — У меня второй ранг магии чёрных металлов! Я тебя щас в арматуру закатаю!

— А у меня тридцать лет стажа главным бухгалтером в стройтресте и племянник в Следственном комитете, — даже не моргнув, ответила Раиса Никаноровна. — Давай проверим, девка: твоя магия крепче или моя бумага с печатью?

Железные пуговицы со звоном осыпались обратно в грязь. Княжна Кривоколенская криво усмехнулась, достала рацию и вызвала личную бригаду гномов-дорожников с горячим битумом.

— Ладно, хрен с вами, залатают, — буркнула она и повернулась к оператору. — Эй, ты хоть дубль-то снял?

— В брак ушло, Варвара Игоревна, — развёл руками оператор. — Когда вы кидали, ваш охранник в кадре жопой свет перекрыл. Надо перебросить.

— Э-э, стоп! — я поспешно отпрыгнул за трубу теплотрассы. — Второй раз железякой в землю кидать не надо, тут внизу труба с горячей водой гнилая, мы всем районом сваримся!

— Так я во втором дубле не в землю, я тебе в лобешник кинуть хотела для реализма!

— Тем более отбой! На ремонт асфальта у вас гномы есть,

а мою башку даже в морге за восемьсот рублей штукатурить откажутся! Кидайте воображаемый кастет, на монтаже дорисуете!

* * *

К девяти утра я познал главную истину российской аристократии: чем древнее и пафоснее род, тем сильнее его представители удавятся за сто рублей скидки.

Княжна Ульяна Великосветская устроила у турникета двадцатиминутный скандал, требуя дисконт в двадцать процентов на том основании, что её троюродный дядя в прошлом году женился на бывшей любовнице моего покойного батюшки.

— Мы с тобой практически кровная родня по боковой ветви! — визжала она, раскатывая по мокрому тротуару двенадцатиметровый пергамент своего генеалогического древа. — С родственников полную цену брать — это позор!

— Девушка, если считать всех баб, которым мой папаша алименты задолжал, то мне половина Омской области родня, включая кондуктора сорок седьмого дирижабля! — отбивался я. — Мне что теперь, бесплатно тут до вечера стоять?!

В этот момент из-за угла вывернул глухонемой дворник дядя Махмуд с гружёной тачкой прелых листьев и, не сбавляя хода, бодро проехался скрипучим резиновым колесом прямо по развёрнутому пергаменту княжны. Нижние четыре века истории рода Великосветских с хрустом намотались

на ржавую ось.

— МОЯ ПРАБАБУШКА, ФРЕЙЛИНА ИМПЕРАТРИЦЫ! — заголосила Ульяна, падая на колени перед тачкой.

— Ну вот, теперь ваша прабабушка официально ближе к народу, — философски заметил я. — Пятьсот рублей на бочку, или Махмуд сейчас заднюю передачу включит.

Ульяна со слезами перевела полную сумму, но в отместку потребовала, чтобы я перед камерой без бумажки выговорил все её четырнадцать наследственных титулов. На третьей минуте скороговорки у меня заплелся язык, и вместо «Княжна Светло-Озёрская» я громко назвал её «Княжна Светофоровна». Оператор махнул рукой и сказал, что перекроет мой косяк модным нейросетевым фильтром «Скорбь униженного алиментщика». Я попросил скинуть мне этот фильтр по аирдропу — чувствовал, что в МФЦ он мне завтра ещё пригодится.

Дальше пошёл чистый, незамутнённый конвейер тщеславия.

Девицы дрались в очереди из-за одинаковых платьев с «Вайлдберриз», воровали друг у друга отражатели и требовали вызвать секундантов, потому что соседка «украла мой авторский текст презрительного плевка». На тридцать втором билете припёрлась барышня сразу с двумя кольцами: одно, как выяснилось, она хотела кинуть в своего реального бывшего парня из Сыктывкара, но ехать туда было далеко и холодно, поэтому она решила оптом кинуть оба кольца в

меня — «чисто для визуализации закрытия гештальта». Я великодушно разрешил ей двойной бросок по цене одного. Первое кольцо улетело в кусты, а второе со звоном провалилось сквозь чугунную решётку ливневой канализации.

— Лезь доставай! — немедленно потребовала клиентка. — Это белое золото с брюликом!

— Ага, щас, только смокинг сниму и акваланг надену. Вы сами кинули, я вас за руку не дёргал.

— Но ты же должен страдать от моей холодности!

— Девушка, от вашей косорукости пока страдает только Омскводоканал. Следующий!

Раиса Никаноровна, бдительно караулившая процесс с крыльца, тут же прилепила на лоб турникета третью картонку: **«ВСЕ УПАВШИЕ В ГРЯЗЬ И КАНАЛИЗАЦИЮ БРИЛЛИАНТЫ СЧИТАЮТСЯ СОБСТВЕННОСТЬЮ ЖЭКА 4»**.

На тридцать девятом чеке Савелий Петрович вытер пот со лба рукавом и показал мне экран калькулятора:

— Девятнадцать тысяч пятьсот рублей валовой выручки, ваша светлость. Идёт последняя, сороковая позиция по списку. Приготовьтесь, там тяжёлый случай. Княжна Прасковья Инеевна Вечномерзлотская.

— В смысле тяжёлый? Опять кастетом кидаться будет?

— Хуже. Это древний род ледяных магов из Саха-Якутии. У них в семье практикуется экстремальный аскетизм и сохранение холодной головы. Она вообще не разговаривает —

общается исключительно температурными перепадами и изморозью на стекле.

Я не успел спросить, как можно бросить парня с помощью изморози, потому что во двор со скрежетом и воем гидравлики вкатился тяжёлый грузовой эвакуатор с мигалками.

Откинулся железный трап. Четыре дюжих якутских гвардейца в тулупах из шкуры мамонта выкатили на бетон усиленную складскую рохлю на литых колёсах.

На рохле вертикально стояла двухметровая, абсолютно монолитная глыба голубоватого арктического льда весом тонны в полторы.

Поверх ледяного тороса на специальном проволочном каркасе было бережно натянуто пышное белое свадебное платье с фатой, а в верхней части глыбы угадывались смутные, вырубленные стамеской очертания женского лица. Самое жуткое заключалось в том, что рохлю никто не толкал — она ползла вперёд сама, со скрипом проворачивая колёса за счёт тонких ледяных щупалец, тянущихся от основания монолита к подшипникам.

Следом из тёплой кабины эвакуатора выпрыгнул румяный, упитанный мужичок в бобровой шапке и распахнутом кашемировом пальто, с крокодиловым портфелем под мышкой.

— Доброго дня! — бодро провозгласил он, обдавая нас паром и запахом дорогого коньяка. — Старший семейный поверенный Зябликов! Имею честь представлять интересы

её сиятельства княжны Прасковьи Инеевны! Госпожа лично преодолела три тысячи вёрст в рефрижераторе, дабы выразить вашему нищему роду своё абсолютное, кристальное фи!

Я обошёл вокруг потрескивающей от мороза глыбы. От невесты фонило так, что у меня в носу мгновенно замёрзли сопли, а на лацкане пиджака выступил иней.

— Слышь, начальник, — я покосился на поверенного. — А мой папаша что, умудрился и с айсбергом брачный контракт подписать?

— Боже упаси! — оскорбился Зябликов. — Наш род с вашей босотой на одном гектаре тундры не садился! Госпожа прибыла отвергнуть саму гипотетическую, теоретическую вероятность союза с вами в этой и последующих реинкарнациях! Для отчёта перед попечительским советом семьи!

— А-а. То есть просто за компанию понтануться. Без проблем. Пятьсот рублей в кассу Савелию — и пусть стоит мёрзнет сколько влезет.

Поверенный не глядя приложил золотой перстень к смартфону дворецкого. Есть двадцатка! Сороковой чек с тихим писком закрыл наш утренний бизнес-план.

Внутри ледяной глыбы вдруг раздался глухой, протяжный треск — будто на реке Иртыш в апреле тронулся лёд.

— О! Слышали?! — радостно вскинул палец Зябликов. — Её сиятельство повелевает немедленно начинать процедуру вашего публичного позора! Эй, холопы, закатывайте госпо-

жу на подиум!

— Погодите, — усомнился я, глядя на абсолютно неподвижный кусок вечной мерзлоты в фате. — А вы точно уверены, что этот хруст переводится как «начинайте позор», а не, допустим, «мне жмёт в подмышках»?

— Молодой человек, я двадцать лет состою официальным сурдопереводчиком с древнеякутского ледяного молчания! — надменно отрезал поверенный. — Я каждую её трещинку знаю как свои пять пальцев! Госпожа жаждет контента! По правилам вы должны биться головой о её основание и молить о тепле, а мы снимем это для семейного архива и спишем командировочные!

— А у самой Прасковьи Инеевны вы спросить не пробовали, хочется ли ей в шесть утра торчать у помойки в Омске?

— Княжна находится в состоянии вековой крио-медитации и ограничена в гражданской дееспособностью решением родового совета! — отрезал Зябликов. — Все её желания формулирую я по доверенности! Так, гвардия, толкайте тележку вон на ту плиту, там ракурс без мусорки!

Четыре охранника в мамонтовых тулупах дружно навалились плечами на полуторатонную глыбу, пытаясь закатить складскую рохлю на старый пандус у бетонной площадки, сваренный пьяным сварщиком из двух кривых швеллеров.

Естественно, маленькие полиуретановые колёсики тут же попали на наледь, бешено забуксовали, край ржавого швеллера с визгом прогнулся, и вся полуторатонная Ледяная

Княжна вместе с фатой опасно накренилась под углом в сорок пять градусов прямо над моим лицом.

— СТОЯТЬ, ИДИОТЫ! — заорал я, в ужасе отпрыгивая назад. — ВЫ ЩАС НЕВЕСТУ МОРДОЙ ОБ АСФАЛЬТ РАСКОЛЕТЕ!

— Никто никуда не упадёт, не разводите панику! — взвизгнул поверенный, хотя сам трусливо отбежал за мусорный бак.

На крыльце тут же появилась Раиса Никаноровна. В руках она вместо лома держала ржавое оцинкованное ведро, доверху набитое крупной серой солью с песком, и алюминиевый совок для мусора.

— А ну расступились, олени северные! — скомандовала председательница. — Щас я вам пандус посыплю, а то устроили мне тут бобслей без страховки!

— СТОЙТЕ! НЕ СМЕЙТЕ! — Зябликов грудью бросился на амбразуру, закрывая собой тележку. — Я категорически запрещаю рассыпать вашу плебейскую муниципальную химию в радиусе десяти метров от священного тела госпожи! Это нарушит стерильность родового льда!

— Тогда запрягайся в оглобли и сам своим горбом тащи эти две тонны сосульки на бугор, пёс шелудивый! — Раиса Никаноровна сунула ведро мне в руки. — Сева, сыпь под колёса, не слушай этого пингвина в бобре!

Я зачерпнул совком добрую горсть ядрёного омского реагента — того самого, который зимой разъедает кирзовые са-

поги вместе с асфальтом за пятнадцать минут, — и от души плеснул под буксующие ролики рохли.

Несколько крупных серых гранул отскочили от железа и попали прямо на нижний край ледяного монолита, под кружевную оборку платья.

Раздалось зловещее шипение, словно на раскалённую сковородку плюнули святой водой. Пошёл едкий белый дымок. Мутная, покрытая какими-то витиеватыми рунами наружная корка льда вдруг пошла пузырями и с влажным чавканьем облезла лоскутами, обнажив под собой идеально прозрачный, сияющий внутренний лёд.

— КАРАУЛ! ПОКУШЕНИЕ! — благим матом завопил поверенный Зябликов, хватаясь за бобровую шапку. — ОН КИСЛОТОЙ СБИЛ РОДОВУЮ ПЕЧАТЬ БЕЗМОЛВИЯ! ОХРАНА, РУБИ ЕГО В КАПУСТУ!

— Ты чё орёшь, болезный, это соль техническая с песком по ГОСТу! — я на всякий случай спрятался за широкую спину Раисы Никаноровны. — «Лао, дед, глянь своим оком: я там бабу случайно не растворил?!»

Даосский культиватор в моей голове восхищённо крякнул:

— Удивительная алхимия у ваших коммунальных служб, отрок! Сама дева не пострадала ни на гран — но этот серый порошок напрочь разъел внешнюю паразитическую формацию! На ней стояло заклятие «Немой Куклы», коим нечистые на руку родственники обычно запечатывают богатых

наследниц!

В этот момент ледяная глыба на рохле мелко-мелко задрожала. Внутри прозрачной толщи сверкнула голубая молния, и прямо на уровне моей груди, на гладкой ледяной груди княжны, с пулемётным треском начали проступать глубокие печатные буквы, вырезанные изнутри морозным узором:

«ОН МЕНЯ ЗАЕБАЛ».

Во дворе повисла такая тишина, что было слышно, как на третьем этаже кашляет кот бабы Зины.

Я посмотрел на надпись. Потом перевёл взгляд на багрового, как варёный рак, поверенного Зябликова.

— Слушайте, а вы точно двадцать лет её молчание переводили? По-моему, у вашей княжны очень богатый и доходчивый словарный запас.

— Это... это оптическая иллюзия! Игра света и температурная деформация кристалла! — затряс брылями Зябликов, пытаясь закрыть надпись своим портфелем. — Её сиятельство юридически недееспособна и не умеет писать матом!

Рядом с первой надписью на льду со скрежетом вырезалась жирная стрелка, указывающая чётко на пузо поверенного, и снизу приписалось:

«ВОТ ЭТОТ В ШАПКЕ. ВОРЮГА».

— Оптическая иллюзия ещё и в вашу шапку пальцем тычет, — заметил я, подходя к рохле и присаживаясь на корточки перед основанием глыбы. — Прасковья Инеевна, я ди-

ко извиняюсь за наш сервис... Скажите честно: вы сами-то вообще хотите в этом цирке с конями участвовать и меня бросать?

Буквы про ворюгу мгновенно затянулись гладким льдом, и вместо них во всю ширину свадебного корсета выскочило короткое, как выстрел:

«НЕТ».

Я выпрямился и развёл руками:

— Ну всё, граждане. Кина не будет, невеста отказалась. Сворачиваем шарманку.

— Как это не будет?! — взвизгнул Зябликов, подпрыгивая на месте. — У меня командировочное удостоверение не закрыто! Мне отчёт в Якутск отправлять! Верните тогда пятьсот рублей немедленно, мошенники!

— Щас, шнурки только поглажу, — я показал ему кукиш. — Чек пробит за подготовку площадки и подачу реквизита, проход подготовлен, слот выделен, свет выставлен — за это и платили. Съёмка у нас по желанию, это в условиях было написано. Хотите оспорить — присылайте претензию, а не орите на весь двор.

— Да она не знает, чего она хочет! У неё мозги при минус восьмидесяти градусах заморожены! Семейный совет постановил...

На льду с таким грохотом, что у Зябликова слетела шапка, выбило новое слово буквами в локоть величиной:

«Я ВСЁ ЗНАЮ, ГНИДА».

— По-моему, с мозгами у девушки порядок, это у вас в совете сквозняк, — резюмировал я. — Короче, пусть ваш семейный совет сам приезжает, надевает фату и за отдельные деньги передо мной выёбывается. А к барышне не лезьте.

— Её каракули на льду не имеют никакой нотариальной силы! — брызгая слюной, заорал поверенный и выхватил смартфон. — Я сейчас сниму акт о том, что вы напали на кортеж и повредили имущество опекаемой!

Я молча достал свой обмотанный изолентой телефон и показал экран ледяной глыбе:

— Прасковья Инеевна, разрешите я вашу надпись сфоткаю? Чисто для протокола, без слива в интернет. Чтобы этот деятель потом не говорил, что вы сами в сугроб упали.

Ниже слова «ГНИДА» на льду тут же появилась аккуратная галочка и смайлик со скобочкой. Я щёлкнул затвором так, чтобы в зеркальной грани айсберга рядом с матерным текстом идеально отразилась перекошенная от злобы рожа поверенного Зябликова.

Княжна тем временем выпустила из-под подола платья два толстых ледяных лома, со скрежетом развернула рохлю на сто восемьдесят градусов и вывела на спине последнюю фразу:

«ДОМОЙ. ДО МАШИНЫ САМА».

Охранники в мамонтовых тулупах переглянулись и благоразумно отступили с дороги. Тележка медленно, но с упрямством хорошего мотоблока, покатила обратно к аппарели

эвакуатора.

— Стой! Замри именем Патриарха Якутии! — семенил следом Зябликов, пытаясь сфотографировать её со спины, но Прасковья Инеевна ловко преломляла свет гранями так, что у него на экране вместо текста высвечивалась только его собственная плешивая макушка и кукиш из сосулек.

Раиса Никаноровна задумчиво посмотрела на свой алюминиевый совок, потом на бодро уезжающий в кузов айсберг и удовлетворённо крякнула:

— Ты гляди-ка, Сева... А мужики в ЖЭКе пиздели, что нам в этом году реагент просроченный завезли. Вон как немых исцеляет, надо будет бабе Зине в чай подсыпать, чтоб не орала по ночам.

— Смотрите, молодой господин, — тихо сказал Савелий, когда эвакуатор с воем унёсся со двора, — не вздумайте продать это фото жёлтой прессе. Якутские кланы за разглашение семейных тайн сначала отмораживают почки, а потом разговаривают.

— Да больно надо, пусть сами со своим опекуном разбираются, — я спрятал телефон в карман. — Слушай, а может, мы на вырученные бабки тут нормальный пандус сварим? А то стыдно перед невестами.

— Сначала на старый долг заработайте, меценат вы наш.

* * *

К десяти двадцати двор наконец опустел. Мусоровоз с победным рёвом вывез баки, гномы княжны Варвары закатали

дыру в асфальте свежим гудроном, а турникет вернулся под замок в подсобку. Мне, правда, пришлось полчаса ползать на карачках с веником, собирая с газона стразы, накладные ногти и обрывки чужих родословных, пока Раиса Никаноровна диктовала по телефону гаишникам номера всех припаркованных на клумбе карет.

Савелий Петрович присел на перевёрнутое ведро у подъезда и подбил кассу:

— Итак, ваша светлость. Сорок оплаченных слотов по пятьсот рублей. Грязная выручка — двадцать тысяч ровно. Три реальных договора закрыты бесплатно, тридцать восемь постановочных роликов отснято, одна графиня получила фотографию без позора, одна княжна отказалась сниматься. По её слоту готовьте ответ на претензию, если поверенный пришлёт.

— Петрович! — я гордо расправил плечи в провонявшем дым-машиной смокинге. — Мы поднялись! Двадцать косарей за четыре часа! Да мы с тобой финансовые акулы Империи!

— У акул Империи, молодой господин, долг по ЖКХ по-прежнему сто восемьдесят шесть тысяч четыреста рублей, — безжалостно приземлил меня дворецкий. — Вы в счёт него ещё копейки не внесли. С выручки надо будет уплатить восемьсот рублей налога. Четыре восемьсот за аренду вашего пиджака я оплатил из своих восьми тысяч, и вы мне их должны. Ещё три тысячи двести я записал за четыре часа утрен-

него позора у турникета по двойному тарифу. Если всё это вычесть, от выручки на родовое спасение останется одиннадцать тысяч двести. Но пока расчёты не проведены, на вашем счёте все двадцать тысяч, плюс прежние шестьсот двадцать.

— Савелий, ты душнее, чем мой китайский дед в голове. Дай человеку хоть пять минут почувствовать себя олигархом.

Я открыл «Россграм». Топ городских трендов Омска уже рвало на части: на первом месте висел десятисекундный ролик баронессы Аделаиды с кликбейтным заголовком: **«ШОК! НИЩЕГО БАСТАРДА УЧИХИ БРОСИЛИ 40 РАЗ ЗА УТРО! ЕГО ЛИЦО НАДО ВИДЕТЬ!»**.

Под видео за два часа набежало полтора миллиона просмотров и двенадцать тысяч комментариев. Половина пользователей требовала скинуть геолокацию нашего двора, чтобы приехать и плюнуть в меня лично, треть советовала мне сдать почку и устроиться курьером, а какой-то верифицированный аккаунт с галочкой всерьёз интересовался, сколько стоит выкупить у меня бренд пиджака с половником. Ещё человек двадцать в директе спрашивали, есть ли свободные окошки на завтра — один мужик даже предлагал две тысячи рублей, если я разрешу его тёще приехать и разбить мне об голову сервиз.

— Слушай, Петрович... — у меня в глазах заплясали значки рубля. — А ведь это масштабируемая бизнес-модель!

Франшиза! «Доставка унижения на дом»! Мы можем сдавать меня в почасовую аренду на корпоративы и девичники!

— Безусловно, — Савелий поднялся с ведра, закинул на плечи свой зелёный курьерский короб и поправил ремни. — Только масштабироваться будете без меня, у меня смена горит, заказ из чебуречной стынет. Снимите смокинг, чтобы не пропотеть, вынесите этот мешок с мусором на помойку и не забудьте: завтра в восемь утра мы идём в МФЦ регистрировать вашего нелегального Патриарха. Паспорт не потеряйте.

Дворецкий укатил на своём скрипучем электровелосипеде в сибирскую даль, а я остался стоять посреди двора с огромным чёрным мешком, в котором гремели разбитая кольцевая лампа, три пустых футляра от колец и отломанный рог от шлема чьего-то охранника.

— Слышь, Серёга, — задумчиво сказал я, взвешивая мешок в руке. — А ведь в этой лампе медь есть. Если изоляцию обжечь и в приёмку цветмета за гаражами сдать...

— Даже не начинай, шеф, — вздохнул таксист. — Там меди на сто грамм, больше провоняешь.

В этот момент смартфон в кармане противно, длинно зажужжал. Новое заказное письмо с криптографической печатью на «ГосМагУслугах».

Я вытер палец о штанину и ткнул в экран.*Отправитель:***Юридический департамент Императорского Холдинга «Перстневъ и Сыновья» (г. Москва)**.*Тема:***Досудебная претензия о нарушении исключитель-**

ных патентных прав (особо крупный размер).

Я открыл прикреплённый файл. Под золотым гербом одного из богатейших олигархических кланов Империи сухим канцелярским шрифтом значилось:

«Гражданин Задунайский В. С.! Уведомляем вас, что коммерческая деятельность по платному публичному расторжению помолвок с использованием строительных турникетов и лица низкой социальной престижности является запатентованной интеллектуальной собственностью Холдинга Перстневъ (патент 77-БЯ от 2019 г.). За незаконное использование нашей бизнес-модели без покупки лицензии мы требуем компенсацию в размере 5 000 000 (пяти миллионов) рублей. До решения суда сумма является досудебной претензией, но если вы не ответите до 18:00 сегодняшнего дня, к вам для переговоров выедет бригада корпоративных ликвидаторов. Вы использовали территорию княжеского унижения без согласования с правообладателем».

Глава 3

Глава 3. Четыре души в одни руки

— ДА СНИМИТЕ ВЫ С МЕНЯ СЕДЬМОГО ИМПЕРАТОРА ДЕМОНОВ! МНЕ ИЗ-ЗА ЭТОГО УПЫРЯ ДЕТСКИЕ НЕ ПЛАТЯТ!

Тётка перед четвёртым окошком трясла картонной папкой с такой ненавистью, будто пыталась вытряхнуть из неё саму преисподнюю. На казённый линолеум посыпались свидетельство о рождении, мятая справка о доходах и фотка угрюмого пацана с ветвистыми рогами. Судя по размаху, рога достались мальцу явно не от папы-слесаря.

За бронированным стеклом сидела сотрудница МФЦ с лицом человека, пережившего три конца света без отрыва от пасьянса, и лениво листала бумаги.

— Женщина, не кричите. Первых шестерых чертей вы провели как иждивенцев. А седьмой пробит по базе как самозанятый. У него оборот.

— КАКОЙ ОБОРОТ?! ОН ПО НОЧАМ КРОВАВЫЕ ЛЕГИОНЫ ПРИЗЫВАЕТ!

— В налоговой это проходит по коду «организация массовых мероприятий и анимация». Восемьдесят тысяч за квартал. Кстати, с жертвоприношений чеки не пробиты. Хотите выписать — несите нотариальное согласие всех пайщиков меридиана.

— Да малому девять лет!

— Значит, расписываетесь за малолетнего сатаниста сами. Следующий.

Я стоял в очереди в обнимку с рассадным ящиком и впервые за двое суток понял: мои дела ещё ничего. Бывает и глубже.

— Слышь, шеф, — уважительно крякнул в черепе Серёга. — Шкеду девять лет, а он уже восемьдесят косарей в квартал на чертях рубит. Учись, студент, пока мы с тобой мелочь по карманам тырим.

— ДИТЯ, ВМЕСТИВШЕЕ СЕМЕРЫХ ВЛАДЫК АДА, ДОСТОЙНО УНАСЛЕДОВАТЬ МОЙ ТРОН! — громыхнул под темечком Патриарх.

— Угомонись, работодатель, — буркнул я себе под нос. — Ты мне вчера, когда я тебе руку на секунду доверил, пытался сонную артерию хлебным ножом вскрыть. Тебе только утренники в детдоме вести.

Савелий деликатно пихнул меня локтем в бок.

— Молодой господин, вы бы потише с воздухом ругались. Народ косится. Вызовут санитаров — госпошлину не вернут.

— Да я же про себя.

— Вы губами шевелите. И глаз дёргается.

— Это к дождю. Или к инсульту.

Сегодня Савелий заявился в курьерской ветровке, с огромным зелёным коробом за спиной и выражением лица человека, который умер от переработок ещё во вторник, но

продолжает ходить на смену, чтобы не оштрафовали за прогул. Он выкроил свободное утро до следующей доставки ради благой цели: сдать меня в пасть государственной бюрократии и проследить, чтобы мою тушку случайно не пустили на органы в счёт погашения коммуналки.

В холле Императорского МФЦ «Мои Миры» со стены скалился маслом основатель конторы. Под портретом сияла позолоченная эпитафия здравому смыслу: «ОДНО ОКНО ДЛЯ ЛЮБОЙ БЕЗДНЫ».

Окон в зале насчитывалось тридцать семь.

Признаки жизни подавали четыре.

Я ткнул пальцем в заляпанный экран терминала. Вывалилось меню: «Рождение», «Первичная смерть», «Хроническая смерть», «Восстание из гроба без претензий на жилплощадь», «Духовное сожительство».

— О, наше, — обрадовался я.

Машина равнодушно выплюнула подкатегории: «По любви», «По залету (проклятие)», «С последующим экзорцизмом за счёт жильца», «Многодушная коммуналка».

Я нажал последнее.

ТАЛОН М-666. ОКНО 4. ОЖИДАНИЕ: 11 МИНУТ.

И внизу приписка шрифтом для зрячих микробов: «Расчётное время указано на одну физическую оболочку. За каждого подселенца в кукухе накидывайте по пятнадцать минут».

— Четыре рыла по пятнадцать, — мрачно прикинул Са-

велий. — Плюс одиннадцать базовых. Час одиннадцать простоим.

— И за это удовольствие я ещё платить должен?

— Госпошлина, молодой господин. Без бумажки вы даже для демонов букашка.

— За меня вчера госпошлину сорок раз наперед заплатили! У меня карманы от чеков трещат, могу предъявить!

Савелий только страдальчески прикрыл глаза.

На рамке металлоискателя нас тормознул вахтёр из Имперской миграционной службы. К мятому камуфляжу полагалась боевая алебарда, а к алебарде — примотанная синей изолентой картонка «С оружием вход строго воспрещён». Своё копьё охранник холодным оружием не считал: по бухгалтерии оно проходило как швабра повышенной прочности.

— Грунт из учреждения выносить нельзя, — отрезал он, уставившись на мой ящик.

— Так я его вношу.

— А обратно на крыльях полетите?

— Если пропишут — вынесу. Если пошлют — оставлю вам на развод. Будете всей сменой лучок в чай крошить.

Вахтёр насупился и потребовал карантинный сертификат на флору. Савелий молча выудил из кармана кассовый чек из хозмага. В графе товара гордо значилось: «Лук-севок на выгонку, сорт Бессоновский». Страж ворот изучал мятую бумажку с таким лицом, будто мы пытались протащить в горш-

ке обогащённый уран.

— А это ещё что за цветмет? — он ткнул пальцем в латунный кругляш, торчащий из чернозёма.

— Печать совхозная. Мне по наследству мёртвый председатель достался. Вместе с долгами за посевную.

— Ладно, топайте. Только председателя в зале не будить. Тут в прошлом месяце одна бабка подняла покойного деда ради перерасчёта пенсии, так этот жмур потом неделю по этажам шатался и кляузы в книгу жалоб строчил. Еле дихлофосом вытравили.

Савелий забрал талончик и поплёлся караулить свободное место. Я остался подпирать колонну. У стеночки красовался ряд кресел под табличкой: «Места для граждан с временно утраченным телом». На дерматине сиротливо лежали прозрачные зип-пакеты с каким-то серым пеплом и фамилиями, написанными маркером. Садиться на чужих дедушек я не рискнул.

К заветному окошку мы прорвались ровно через час и двенадцать минут. Лишняя минута ушла на то, что электронная очередь зависла, пытаясь осознать, как в одного доходягу влезло четыре нелегала.

— Фамилия, имя, отчество носителя, — безразлично уронила женщина за стеклом.

На груди у неё висел бейдж: «Надежда Андреевна. Ведущий специалист по вселениям и заводскому браку душ».

Я набрал в грудь побольше спёртого воздуха и отчеканил

свою полную фамилию.

Надежда Андреевна стучала по клавишам секунд сорок. На приставке «Учиха» её казённый монитор радостно пискнул и предложил докупить пакет «Азиатское родовое величие» со скидкой за девятьсот рублей.

— Отказ, — буркнул я. — Этот лохотрон ещё батя оплатил. Спойлер: красные глаза в базовую комплектацию зажали, отсыпали только долгов и склонность к суицидальному пафосу.

— Я вам ничего не впариваю, я галочку с автоплатежа снимаю, — отрезала она. — Паспорт сюда. Временное свидетельство на наследство. По какому поводу перепланировка в черепной коробке?

— Вчера под утро заехал древний демон. Без стука и договора аренды.

Сотрудница со вздохом открыла новую вкладку.

— Полное ФИО подселенца?

— Патриарх Кровавой Бездны, Разрушитель Девяти Тысяч Небес, Пожиратель...

— Молодой человек, мне для межмирового реестра нужна транслитерация по паспорту, а не тост на поминках.

— Нет у него паспорта. Он из диких.

— Значит, пишем самоназвание по эфирному протоколу. Все понты и титулы — в графу «особые приметы», лимит сорок знаков с пробелами.

— СОРОК ЗНАКОВ?! — взвыл Патриарх так, что у меня

в левом ухе зазвенело. — СМЕРТНАЯ ЖЕНЩИНА! ОДНА ЛИШЬ ПРИСТАВКА К МОЕМУ ИМЕНИ ДЛИННЕЕ, ЧЕМ ИСТОРИЯ ВАШЕЙ ЖАЛКОЙ ЦИВИЛИЗАЦИИ!

Я честно пересказал этот крик души в окошко. Надежда Андреевна даже бровью не повела.

— Пусть ужимается. У нас на той неделе Архангел Окончательного Суда прописывался — шестое крыло в бланк не влезло. Ничего, корона не упала, подал допсоглашение в двух экземплярах.

— А если просто бахнуть «Патриарх»?

— В базе девяносто шесть штук. Номер партии, прописка по месту изгнания, дата въезда?

Дату я назвал. Место — Кровавая Бездна, без улицы и корпуса. От инвентарного номера демон наотрез отказался по религиозным соображениям. После десяти минут вялой ругани Надежда Андреевна влепила ему временный артикул КБ-01.

— Кэ-бэ-ноль-один?! — захлебнулся яростью древний ужас. — МЕНЯ ПРОБИЛИ КАК ЯЩИК ТУШЁНКИ НА СКЛАДЕ!

— Скажи спасибо, что не по жёлтому ценнику, — осадил я его. — Иначе бы уже бабки по акции расхватали.

— Второй кто? — зевнула сотрудница.

— Лао Пэн. Древний культиватор. Торчит во мне с шести лет.

— Как подцепили?

— Батя на рынке купил детский оздоровительный талисман «Чистые меридианы за неделю». В итоге вместо здоровья в кукуху заехал китайский пенсионер и двенадцать лет учил меня правильно дышать, пока мы макароны без масла доедали.

— Гнусная ложь! — оскорбился дед. — Я был Нефритовым Старейшиной Семи Врат!

— Ага. По чеку ты шёл за триста девяносто девять рублей вместе с батарейками.

Надежда Андреевна поставила галочку: «бытовое талисманное заражение, амнистия по сроку давности».

— Третий?

— Серёга из Люберец. Заселился в двенадцать лет, когда нас эфирное такси на перекрёстке размотало.

— Фамилия у Люберец есть?

— Слышь, шеф, — подал голос таксист. — Какая фамилия, я тогда через агрегатор таксовал. Там клиентам чисто имя светит и фотка в профиль. Я в техподдержку с того света маляву кидал — до сих пор тишина, пидорасы.

— Фамилия утрачена при ДТП, — перевёл я на русский канцелярский.

— Пойдёт как неустановленный с временным кодом, — кивнула она. — Кем работал при жизни?

— Водила. Категория «Б», «В». Рейтинг четыре и девять, в салоне не курят, шансон по просьбе.

— Для паспорта маловато, для налоговой хватит. Четвёр-

тый?

— Умный чайник Xiaomi.

Надежда Андреевна впервые за час оторвала взгляд от монитора и посмотрела на меня как на родного.

— А сам корпус где?

— Пал смертью храбрых. Мне шестнадцать было, я ему решил плату паяльником подлечить. Ну, он в розетку бахнул и по проводам переехал мне прямо в темя.

— Серийник сохранился?

— Улетел в форточку вместе со свистком и куском обоев.

— Документы на право собственности?

Я выложил на лоток обгоревший гарантийный талон. Савелий откопал этот раритет ночью в батиной коробке из-под обуви, где хранились квитанции со времён крещения Руси.

— Оформлен на покойного отца, мне перешёл по наследству как движимое имущество, — пояснил я. — Только вы его не слушайте, если начнёт орать про суверенитет КНР. Он второй год пытается мне через левую ноздрю прошивку по вайфаю обновить.

— Внимание. Архивное уведомление: критическая ошибка гидратации. Залейте воду до отметки максимум, — механически прогудел в висках чайник.

— У бытового прибора имелась лицензия на переселение душ? — строго уточнила специалист.

— Да откуда, мать вашу?! Из розетки?!

— Не хамите при исполнении. Проведём как остаточный

электромагнитный фон. Полис ОМС и дебетовую карту ему не дадут, даже не просите.

— Очень надо. Он мне с этой карты за полчаса всю наличку сольёт на платные обои в Mi Home.

Принтер зашуршал и выплюнул простыню текста: четыре иждивенца в голове, один счастливый обладатель черепа.

— Автограф сюда и сюда. Это согласие на проживание и отдельная отметка в реестре: дёргать вашими руками и ногами без прямого разрешения нельзя. Продавать жильцов на органы, сдавать в субаренду и тереть им память нельзя. Если им что-то не нравится — пусть нанимают адвоката.

Я вцепился в ручку, как утопающий в багор.

— И последний пункт, — остановила меня Надежда Андреевна. — Попытки рейдерского захвата туловища фиксировались?

— Ещё бы. Первый номер вчера под утро пытался устроить военный переворот с помощью тесака для капусты.

— Ставлю галочку «острый конфликт управления». Подтверждаете, что находились в твёрдом уме и собственном теле непрерывно до и после заселения?

— Да я из этого тела при всём желании свалить не могу! Мне даже в «Пятёрочку» выйти не на что!

— Про «Пятёрочку» суду неинтересно. Подписывайте.

Я расписался так сильно, что едва не продрал стол.

— Я НЕ ПРИЗНАЮ ЮРИСДИКЦИЮ ЛЫСЫХ ОБЕЗЬЯН! — взревел Патриарх. — МОЙ ЗАКОН — ЭТО

КРОВЬ И ПЕПЕЛ!

— Товарищ КБ-01 подаёт возражение, — доложил я.

Надежда Андреевна невозмутимо открыла окошко «Особое мнение подселенца» и развернула ко мне казённый планшет.

— Диктуйте слово в слово. Орфография автора сохраняется.

Я добросовестно продиктовал трёхэтажный проклятый мат древнего владыки. Сотрудница со скоростью пулемёта вбила всё до последней запятой и клацнула «Сохранить».

— Возражение зарегистрировано. Попытка отжать чужое мясо под статью о вещном праве не подпадает. Пусть ваш дедушка жалуется в спортлото через законного представителя, а пока руки-ноги остаются за вами.

— ТЫ ПРОДАЛ МОЁ БЕССМЕРТНОЕ ВЕЛИЧИЕ БУМАЖНЫМ ЧЕРВЯМ, ЩЕНОК!

— Я тебе временную регистрацию выбил, неблагодарный. Сиди тихо, а то попрошу Серёгу включить «Вороваек» на повторе до самой пятницы.

Демон выдал такое коленце на мёртвом наречии, что у меня едва пломбы не посыпались.

— Переведите для протокола, — попросила Надежда Андреевна. — Графа «степень удовлетворённости госуслугой».

— Крайне низкая, — дипломатично ответил я.

— Чудесно. Теперь выкладывайте первичный носитель Источника. Надо замерить фон.

Я с кряхтением водрузил на прилавок рассадный ящик. Между гнилых досок бодро торчали зелёные перья лука, а прямо в перегное тускло блестела латунная печать совхоза «Заря».

— Я эту грядку через полгорода на двух дирижаблях с пересадками пёр. Если у вас тут сейчас помидоры из паркета полезут — я не виноват.

— Шоу устраивать не надо, нам только штамп сверить. Без разрешения магию в зале не кастовать, штраф.

Палец мой уже лежал на корешке.

— А вот это вы, конечно, вовремя сказали.

Луковица хищно дёрнулась. Из ящика со свистом выметнулись три бледных отростка, перемахнули через барьер и намертво вцепились в казённый пластиковый фикус у соседнего окна. Фикус почему-то торчал всего в двух метрах от меня, в совершенно настоящей тяжёлой бадье с сырой землёй.

— Фу, падла! Брось каку! — зашипел я на рассаду.

Лук плевать хотел на мой авторитет. Корни натянулись, как лебёдка на эвакуаторе, и рванули на себя.

Фикус крякнул.

Бадья со скрежетом пошла юзом по скользкому кафелю.

— Молодой человек, вы что творите?! — повысила голос Надежда Андреевна.

Я попытался обрубить подачу энергии. В кишках тут же скрутило холодным узлом, в глазах потемнело, а взбесив-

шийся овощ вместо торможения со всего маху впечатал казённый фикус прямо в терминал электронной очереди.

ТАЛОН М-667. ОКНО 4. ПРИЯТНОГО ДНЯ.

Аппарат жалобно булькнул, выплюнул три метра чековой ленты и сдох.

Из расколотой кадки хлынула жижа. По залу покатились комья отборного чернозёма. Какая-то потомственная княгиня в соболях с визгом проехалась на грязи, чудом повисла на шее у вахтёра, а тот для равновесия смачно хрустнул сапогом по краю моего ящика.

Савелий в прыжке перехватил рассаду у самой земли, спасши остатки нашего родового величия.

— Я же русским языком просил руки в силос не совать! — в отчаянии зашептал он.

— Да он сам сорвался! Весна у него!

— Отличная версия для прокуратуры! «Несчастный случай по вине оборзевшего репчатого лука»!

Надежда Андреевна с каменным лицом вдавила тревожную кнопку под столом.

— Так. Акт порчи казённого имущества. Клининговую бригаду в четвёртый сектор. Виновнику — квитанцию в зубы. И уберите уже ноги из фикуса, он у нас на балансе с две тысячи седьмого года.

Прейскурант у империи оказался кусачим: две тысячи рублей за реанимацию терминала, замену горшка и работу шваброй. Плюс косарь сверху за саму регистрацию моего

шизофренического общежития.

— Три штуки?! — я схватился за сердце. — Да я за три тысячи мог на чёрном рынке новую башку без пробега взять! И вас туда прописать, чтобы талончики без очереди штамповали!

— Могли, — легко согласилась она. — Но за пересадку головы госпошлина пятьсот рублей и справка от нарколога. Оплачиваем.

Савелий молча скинул мне в мессенджер ссылку на оплату.

Я со слезами на глазах списал со своей карты кровные три тысячи и получил два чека — один за грехи, другой за сервис. Спасённый фикус тем временем прислонили к стенке и заботливо напялили на него жёлтую светоотражающую жилетку с надписью «ПОСТРАДАВШИЙ».

— На будущее, — назидательно сказала Надежда Андреевна. — Когда просят показать Источник, нормальные люди приносят фотку три на четыре.

— Я не виноват, что у вас тут кусты без намордников стоят, — огрызнулся я. — Он первый на мой лук быканул.

На звук падающего бюджета примчался старший смены. На лацкане его пиджака гордо сиял серебряный лев, а чуть ниже болтался бейдж «Владислав, кризис-менеджер».

— Кто будет компенсировать простой оборудования?!

— Гражданин уже всё закрыл по безналу, — отбрила его Надежда Андреевна, даже не повернув головы.

— А что за контингент вообще?

— Заявитель по форме четыре-Д. Идёт первичная постановка на учёт.

Кризис-менеджер Владислав смерил меня брезгливым взглядом. Арендованный вчера смокинг с фамильным гербом-половником дожидался курьера дома, так что сейчас я выглядел именно тем, кем и являлся — нищим студентом с коробкой навоза.

— Может, аннулируем талон и выставим за дверь? У него же ботаника неконтролируемая, он нам тут весь отдел удушит.

— Радиус поражения — два с половиной метра в прыжке, — отрезала сотрудница. — Чек пробит, угроза в жилетке у стены. Выгоните — он на нас жалобу в надзор накатает, сами отписываться будете.

Владислав открыл было рот, перевёл взгляд на мои чеки, потом на суровое лицо Надежды Андреевны и благоразумно испарился.

— Спасибо, — тихо буркнул я.

— Не за что. У нас тут, знаете ли, правовое государство: пока платите по квитанции, можете хоть упырей в тазу разводить. Тем более у меня камера над окном пишет, мне выговор за самоуправство не нужен.

Я покосился на фикус в жилетке «ПОСТРАДАВШИЙ». Вокруг него уже выставили пластиковые конусы, через которые под ногами у вахтёра с гиканьем ползал чей-то мало-

летний спиногрыз. Охранник попытался стребовать с мамаши допуск в зону ЧП, но та молча сунула ему под нос пачку антибактериальных салфеток. Вахтёр крыть не нашёл чем и отступил.

Надежда Андреевна занесла руку со штампом.

— С описью жильцов закончили. Теперь давайте закрывать вопрос по Источнику. Включаю контрольный замер, на эти три минуты вызов разрешён. Мне нужно зафиксировать, что вы оттуда реально призрака тянете, а не просто с ботвой от голода беседуете.

Я бережно выковырял из чернозёма латунный кругляш.

Печать тянула граммов на сто и воняла погребом. Я шлёпнул её в приёмный лоток под стеклом. По кругу шёл государственный шрифт: «Совхоз Заря. Правление», а поперёк кто-то ржавым гвоздём нацарапал: «Путь к Бессмертию. Отдел ГСМ».

— Сразу говорю, в Эрмитаж не возьмут, — предупредил я. — Из неё вчера мёртвый дед вылез и три минуты орал, что у него казённую солярку слили.

— Регламент — три минуты, — она перевернула маленькие песочные часы. — Не выйдет на связь — напишу «дух не подтверждён», поедете доказывать экспертам Академии, что не с ботвой беседовали.

Савелий тут же подсунул мне пластиковый стаканчик с водой из кулера. Я залпом осушил половину, прижал палец к холодной латуни и выдавил из-под рёбер последние крохи

тепла прямо в сырую землю.

Корешки в ящике нервно дёрнулись.

Над грядкой повалил сизый дымок, и из него соткалась квадратная советская морда в кепке-восьмиклинке.

— КАКАЯ СВОЛОЧЬ ПОДПИСАЛА АКТ НА СПИСАНИЕ?! — заорал покойник так, что у меня чёлка назад отлетела. — Я ВАМ ПУТЁВКИ НА КАРТОШКУ ВЫПИСЫВАЛ ИЛИ СЕЛЁДКУ ЗАВОРАЧИВАЛ?!

В зале никто даже не моргнул. Для окружающих это выглядело просто как беседа бледного идиота с пустым ящиком, разве что датчик эфирного шума на столе у Надежды Андреевны бешено замигал красным.

— Представьтесь для протокола, — сипло попросил я.

— Лопухов Матвей Кузьмич! Председатель совхоза «Заря», мать твою за ногу! А ты ещё что за хрен с горы, меня без повестки в обед дёргать?!

— Всеволод. Восемнадцать лет. Сирота с долгами по ЖКХ. Слушай, Кузьмич, у тебя там в закромах родины золота партии не прикопано? Очень кушать хочется.

— Золота?! — призрак аж посинел от пролетарского гнева. — Семь вентилей латунных с базы свистнули, два километра трубы по накладным в воздухе растворилось, магистральный коллектор без госприёмки в эксплуатацию сдали! Вот тебе и всё золото, распишись в получении!

У меня внутри что-то щёлкнуло.

— Стоп. Какой ещё коллектор?

— Чугунный, под хоздвором! С восемьдесят четвёртого года гниёт! Где синька с чертежами, я спрашиваю?! Какая крыса её из архива ноги приделала?!

Песок в часах сыпался с издевательской скоростью.

— А точнее можешь сказать? Где копать-то?

— Ты мне кадастровую карту на стол положи, я тебе пальцем ткну! Нашли, понимаешь, Яндекс-навигатор бесплатный! Акт приёмки в правлении лежал, третий сейф слева от графина...

— А смету на эту трубу кто закрывал?! — перебил я, чувствуя, как начинает плыть перед глазами.

— А как же без сметы-то?! — рявкнул председатель. — У меня без бумажки даже гуси срать не садились! Прораб Иванцов лично тушь водой бодяжил, чтобы пятнадцать листов спецификации расписать! Насосы — отдельной графой, откаты — отдельной! Я перед ОБХСС за каждый гровер отчитывался!

— Где этого Иванцова искать? Он живой вообще?

— А я почём знаю, сынок?! Я в могиле лежу, у меня тут интернета нет! У живых спрашивай!

Логика была железная, не поспоришь. Матвей Кузьмич смерил меня тяжёлым взглядом начальника, поймавшего тракториста с перегаром, и я рефлекторно втянул живот.

— Ладно, а сам совхоз «Заря» где числится?

— Где построили, там и числится! Если ваши демократы чернозём вагонами в Китай не вывезли! Ты мне лучше до-

ложи, какого лешего от тебя прокисшим обратом несёт? У нас завстоловой так же сметану кефиром разбавлял — три бригады с днищем слегло, еле от профсоюза отмазали!

— Дед, давай без гастроэнтерологии, у меня лимит времени! Адрес говори!

— На печати глаза разуй, грамотей! Иди в архив и рой макулатуру, а не покойникам мозги канифоль! Устроили тут спиритический справочник...

Контуры его восьмиклинки пошли рябью. Меня замутило так, словно я вагон угля разгрузил натощак. Кузьмич ещё пытался что-то рявкнуть напоследок, но звук шёл как из испорченного радиоприёмника за тремя бетонными стенами.

Напоследок председатель кашлянул вековой пылью, упёрся взглядом в Надежду Андреевну за стеклом и возмутился:

— И почему ответственному работнику даже табуретки не выдали?! Где инвентарная ведомость на мебель, я вас спрашиваю?!

Меня сложило пополам на стойку. Корешок в ящике жалобно пискнул и скукожился.

— Дед, стой! Фамилию на бис, название конторы и кодовое слово про трубу! У меня память девичья!

— Лопухов Матвей Кузьмич! Совхоз «Заря»! КОЛЛЕКТОР, ДОЛБОЁБ! Господи, ну и поколение выросло, ни украсть, ни покараулить...

Восьмиклинка осыпалась серой перхотью прямо в зелёный лук.

Последняя песчинка упала на дно.

Я вытер ледяной пот со лба рукавом пиджака. Пальцы ходили ходуном так, что казённая ручка со звоном улетела куда-то под ноги сотруднице.

Надежда Андреевна сверилась с мигающим датчиком.

— Ровно три минуты. Разлёт корневой системы — два метра сорок сантиметров от эпицентра. Зафиксирован устойчивый некро-след первого класса. Но для суда его матюки доказательством не являются — мало ли какого бомжа вы из астрала выцепили. Личность призрака надо подтверждать через госархив.

— Да он же сам всё отчеканил вместе с трудовой биографией!

— Это я с ваших слов записала, у меня стекло звукоизолированное. И штамп ваш ещё пробивать надо на подлинность. Держите бегунок в архив и направление на кафедру оценки резерва. Вы же сами не захотите, чтобы завтра любой неупокоенный алкаш с кладбища пришёл и отсудил у вас половину дивана под видом троюродного прадеда?

Я живо представил себе ещё одного родственника на наших квадратных метрах.

— Упаси боже. Мне родного папеньки за глаза хватило.

Сотрудница пододвинула ко мне итоговую портянку с гербовой печатью.

СОСТАВ ДУШИ: 1 (ОДИН) ВЛАДЕЛЕЦ ТЕЛА. 4 (ЧЕТЫРЕ) ЗАВИСИМЫХ ДУХОВНЫХ ПРИСУТ-

СТВИЯ С ПРАВОМ НА ВОЗРАЖЕНИЕ.

СРОК ГОДНОСТИ СПРАВКИ: 30 КАЛЕНДАРНЫХ СУТОК.

НАПРАВЛЕНИЕ НА ПОВЕРКУ: ИМПЕРАТОРСКАЯ АКАДЕМИЯ ВЫСШЕГО ПАФОСА.

— В трёхдневный коридор вы с запасом вписались, — резюмировала она. — Так что штраф за просрочку и блокировка сделок вам не грозят. Продавать табуретки можете по обычному паспорту, а вот если потянет заложить фамильные артефакты — суйте эту бумажку. И Христом богом прошу: не торгуйте бессмертием от лица своего кооператива.

— А если Патриарх начнёт паству вербовать?

— Пусть пишет заявку по форме три-бис. Так как голоса в вашей голове слышите только вы, пойдёте паровозом как соучастник и переводчик.

— Я ТРЕБУЮ НЕМЕДЛЕННОЙ РЕГИСТРАЦИИ КРОВАВОГО КУЛЬТА! — взвился под черепом демон.

— Регистрация тоталитарных сект и кровавых культов на первом этаже, двенадцатое окно, — на автомате ответила Надежда Андреевна, выслушав мой перевод.

— Так оно же досками забито.

— Временные трудности. До второго пришествия не работают.

У соседнего окна выдачи как раз назревал скандал: мужик в застиранной мантии со стразами и бейджем «Императорский пророк. Лицензия в рассрочку до пятницы» тряс лоте-

рейным билетом и требовал нотариально заверить его завтрашний джекпот.

— Гражданин, мы заверяем только факт того, что вы сболтнули пророчество, — терпеливо втолковывала ему девица за стеклом. — Сам выигрыш государство не гарантирует.

— А нахрена тогда вообще ваша лицензия нужна?!

— Чтобы у вас на руках осталась красивая бумажка с печатью, когда вы завтра пролетите. Следующий!

Савелий многозначительно постучал пальцем по циферблату часов.

— Молодой господин, у меня через сорок минут горящий заказ на хинкали, сгорят — вычтут из почки. А вам ещё отписку юристам Перстневых отправлять.

Я выудил из кармана смартфон. Ещё вчера в без пяти шесть я на коленке накатал им казённую телегу: «Иск вертел, долг не признаю, гоните оригиналы купчих на исключительные права». В личном кабинете гордо висела плашка «Доставлено в руки». Акулы юриспруденции пока молчали.

— Ещё вчера запулил, — отмахнулся я. — Сидят небось с калькулятором, прикидывают, по какому курсу мои роговицы пойдут в счёт тех пяти миллионов.

— Пока суда не было, вы им ни копейки не должны, — строго напомнил Савелий. — Но скриншот переписки сохраните в облако. И очень прошу: не продавайте сегодня никакие франшизы прохожим.

— А если клиент с живым кэшем подвернётся?

Курьер молча ткнул пальцем в сторону одноногого фикуса в жёлтой жилетке.

— Вопрос снят. Без стопроцентной предоплаты и понятых я сегодня даже с одуванчиками не здороваюсь.

Я сунул свежеиспечённую справку в паспорт. Экран телефона тут же радостно добил меня пуш-уведомлениями от банка: минус три тысячи в кассу МФЦ, минус шесть тысяч экстренному сантехнику за реанимацию лопнувшей батареи дома (Савелий вызвал шабашника ещё с утра, чтобы наша однушка не превратилась в каток), и ещё восемьсот целковых улетело на маршрутные дирижабли, водичку и обратные билеты. Всё честно списалось с моей личной карточки. При этом четыре тысячи восемьсот, которые Савелий вчера выложил за прокат злосчастного смокинга из своих восьми тысяч, плюс три тысячи двести за его вчерашнюю работу у турникета продолжали висеть на мне мёртвым грузом морального и финансового долга. И восемьсот рублей налога с выручки ещё предстояло отдать.

Итоговый баланс жизни: 10 820 .

— Просто сказка, — резюмировал я, глядя на цифры. — Легализовал четырёх спиногрызов в башке, подарил государственному кусту новую кадку и слил половину оборотного капитала за два часа. Бизнесмен от бога.

— Не кадку, а кашпо повышенной ёмкости, — машинально поправила из окошка Надежда Андреевна.

Савелий подхватил многострадальный ящик с луком, пока я трамбовал макулатуру в папку. На выходе в коридоре мы упёрлись в стенд с бодрыми плакатами о грядущей санитарной зачистке районов. В углу сиротливо мигал синим глазом терминал жилищного фонда.

Нехорошее предчувствие кольнуло чуть пониже спины. Я приложил паспорт к сканеру и вбил адрес нашей родной однушки. Поверх старых долгов за капремонт вылезла свежая, пахнущая казённым оптимизмом плашка:

СТАТУС ОБЪЕКТА: ВКЛЮЧЁН В ПРЕДВАРИТЕЛЬНУЮ ЗОНУ БУДУЩЕЙ САНАЦИИ (ЗАЧИСТКИ).

ОСНОВАНИЕ: ТИПОВОЕ УВЕДОМЛЕНИЕ. ЗАКАЗЧИК И ОБЪЁМ РАБОТ НА СОГЛАСОВАНИИ.

— Савелий, — я ткнул дрожащим пальцем в монитор. — Я чего-то не знаю? У нас под хрущёвкой скотомогильник нашли?

— У нас под хрущёвкой только затопленный подвал и два гнилых стояка, которые старшая по подъезду Раиса Никаноровна заматывает синей изолентой с девяносто третьего года.

— А какого хрена тут написано «зачистка»?!

В электронной выписке не значилось ни фамилии застройщика, ни плана сноса — тупо наш почтовый индекс, штамп предварительной зоны и номер формуляра. Я сунул экран под нос Савелию. Тот попытался провалиться по ссылке в графу «основание», но система показала ему изящный

кукиш в виде прочерка.

— Девушка, а как узнать, кто под нами копать собрался? — дёрнул я консультанта у стойки.

— Пишите запрос в департамент городской среды, — не глядя отмахнулась та. — Тут только информационный киоск. Подадите заявку — через тридцать дней придёт мотивированный ответ.

Я яростно натыкал жалобу на экранной клавиатуре. Автомат присвоил моему крику о помощи шестизначный номер и вежливо послал ждать законного месяца, плевать хотев на то, что экскаваторы могут приехать уже к ужину.

— Слушай, может, это СЭС из-за того протухшего кефира возбудилась? — мрачно предположил я.

— Молодой господин, если бы у нас за каждый тухлый кефир кварталы под корень зачищали, Омск бы ещё в прошлом веке ядерным взрывом сровняли.

Я распечатал бланк. Терминал с натужным кашлем выплюнул тёплый листок, щедро мазнув по левому краю жирной чёрной полосой тонера. Ошивавшийся рядом напыщенный барон в пенсне принял дефект картриджа за траурную метку древнего клана и на всякий случай отскочил от меня к стеночке, прижав шляпу к груди.

— Бумажку берегите, — велел Савелий, когда я совал кривой лист в папку к свидетельству. — Если приедут с лопатами без ордера — будем тыкать им в морду. От квартиры у вас, по сути, только адрес и остался, а тут уже и на него

кто-то роток раззевает.

У самых дверей нас настиг зычный окрик Надежды Андреевны:

— Гражданин Задунайский! Стоять! Приложение к описи не закрыто!

У меня сердце провалилось куда-то в район ботинок.

— Только не говорите, что там пятый нарисовался! Я не потяну!

— Пока четыре. Ваш Патриарх со своими титулами в нижний колонтитул не пролез, база обрезала. Надо заверить сокращение.

Она сунула мне под нос бланк и обгрызенную ручку.

— Пишите «исправленному верить». И передайте своему дедушке: пусть урезает величие по формату А4, у нас тонер казённый.

Глава 4

Глава 4. Прищуривание, первая пара

— ГРАЖДАНИН, ОТОДВИНЬТЕ СВОЮ НИЩЕТУ ОТ ТУРНИКЕТА! У НАС ОТ ВАШЕЙ БИОМЕТРИИ ДАТЧИК ПЛАЧЕТ!

Вахтёр Императорской академии высшего пафоса орал с таким надрывом, будто я пытался протащить на режимный объект ведро сибирской язвы, а не собственное невыспавшееся ебало.

Передо мной в хмурое омское небо упирались шестиметровые кованые врата. Наверху восседал чудовищных размеров двуглавый орёл из чистого эфирного сплава. Каждые полминуты механическая птица со скрипом выворачивала одну башку налево, другую направо и радостно каркала на всю улицу:

— СЛАВА ИМПЕРАТОРУ! СЛАВА ДРЕВНИМ РОДАМ! КТО НЕ ЗАКРОЕТ КВИТАНЦИЮ ДО ПЯТНАДЦАТОГО ЧИСЛА — ПОЙДЁТ НА УДОБРЕНИЯ!

Я ещё раз с надеждой приложил паспорт к считывателю.

Терминал брезгливо пискнул и выплюнул на табло мою подноготную:

ЗАДУНАЙСКИЙ-РЮРИКОВИЧ-УЧИХА ВСЕВОЛОД СИГИЗМУНДОВИЧ.

СОСЛОВИЕ: ВЫСШАЯ АРИСТОКРАТИЯ (ПО

ОШИБКЕ).

ФИНАНСОВОЕ ПОЛОЖЕНИЕ: ОБНЯТЬ И ПЛАКАТЬ.

СТАТУС ДОПУСКА: УСЛОВНЫЙ, ДО ПЕРВОГО КОСЯКА.

— О! — оживился я, тыча пальцем в стекло. — Командир, глянь! Написано же — допуск есть!

Охранник мрачно посмотрел на экран.

Потом на меня.

Потом снова на экран, будто надеялся, что там всплывёт скрытая камера.

— Ты, что ли, Задунайский?

— По матушке там вообще тамбовские волки, но по паспорту — да.

— И Учиха?

— Сувенирный. С рынка.

— И Рюрикович до кучи?

— Чисто по бумагам, для солидности в собесе.

— А хули ты тогда в клееных кроссовках стоишь, князь?!

Я скромно потупил взор.

На моих стопах доживали свой век китайские «абибасы» с разными шнурками. Левый держался на морском узле, а правый просил каши, но рот ему заклеили синей изолентой.

— Так октябрь на дворе, дяденька. Босиком по грязи както не по-дворянски, почки отстегнутся.

— Мундир где?!

— Так мне его ещё не выдали!

— Без мундира на территорию не положено!

— Подожди. А чтобы мундир получить, мне надо на склад зайти?

— Надо!

— А склад внутри, куда без мундира не пускают?

— Именно!

Я уставился на охранника.

Охранник с чувством выполненного долга уставился на меня.

В черепной коробке тут же заворочался Серёга.

— О, шеф, знакомая хуйня. Это как развязка под Люберцами: съезд нарисовали, кирпич повесили, а в кустах гаишник с терминалом для карточек сидит. Тут без пол-литра или бульдозера не проскочишь.

— ЖАЛКИЙ ЧЕРВЬ! — взревел под темечком Патриарх. — РАСПЛАВЬ ЭТИ ЗОЛОЧЁНЫЕ ПРУТЬЯ В ПЕПЕЛ! ПУСТЬ НАШЕ ЯВЛЕНИЕ УМОЕТ ЭТУ ШАРАШКУ КРОВЬЮ СТРАЖНИКОВ!

Я прикинул толщину прутьев.

Если сдать эти ворота на цветмет, мы бы закрыли долги за капремонт, выкупили батин перстень, да ещё и на шаурму с двойным мясом бы осталось.

— Слышь, разрушитель миров, — мысленно огрызнулся я. — Если ты у нас такой терминатор, чего ж ты вчера на кухне полчаса банку с горчицей открыть не мог? Орал, что

крышка проклята.

— ЭТО БЫЛА ГЕРМЕТИЗАЦИЯ ДРЕВНИХ АЛХИМИКОВ!

— Завали хлебало, алхимик. Сейчас опять на штраф наговоришь.

За спиной раздался звук, похожий на сдувающийся матрас — это тяжело вздохнул Савелий Петрович.

— Молодой господин, прижмите уши и отойдите на полшага.

Курьер материализовался из-за мраморной колонны с пухлой скоросшивательной папкой наперевес. На нём всё так же красовалась непромокаемая ветровка, зелёный термокороб за плечами и скорбный лик праведника, которого забыли снять с креста ещё в прошлую пятницу.

Он молча сунул вахтёру под нос гербовую распечатку.

— Временное зачисление по сиротско-наследственной квоте. Обмундирование выдаётся у каптёрщика после сверки анализов и подписи в ведомости. Устав академии, глава шестая, четвёртый абзац снизу.

Вахтёр подозрительно прищурился.

— А ты ещё что за хрен в коробке?

— Единственный человек в этом радиусе, который умеет читать буквы, — сухо представился Савелий.

Охранник выдернул бумажку, минуту шевелил губами, сверяя знакомые слова, после чего со страдальческим видом вдавил кнопку на пульте.

Створка турникета со скрежетом ушла в паз.

— Ладно, чешите. Но чтоб через час был мне тут при параде!

— От души, отец, — кивнул я.

— И руками в воздухе не махать! Магия вне полигона запрещена!

Я задрал голову на орущего двухголового бройлера.

— А на абитуриентов с порога матом орать — это можно?

— Это экспресс-тест на стрессоустойчивость!

— Ага. На халяву, значит, унижаете.

— Ничего не на халяву, всё забито в прайс за первый семестр! Проходи давай!

Савелий ухватил меня за локоть и поволок во двор, пока бдительный страж не додумался проверить у меня наличие сменки и флюорографии.

Императорская академия высшего пафоса раскинулась аккурат на тех гектарах, которые в советских генпланах Омска скромно именовались Заводом железобетонных конструкций номер четыре.

На свежих же астральных картах это место гордо обзывали Цитаделью Вечного Превосходства.

Весь ребрендинг уложился в три цистерны сусального золота и бригаду таджиков-иллюзионистов.

Главный учебный корпус представлял собой суровую панельную девятиэтажку, к плоской крыше которой на ржавые анкерные болты присобачили готические башенки из краше-

ного гипсокартона. Прямо у крыльца торчал гранитный истукан первого ректора: правой дланью старик указывал потомкам путь к светлому будущему, а в левой намертво зажал счёт-фактуру с печатью.

Чуть поодаль стайка первокурсников пилила селфи на фоне «Водопада Первородной Ци».

Водопад с весёлым журчанием хуярил прямо из пробитого пожарного гидранта, заботливо подсвеченного снизу дешёвой светодиодной лентой.

— Ебать колотить, — благоговейно выдохнул я. — Вот это лакшери.

— Освоение федерального гранта на благоустройство, — вполголоса пояснил Савелий. — Вы только под башенками близко не ходите. Там смету на крепёж украли, при сильном ветре готика падает на головы.

Мимо нас важно продефилировала компания мажоров в шитых золотом мундирах.

У одного над фуражкой вместо голубя кружил живой огненный феникс и гадил искрами на тротуар.

У девицы рядом из кружевного рукава высовывалась чешуйчатая харя боевого василиска.

Третий же кадр вышагивал в позе лотоса с закрытыми глазами, паря в полуметре над асфальтом в окружении семи светящихся клинков, и на полном ходу со всего маху въехал лбом в чугунную урну.

Мечи со свистом полетели дальше по аллее.

Пафосный мечник остался лежать мордой в бычках.

Хоть бы одна сволочь обернулась.

— Высшая степень духовного отрешения, — с неподдельным уважением прошамкал в голове Лао Пэн. — Сразу видно элитную школу.

— Дед, ты слепой? Он башкой мусорку протаранил.

— Истинный практик Дао не замечает бренных преград из мира пыли!

— Эта бренная преграда ему сейчас сотрясение мозга устроила и казённую кокарду погнула.

В приёмном покое административного корпуса нас встретила девица со взглядом патологоанатома в конце квартала.

На её пластиковом бейдже красовалось: «Отдел сословных недоразумений и льготников».

— Задунайский? — уточнила она, лениво кликая мышкой. — Тот самый семнадцатый бастард?

— Мне вообще-то восемнадцать.

— Я не про возраст, я про очерёдность в завещании.

— А. Ну тогда в десятку, я замыкающий.

— Все шестнадцать ваших старших братьев прислали нотариально заверенные отказы от семейной квоты, — она с лёгким недоумением покосилась на экран. — Трое даже приложили справки о собственной смерти, лишь бы сюда не ехать. Так что бюджетное место автоматически свалилось на вас.

На стойку шлёпнулся пухлый типовой договор.

— Зачисление с испытательным сроком. Тридцать дней ходите на пары, закрываете базовые нормативы и доказываете, что ваш Источник не является грыжей. Если разнесёте лабораторию или помрёте без уважительной причины — отчислим задним числом.

— Стоп. Вы сейчас сказали «бюджетное место»? То есть вообще на халяву?

— Само обучение по квоте — абсолютно бесплатное.

Я прищурился, ища в тексте строчки, написанные кровью девственниц.

— Вот прям ни копейки не возьмёте?

— Ни копейки. За исключением выкупа повседневной формы, методичек, амортизации полигонов, страховки манекенов, койко-места в бараке, котлового довольствия и сбора за обработку ваших персональных данных.

— Потрясающе. То есть бесплатно тут можно только воздухом в коридоре дышать?

— На втором этаже воздух обогащён праной, там по абонементу.

Савелий деликатно покашлял в кулак.

— Огласите минимальный порог входа, девушка. Сколько с нас за тряпки и инвентарь?

Сотрудница развернула к нам пузатый монитор:

КИТЕЛЬ ПОЛУШЕРСТЯНОЙ С ПОГОНАМИ (Б/У, ОТСТИРАННЫЙ) — 1 600 .

НЕВОЗВРАТНО-ВОЗВРАТНЫЙ ЗАЛОГ ЗА БРАС-

ЛЕТ КОНТРОЛЯ — 800 .

ИТОГО В КАССУ: 2 400 .

Я тоскливо посмотрел на цифры.

Потом открыл приложение банка, где после вчерашнего аттракциона в МФЦ, спасения батарей и покатушек на дирижабле сиротливо доживали свой век 10 820 рублей.

— Слышьте, а в своей ветровке я гранит науки грызть не могу?

— Устав не велит.

— А если я очень грозно прищурюсь и сделаю вид, что я в кителе?

— На первой паре как раз и попробуете. Прикладывайте карту.

Я со вздохом приложил телефон к терминалу. Пискнуло так жалобно, словно из меня откачали пол-литра плазмы.

ОСТАТОК СРЕДСТВ: 8 420 .

А ведь в соседней вкладке ещё тикали счётчики: налог с позавчерашних двадцати тысяч за пощёчины, суточные Савелия и четыре тысячи восемьсот, которые он выложил из своих восьми косарей за прокат того треклятого смокинга с половником.

Долги смотрели на меня из экрана с немым укором.

Я просто смахнул вкладку вверх и закрыл приложение.

— Молодой господин, — устало заметил Савелий, проследив за моим манёвром. — Если вы удалите иконку банка с экрана, коллекторы не аннигилируются.

— Ты мне ещё скажи, что если накрыться одеялом с головой, бабайка всё равно сожрёт.

— Судя по вашей финансовой грамотности, именно на этой аксиоме и держится ваш бизнес-план.

Из окошка выдачи мне швырнули свёрток с тёмно-синим мундиром, пахнущим нафталином и чужими несбывшимися надеждами.

На правом рукаве золотилась вышивка «ИМПЕРАТОРСКАЯ АКАДЕМИЯ».

На левом сиротливо торчала липучка под фамильный шеврон.

Шеврон я прилепил сам — кривоватый двуглавый воробей без намёка на кухонную утварь в лапах.

От собственного благородства аж в носу защипало.

Учебный артефакт оказался увесистым металлическим браслетом на защёлке, подозрительно напоминающим конвойные наручники с экранчиком от тамагочи.

ОБЪЁМ МЕШКА ЧАКРЫ: ПОКА НЕ НАЩУПАН. КЛАСС ОПАСНОСТИ: БЫТОВОЙ ИНВАЛИД. ОФОРМИТЬ VIP-ПОДПИСКУ НА ГРАФИКИ ПРОГРЕССА ЗА 299 /МЕС?

Я с ненавистью ткнул в кнопку «Пошли нахер».

Экранчик мигнул красным и выдал резюме:

ВАШИ ПОКОЙНЫЕ ПРЕДКИ ПЕРЕВОРАЧИВАЮТСЯ В ГРОБАХ.

— Пусть крутятся, — буркнул я. — Динамо-машину к

ним подключим, хоть за свет в однушке заплатим.

Савелий сверился со своими командирскими часами.

— Всё, молодой господин, у меня смена горит. Там заказ из чебуречной стынет.

— В смысле?! Ты меня тут одного бросаешь?!

— Я вас за ручку довёл, в списки вписал, кабальные пункты из договора вычеркнул. Дальше сами — грызите науку, обрастайте связями. Моя курьерская страховка на академические разборки не распространяется.

— А если меня тут на первой же перемене мажоры на британский флаг порвут?!

— Наберёте по номеру.

— Откуда, с того света?!

— Тогда лучше эсэмэской, в астрале роуминг дорогой.

Он деловито затянул лямки своего зелёного короба и двинул к дверям.

— Петрович!

Курьер тормознул у порога.

— Спасибо тебе. Правда.

Савелий коротко кивнул.

— Вы главное в чужие тумбочки и холодильники сегодня не лазьте, молодой господин. И под башенками не стойте.

Нужная аудитория отыскалась на третьем этаже, сразу за платным туалетом.

На дубовой двери красовалась латунная табличка:

КАФЕДРА ВРОЖДЁННОГО ПРЕВОСХОДСТВА.

ВВОДНЫЙ КУРС: ВЫСОКОМЕРНЫЙ ПРИЩУР И ОСНОВЫ УНИЖЕНИЯ ЧЕЛЯДИ.

Я толкнул дверь и протиснулся внутрь.

В амфитеатре за полированными партами восседали тридцать два отборных плода векового кровосмешения.

Каждая вторая рожа в этом зале просила кирпича так отчаянно, что их можно было без кастинга лепить на билборды «Почему в стране нужна революция».

Какой-то нарцисс у окна пускал слюни на собственное отражение в карманном зеркальце.

Девица в первом ряду бархоткой до скрипа натирала фамильный булыжник на пальце, которым при желании можно было глушить лосося.

Чуть правее особо одарённый кадр тренировал взгляд, пытаясь сощурить сразу четыре глаза: два своих, поросячьих, и ещё два, криво намалёванных на лбу перманентным маркером из лавки артефактов.

Я по стеночке просочился на самую галёрку и плюхнулся на свободное место.

Моим соседом оказался мордатый детина с плечами как у шкафа-купе, обтянутыми мундиром из явно не казённого бархата.

Он скосил глаза на мою кривую нашивку.

— Опа. Задунайский, что ли?

— Во плоти.

— Тот самый кадр, которого позавчера во дворе сорок

шкур синхронно отшили?

— По ведомости их было три, — поправил я. — Остальные — массовка с ТЮЗа для красивого кадра.

— Один хрен мощно.

Шкаф задумчиво почесал породистый подбородок.

— Слышь, браток, а у тебя контактик этой бригады остался? Мне через неделю девятнадцать стукнет, хочу пацанам в клубе драму показать. Ну, типа я страдаю, она мне бокал шампуня в рожу плещет и уходит в закат, а все мне сочувствуют. Почём прайс?

— Я сутенёрством бывших не занимаюсь, братан.

— Жаль. А к кому подкатить?

— К любой первокурснице с театрального, за ящик просекко они тебе там «Анну Каренину» под геликом сыграют.

Мажор деловито вытащил золотое перо и нацарапал в ежедневнике: «Стартап: публичные расставания под ключ. Спрос бешеный, конкурентов ноль».

Договорить мы не успели — входная дверь открылась с ноги, чуть не выбив петли.

К кафедре строевым шагом промаршировал сухонький седой дед с суковатой деревянной указкой наперевес.

На его помятом кителе в ряд звенели четыре ордена за зачистку особо буйных окраин, а на переносице криво сидели очки, где правая линза была намертво замотана всё той же бессмертной синей изолентой.

Он с грохотом уронил классный журнал на трибуну и об-

вёл зал единственным глазом, полным вековой ненависти к молодёжи.

— Громобоев Ефим Лукич, — рявкнул дед без прелюдий. — Старший преподаватель прикладного снобизма и боевой спеси. До дембеля и пенсии мне осталось три года, поэтому клал я с прибором на ваши родословные. У кого папа министр — конверты не совать. У меня самого папа был генерал-губернатор, я этих конвертов в детстве вместо салфеток насмотрелся.

Аудитория гробовым молчанием проглотила приветствие.

Ефим Лукич с хрустом отломил кусок мела и размашисто вывел на доске:

ДВОРЯНСКИЙ ПРИЩУР — ЭТО ВАМ НЕ ЗАПОР. ЭТО ОРУЖИЕ ПСИХОЛОГИЧЕСКОГО ПОДАВЛЕНИЯ.

— Итак, жертвы элитного акушерства! Кто мне скажет, чем благородный взор отличается от нервного тика у контуженого кролика?

С первой парты тут же выстрелила ухоженная ручка с маникюром.

— Чистотой голубой крови в жилах! — звонко отрапортовала девица с перстнем.

— Садись, два! — отрезал Громобоев. — У меня сосед по даче — прямой потомок трёх императоров. Вчера уколол палёный ботокс по акции, теперь улыбается затылком и слю-

ну пускает. Никакого величия! Ещё варианты?

Рука со второго ряда.

— Выброс концентрированной духовной ауры!

— Хрень собачья! Аура без вектора направления — это просто пердёж в лужу: пузырей много, толку ноль. Выглядит как закипевший титан в плацкарте. Дальше!

Руку поднял холёный блондин с идеальной укладкой.

— Намерение сломить волю врага ещё до начала схватки!

— Уже теплее, — хмыкнул препод. — Выметайся к доске, покажешь на практике.

Парень вальяжно спустился к кафедре. Весь из себя картинный: платиновые патлы до плеч, профиль с античной монеты, взгляд как у кота, который только что нассал в хозяйские тапки и гордится этим.

Он картинно сощурил глаза.

Воздух под потолком пошёл густой маслянистой рябью, и над макушкой мажора соткалась трёхметровая призрачная харя лазурного дракона.

Под ногами мелко зазудел бетон.

Оконные рамы жалобно звякнули.

Конвойный браслет на моём запястье нервно задергался и выдал бегущую строку:

АХТУНГ! ПОВЫШЕННЫЙ УРОВЕНЬ ПОНТОВ В ПОМЕЩЕНИИ!

Я от греха подальше вжался в спинку скамьи.

Иллюзорный ящер раззявил пасть, собираясь рявкнуть...

И в этот момент Ефим Лукич без замаха, от бедра, со всей дури въебал блондину деревянной указкой по голени.

— Ай, сука, блядь! — взвыл аристократ, схватившись за колено.

Дракон лопнул, как мыльный пузырь из дешёвого шампуня.

— Незачёт, — удовлетворённо резюмировал старик, опираясь на указку. — Всю ману вбухал в мультики над башкой, а нижний этаж оставил голым. На улице тебе бы сейчас гопник арматурой чашечку выбил и золотые зубы пассатижами выдернул. Давай по новой, без спецэффектов.

Униженный драконорождённый, поджимая ногу, поковылял на место.

— Намотайте себе на ус, балбесы, — Ефим Лукич назидательно поднял палец. — Смерд должен обоссаться от одного вашего взгляда, это факт. Но если вы от собственного величия перестаёте видеть, куда этот смерд заносит заточку — в следующем семестре вы будете лежать в формалине как наглядное пособие на кафедре судебной некромантии.

Я с чувством глубокого удовлетворения закивал.

Кажется, в этом паноптикуме нашёлся ровно один вменяемый дед, и тот — не в моей голове.

— Так, кто у нас там на камчатке лыбится? Задунайский!

Я поперхнулся воздухом и встал.

— Я здесь.

— Живо к барьеру!

— Ефим Лукич, а можно я прямо с парты пощурюсь? У меня дальнозоркость.

— Можно! Но тогда я тебе ноль в ведомость тоже дистанционно нарисую! Бегом!

Пришлось плестись к доске под ехидные смешки будущей элиты империи.

Громобоев выкатил из угла пыльный тренировочный болван на колёсиках.

Манекен был выструган из дуба, наряжен в драную солдатскую шинель и снабжён криво приклеенными усами из пакли.

На деревянной груди болталась фанерка: «ХОЛОП ОБЫКНОВЕННЫЙ. МОРАЛЬНАЯ УСТОЙЧИВОСТЬ: ДНО».

— Задача для первого класса коррекционной школы, — объявил препод. — Заставь этого буратино отъехать назад хотя бы на полметра.

— Чисто взглядом?

— Чисто взглядом! Или ты его целовать собрался?! Приступай!

Я развернулся к усатому полену.

Сделал зверское лицо, с которым обычно открывал квитанции из ЖЭКа.

Прищурился.

Буратино было глубоко похуй.

Я сдвинул брови к переносице так, что кожа на затылке

натянулась.

Манекен стоял как вкопанный.

Я поднатужился ещё сильнее. Левое веко начало предательски дёргаться, из глаза выкатилась скупая мужская слеза.

— Площадь давления увеличивай, Задунайский! — скомандовал дед. — Не котёнка пугаешь!

Я затаил дыхание и выпучил полуприкрытые зенки так, что в висках застучали отбойные молотки, а перед глазами поплыли фиолетовые мушки.

— Давай, сука, дави на цель!

— Да я сейчас от натуги либо его взглядом оплодотворю, либо себе грыжу в штаны выдавлю, блядь!

В первых рядах кто-то в голос заржал, подавившись слюной.

Усатое бревно даже не скрипнуло.

Ефим Лукич с интересом заглянул в экранчик моего браслета.

ВЫБРОС ДУХОВНОЙ МОЩИ: 0,02 ПАСКАЛЯ (ПОГРЕШНОСТЬ ПРИБОРА).

— Мои поздравления, Задунайский. Ты сейчас обрушил на деревянного пехотинца ментальный удар, равный утреннему чихуту престарелого хомяка.

— А если хомяк был бешеный?

— Тогда зачёт получит хомяк, а ты пойдёшь в армию!

Я уныло потёр переносицу.

В черепе тут же начался митинг:

— ОТДАЙ МНЕ РУЛЬ, НИЧТОЖЕСТВО! — завопил Патриарх. — Я ИСПЕПЕЛЮ ЭТОГО ДЕРЕВЯННОГО ИДОЛА ВМЕСТЕ С ФУНДАМЕНТОМ ИХ ЖАЛКОЙ ШКОЛЫ!

— Сядь на жопу ровно, дед. Ты ему сейчас казённую шинель пропалишь, а мне за неё потом почку в бухгалтерию сдавать.

Громобоев размашисто черкнул что-то в журнале.

— Выхлоп нулевой. Контроля нет как класса. Но огрызаешься бодро, значит, кора головного мозга ещё не вся вымерла. Топай на место, на полигоне из тебя это дерьмо выбьем.

Я поплёлся обратно на галёрку.

Сосед-шкаф одобрительно хлопнул меня лапищей по позвоночнику так, что я чуть ключицами об парту не звякнул.

— Красава, братан. Вообще нихера не умеешь, зато чисто на харизме вывез, я поржал.

— Обращайся, сука. На день рождения могу прийти, ещё и не так опозорюсь за твой счёт.

Вторую половину пары нас погнали как стадо на открытый боевой полигон.

Высокотехнологичный комплекс представлял собой кусок разбитого асфальта на задворках между учебным корпусом и заброшенным цехом бетономешалок. По краям площадки торчали обгорелые бронелисты, на самом большом

из которых красной краской из баллончика было выведено: «ДНЕЙ БЕЗ РАСЧЛЕНЁНКИ И ТРУПОВ: 0».

Ефим Лукич выстроил всю нашу великолепную компанию из тридцати двух человек вдоль белой черты.

— А теперь посмотрим, на что вы годитесь, кроме как ебальники перед зеркалом кривить! — рявкнул он, перекрывая шум ветра. — На рубеже три модели учебных болванов. Первый замеряет чистый урон стихией. Второй — плотность вашей шкуры. Третий работает в режиме пьяного десантника — он не будет ждать, пока вы дочитаете свои пафосные стишки, а сразу пойдёт бить морду! Поехали!

Первой на рубеж выскочила та самая фифа с фамильным булыжником.

Она грациозно взмахнула ручкой, и с маникюра сорвался ревущий столб пламени толщиной с фонарный столб.

Первую мишень разнесло в труху вместе с куском асфальта.

Над бетонным забором вспыхнуло неоновое табло:

ОГНЕВАЯ МОЩЬ: РАНГ «А». МОЛОДЦА.

Вторым пошёл какой-то надутый индюк из графьёв. Он вскрыл себе палец, капнул кровью и призвал из воздуха ледяного волчару размером с «Газель». Зверюга в один прыжок перекусила вторую мишень пополам, после чего облизнулась и радостно кинулась доедать местного слесаря-механика, который в углу чинил мишенный подъёмник.

Слесарь, не выпуская беломорины из зубов, с разворота

уебал магическому волку газовым ключом на тридцать два прямо промеж ушей.

Волк жалобно тявкнул и осыпался колотым льдом для коктейлей.

ОЦЕНКА: РАНГ «В+». СЛЕСАРЮ ПРЕМИЯ.

— Опять Петрович у нас первокурсников всухую уделывает, — мрачно пробормотал себе под нос Громобоев. — Главное, ставку ему не повышать, а то закодируется и в гвардию свалит.

Слесарь выкатил запасную рубероидную мишень взамен сгоревшей. Третьим на пятачок выплыл давешний блондин с отбитой голенью.

Он с лицом великомученика начертил в воздухе светящийся вензель.

Из низких омских туч со звоном вывалилась дюжина призрачных двуручников.

Клинки выстроились веером, красиво посверкали гранями для сторис...

А потом синхронно впилились в многострадальный рубероид, смешав железную стойку с щебёнкой.

Правда, двенадцатый меч на вираже потерял управление, задрал нос и со свистом ушёл вертикально в стратосферу.

— Эй, алё, это казённый реквизит! — завопил слесарь Петрович, размахивая ключом.

Блондин судорожно пощёлкал пальцами.

Мечу было глубоко плевать — он уже пробивал облач-

ность в сторону Новосибирска.

Ефим Лукич со вздохом вытащил из галифе кнопочную «Нокию».

— Дежурный ПВО? Лукич беспокоит. Слышь, Семёныч, не паникуй, у нас тут опять малолетний дебил световой дрын в космос запустил. Ага, один штук. Нет, без боеголовки, чисто болванка. Сбейте там над пустырём, акт списания я вечером с коньяком занесу.

Он спрятал трубу и упёрся единственным глазом в меня.

— Задунайский! На расстрел, шагом марш!

Я на ватных ногах выполз в центр круга.

Петрович с кряхтением выкатил против меня третью модель — двухметрового железного голема в ржавых латах и с зазубренным ломом, стилизованным под рыцарский палаш.

Единственным светлым пятном в этом сером аду была чахлая клумба сразу за спиной железяки: три квадратных метра раскисшего от дождей чернозёма, из которого торчали три полудохлых куста казённого можжевельника.

Я оценил дистанцию до грязи.

Потом посмотрел на свои абсолютно пустые ладони.

— Ефим Лукич, а можно я вон туда, к кустикам смещусь?

— Это ещё с какого перепугу?

— Занимаю господствующую высоту согласно ландшафту!

— Валяй, полководец. За белую линию заступишь — будешь клумбу зубами полоть.

Я бочком-бочком прокрался по дуге и тормознул в метре от спасительного бордюра, встав с железным дровосеком лицом к лицу.

Наручник на запястье противно пискнул:

ТЕСТ НА ВЫЖИВАНИЕ ЗАПУЩЕН. ЗЕМЛЯ ПУХОМ.

Ржавый голем даже не стал прищуриваться — у него просто загорелись красным окуляры, и эта полтонны металлолома со скоростью курьерского поезда ломанулась прямо на меня.

— ЕБАТЬ МОЙ ЛЫСЫЙ ЧЕРЕП!

Я ласточкой рыбнул в сторону.

Железный дрын со свистом рассекал воздух в сантиметре от моего носа, обдав запахом машинного масла.

Голем на шарнирах крутанулся вокруг оси и с оттяжкой приложил меня плоской стороной клинка по плечу.

Меня как ссаного котёнка смело с ног и протащило мордой по мокрому гравию.

Золотые погоны жалобно звякнули об асфальт.

— Задунайский, не спать! — донёсся весёлый голос препода. — Это тебе не дуэль в парке, гопник в подворотне расшаркиваться не будет!

— ДА Я УЖЕ ПРОЧУВСТВОВАЛ, СПАСИБО ЗА НАУКУ!

Железяка занесла свой рельс для контрольного в голову.

Я чудом откатился колбаской под бордюр.

Палаш с грохотом врубился в бетон, выбив сноп синих искр аккурат на том месте, где секунду назад лежали мои казённые кроссовки.

В башке тут же началась истерика:

— СМЕРТНЫЙ, СНИМИ ПЕЧАТЬ С МОИХ РУК! Я РАЗОРВУ ЭТОТ КУСОК ЧУГУНА НА АТОМЫ!

— Я тебе руки не передавал, дед! За самовольный каст нас обоих на рудники спишут!

— ОН ТЕБЯ СЕЙЧАС В КОНСЕРВУ ЗАКАТАЕТ!

— Да не ссы, железяка учебная!

В эту же секунду «учебная железяка» сделала короткий выпад и со всей дури ткнула меня тупым остриём прямо под плавающие рёбра.

Как выяснилось опытным путём, тупым ломом рёбра можно отбить так, что даже материться больно.

Я издал звук сдувающейся резиновой курицы и сложился пополам.

Из лёгких разом вышибло весь воздух вместе с завтраком и остатками кланового достоинства.

— Так, демон, заглохни! Старый, давай агрономию, пока нас не похоронили!

— Гони ци из нижнего даньтяня в перегной, бестолочь! — заорал китаец.

Я, пуская кровавые слюни из прокушенной губы, вслепую хлопнул пятернёй по мокрой жиже клумбы.

Под слоем гнилых листьев что-то хищно вздрогнуло.

Из чернозёма со звуком выдернутой пробки выстрелил жилистый корень можжевельника и змеёй метнулся к врагу.

Хрен там плавал — не хватило каких-то жалких тридцати сантиметров.

Голем уже поднимал свой дрын, чтобы вбить меня в грунт по самую шею.

Я, загребая носом землю, прополз на пузе ещё полметра, ободрав коленку об поребрик, и из последних сил продавил резерв.

Корень удлинился, со скрипом захлестнул ржавую щиколотку манекена и сработал на излом.

Железный ублюдок шагнул вперёд, чтобы добить...

Запнулся об собственную ногу и с оглушительным лязгом рухнул коленом в грязь.

Я вскочил на четвереньки, взвыл от боли в боку и дёрнул руку на себя.

Корень натянулся струной.

Несчастный куст можжевельника на клумбе жалобно хрустнул и вылез из земли до половины, обнажив грязное нутро.

Голем флегматично дёрнул ногой, порвал мою ботанику как гнилую нитку, поднялся во весь рост и снова занёс меч.

А у меня в животе бензин кончился окончательно — только пустой бак звякнул.

— ОТБОЙ! СТОП МАШИНА! — гаркнул Громобоев.

Окуляры голема погасли, палаш замер в полуметре от мо-

его темечка.

Я так и остался стоять раком, вытянув трясущуюся руку в сторону кустов.

Тамагочи на запястье заливался предсмертным писком:

БАК ПУСТ. СОВСЕМ ПУСТ.

ПРОФИЛЬ МАГИИ: КОЛХОЗНО-ПРИКЛАДНОЙ.

ВЕРДИКТ СИСТЕМЫ: МЯСО ДЛЯ ШТРАФБАТА.

Ефим Лукич неспешно подошёл к месту побоища, заложив указку за спину.

Осмотрел мой драный казённый рукав.

Мою зелёную морду.

Полувыдернутый куст с комьями грязи на корнях.

— Двадцать три секунды, Задунайский.

— Ч-чего?.. — прохрипел я, держась за бок.

— Двадцать три секунды ты бегал от железяки второго класса и даже один раз поставил её на колени.

— Охуенный результат. Шёл учиться на благородного мага, а сдал норматив выживания бомжа против бульдозера.

Дед присел на корточки и потыкал указкой в порванный корень.

— Чего вдруг за кусты схватился?

— Так фаерболы в комплект к фамилии положить забыли.

— А к клумбе зачем заранее перебежал?

— Потому что из асфальта у нас в Омске только одуванчики и ямы растут, а ими от лома не отмашешься.

Препод крякнул и неожиданно кивнул.

— Мысль трезвая.

Я с надеждой разогнул спину.

— То есть зачёт в кармане?

— Размечтался! Два пропущенных в корпус, валяние в грязи в императорском мундире и вандализм в отношении казённой флоры. Но за то, что в панике не обосрался и нашёл чем связать врагу ноги — ставлю галочку за тактическую смекалку.

Он ткнул своей указкой в мой браслет.

СТАТУС СТУДЕНТА: ПУСТЬ ПОКА ЖИВЁТ (УСЛОВНО).

— А с кустом чего делать?

— Ручками обратно закопаешь и польёшь из лейки! Время пошло, до звонка пятнадцать минут!

Я тоскливо посмотрел на истерзанный можжевельник.

Можжевельник с немым упрёком покосился на меня.

Ну, насколько вообще может коситься облезлая ёлка с оторванной жопой.

— Шеф, ну это успех, я считаю, — заржал в голове Серёга. — Поступил в элитную академию, выхватил пиздюлей от тостера и пошёл работать таджиком на клумбу. Карьерный лифт ебашит без остановок!

Без двадцати час я выполз за ворота Цитадели Превосходства, прижимая локоть к отбитым рёбрам и вытирая чернозём об штаны. Зато голова пухла от бесценных академиче-

ских знаний:

Во-первых, если на тебя бежит двухметровый шкаф с арматурой — строить ему глазки бесполезно, отпиздит.

Во-вторых, без грядки под боком я в честном бою стою примерно как пакет молока по акции.

И в-третьих, любая государственная клумба после драки чинится за счёт выжившего.

Я уже почти доковылял до автобусной остановки, когда за спиной взвыла турбина так, что с деревьев посыпались оглохшие воробьи.

Из-за угла, нагло перемахнув через бетонную полусферу, вылетел наглухо тонированный бронированный «Гелендваген» на эфирной подушке и с визгом вкопался прямо поперёк зебры, едва не проехавшись мне по клеёному носку.

Диски колёс слепили глаза багровыми рунами охлаждения.

На капоте вместо значка «Мерседеса» торчал литой из платины двуглавый петух.

А по верху лобовухи шла золотая готическая вязь:

«НЕ БИБИКАЙ, ЧЕЛЯДЬ. МОЙ БАТЯ КУПИЛ ЭТОТ АСФАЛЬТ ВМЕСТЕ С ТОБОЙ».

Передняя дверь пафосно уехала вверх, как крыло подбитого бомбардировщика.

На грешную землю ступил высокий хлыщ в отутюженном до бритвенной остроты чёрном кителе. Пшеничная чёлка лежала волосок к волоску — над ней явно каждое утро кам-

лала бригада придворных стилистов с уровнем допуска к гостайне.

На лацкане сиял до боли знакомый фамильный перстень в обрамлении бриллиантов.

Тот самый клан Перстневых, который позавчера вечером выкатил мне досудебку на пять лямов за испорченный праздник жизни.

Мажор медленно смерил меня взглядом сверху вниз.

Задержался на моём рваном рукаве.

Плюнул глазами в кривую нашивку Задунайских.

И выдал эталонный академический прищур на все сто баллов:

— Ах ты выскочка!

Я остановился, почесав грязной пятернёй за ухом.

— Будем знакомы. Всеволод. Можно просто — твой ночной кошмар по коммуналке.

Княжич картинно шагнул вперёд.

С задних сидений синхронно высыпались два квадратных шкафа в штатском: один бережно нёс кожаную папку с тиснением, второй уже наводил на мою рожу казённый эфирный регистратор со штативом.

— Мои люди тебя закопают! — отчеканил блондин с интонацией автоответчика.

— Слышь, а у вас в родне все потомственные гробовщики, что ли? — поинтересовался я. — Позавчера ваши юристы грозились меня аннигилировать, сегодня ты с лопатой прие-

хал. У вас там подряд на земляные работы в Омске горит?

У мажора от возмущения скрипнули виниры.

Он молча выхватил из кармана золотой айфон и сунул мне экран к самому носу.

Там во всей красе крутился позавчерашний ролик с нашего «расставания века» под заголовком: «Нищий бастард рубит бабло на слезах благородных дев!».

А прямо под видео горела жирная плашка спонсора показа: «Холдинг Перстневъ-Групп».

До меня наконец дошло.

— А-а, — протянул я. — Так это я позавчера вашей семейной прачечной всю малину обосрал? То-то ваши стряпчие так возбудились на пять миллионов.

Княжич яростно затыкал холёным пальцем в строчку судебного иска на экране.

Потом гордо постучал себя кулаком в грудь.

После чего махнул рукой в сторону золотых ворот Академии.

В голове восхищённо крякнул Серёга:

— Шеф, а клиент-то походу контуженый! У него словарный запас как у попугая на рынке, остальное чисто жестами через сурдопереводчика показывает! Классический папин пирожок: деньги есть, ума не надо!

Я с сочувствием оглядел хромированный танк за его спиной.

— Дай угадаю. Аркадий Перстнев, мамина радость?

Блондин задрал подбородок так высоко, что рисковал захлебнуться, если пойдёт дождь.

— Ах ты выскочка!

— Да это я уже законспектировал, не повторяйся. У тебя там на флешке другие треки записаны, или заело?

Физиономия Аркадия налилась нездоровым свекольным румянцем.

Он без слов выдернул из рук своего амбала гербовый бланк на плотной бумаге.

Приложил большой палец к золотому сканеру на папке.

По бумаге с шипением пробежала сургучная княжеская печать.

И эта горячая портянка тут же прилетела мне в грудь:

ОФИЦИАЛЬНЫЙ ВЫЗОВ НА БОЕВОЙ ПОЕДИНОК ЧЕСТИ И ДОСТОИНСТВА.

ИСТЕЦ С МЕЧОМ: КНЯЖИЧ ПЕРСТНЕВ АРКАДИЙ ГЛЕБОВИЧ.

ПОВОД ДЛЯ МОРДОБОЯ: ЦИНИЧНОЕ ПОПРАНИЕ БРЕНДА И ФАМИЛЬНОЙ ЧЕСТИ.

ЛОКАЦИЯ СЕЧИ: АСФАЛЬТИРОВАННЫЙ ПЯТАЧОК У МАГАЗИНА «ПЯТЁРОЧКА» (УЛ. ЛЕНИНА, 14).

ДАТА ПОХОРОН: ЧЕРЕЗ ТРИ ДНЯ, В ЧЕТВЕРГ, 29 ОКТЯБРЯ.

Я дважды пробежал глазами по каллиграфическому шрифту.

Поднял взгляд на мстителя.

— Слышь, аристократ. А хули у «Пятёрочки»-то?

Аркадий с каменным лицом ткнул пальцем в приколотую скрепкой кадастровую схему.

На ней красным маркером был обведён разгрузочный пандус у мусорных баков с пометкой «Сертифицированная дуэльная зона класса С», а прямо через дорогу сияла вывеска «Выручай-карта: пельмени два по цене одного!».

— А ты хозяйственный, — уважительно оценил я. — Одобряю. Если меня там прирежут, хоть пацанам на поминки далеко за водярой бегать не придётся.

Княжич хищно оскалил фарфоровые зубы:

— Мои люди тебя закопают!

— Да блядь, опять двадцать пять! Вас там в детстве на стройке уронили, что ли?! Хоть бы раз предложили человеку шалаш построить, всё вам закапывать!

Аркадий попытался снова ткнуть мне бумажкой в лицо, но тут со стороны КПП раздался знакомый старческий рявк:

— Это ещё что за цыганский табор на проезжей части?!

Из калитки, помахивая суковатой указкой, выплыл Ефим Лукич.

Квадратный мордоворот с папкой тут же вытянулся во фрунт и молча протянул старику копию дуэльного бланка.

Громобоев нацепил свои одноглазые очки, изучил маляву, перевёл тяжёлый взгляд на пафосного блондина, а затем уставился на меня как на чудо природы.

— Задунайский, мать твою за ногу! Ты в академии ещё и дня не отучился, а уже умудрился забить стрелку наследнику клана Перстневых?!

— Да я вообще шёл себе на маршрутку, примус починял! Это он на меня из кустов выскочил!

— А какого хрена ты тогда без жилета посреди дороги стоишь?! Прыжок на бордюр, бегом!

Я послушно отскочил на тротуар от греха и от указки.

Аркадий продолжал сверлить меня своим коронным прищуром, явно гордясь произведённым эффектом.

Ефим Лукич повернулся к мажору.

— Значит так, Аркадий Глебович. Бумажка красивая, но пока её не проштампует дуэльный пристав — это просто грамота из сортира. До официального гонга тронете моего условного оболтуса хоть пальцем — пойдёте по статье за уличный гоп-стоп. И вообще, вы с директором «Пятёрочки» аренду парковки согласовали? Там по четвергам фуры с картошкой разгружаются!

Княжич с победным видом выудил из папки второй листок с синим штампом товароведа.

Препод вчитался и крякнул.

— Ишь ты. Даже за битые тележки аванс внесли. Основательный подход, уважаю.

Блондин самодовольно ухмыльнулся.

После чего картинно ткнул пальцем в мою грудь.

Провёл линию по моему порванному рукаву.

Указал на засохший ком чернозёма на моём плече.

И гордо выставил перед моим носом два пальца рогаткой.

— Это он мне сейчас моргалы выколоть обещает? — уточнил я у переводчика.

Ефим Лукич прищурил свой единственный глаз, расшифровывая пантомиму высшей знати.

— Говорит, чтобы ты искал себе двух секундантов с лопатами. Оружие и лимит по артефактам ваши представители утрясут у нотариуса.

— А слиться по болезни вообще вариант?

— Вариант, — легко согласился дед. — Пишешь явку с повинной, что ты ссыкло и тряпка, платишь неустойку за аренду парковки, и твоя фамилия в имперском реестре официально переводится в разряд половых ковриков. У тебя по закону троё суток на размышление, читай устав.

Я с тоской забрал горячий лист с печатью.

Аркадий удовлетворённо дёрнул подбородком, развернулся на каблуках так резко, что едва не сбил своего оператора, и зашагал к распахнутой двери танка.

У самой подножки он замер.

Медленно повернул ко мне холёный профиль.

И выдал на бис:

— Ах ты выскочка!

— И тебе не хворать, Цицерон. Береги голосовые связки, а то словарь перегрузишь.

Дверь захлопнулась, «Гелик» рявкнул прямотоком и ушёл

в точку, щедро окатив меня на прощание вонючим выхлопом сгоревшего эфира и крошкой жжёной резины. За ним покатился низкий прицеп: на четырёх цепях там болтался парадный перстень Перстневых размером с тракторное колесо. На борту красовалось: «НЕГАБАРИТ. ВЕЛИЧИЕ НЕ КАНТОВАТЬ».

Я перевернул дуэльную повестку обратной стороной.

В самом низу страницы, шрифтом для особо дотошных, шла стандартная приписка от юристов торговой сети:

«Сторона, проигравшая поединок или склеившая ласты, обязуется в полном объёме возместить ущерб за разбитые витрины, помятые кредитные Солярисы покупателей, угнанные продуктовые тележки, контуженых голубей и испорченный асфальт согласно прейскуранту магазина».

Я поднял тоскливые глаза на Ефима Лукича.

— Лукич, вот только без пиздежа, как на духу. Он меня там размажет?

Старик задумчиво посмотрел на мои ободранные костяшки в налипшем чернозёме.

— У Перстнева-младшего мешок чакры как у племенного быка, обвес из артефактов по цене чугунного моста и репетиторы из императорской гвардии с пелёнок. Из твоих козырей я пока вижу только умение падать мордой в грядку и искать червяков.

— Охуительный расклад. Прям тотализатор открывай.

— Ага. Особенно если учесть, что парковку у «Пятёроч-

ки» закатали в три слоя ГОСТовского асфальта ещё при прошлом мэре, и земли там нет от слова совсем. Так что шевели мозгами до четверга, агроном.

Громобоев развернулся и, постукивая указкой по голенищу сапога, зашагал обратно под сень золотого орла.

Я остался куковать на тротуаре в обнимку со смертным приговором.

В кармане требовательно звякнул смартфон.

Высветилось сообщение от Савелия:

«Молодой господин, чебуреки сдал без потерь. Как прошла акклиматизация в храме науки? Очень надеюсь, что вы там ничего казённого не сломали».

Я посмотрел на свой распоротый китель.

На синяк под рёбрами.

На гербовую бумажку с печатью супермаркета.

И одним пальцем натыкал ответ:

«Всё штатно. Зачислили. Научили грозно щуриться и пересаживать ёлки. В четверг меня будут официально убивать у мусорки за Пятёрочкой».

В чате повисла пауза: Савелий печатал, стирал и снова печатал.

Через пять секунд прилетела ответная эсэмэска:

«Убедительно прошу: если надумаете помирать, предварительно снимите казённый мундир и сложите в пакет. За испачканную кровью шерсть каптёрщик отдельный счёт выставит. А восемьсот рублей залога за браслет и так жалко».

Глава 5

Глава 5. Перстень с правом сноса

— ГРАЖДАНИН, ВЫ ЧЬИ МОЩИ В ЗАЛОГ ТАЩИТЕ?! СВОИХ РОДСТВЕННИКОВ ИЛИ С КЛАДБИЩА НАКОПАЛИ?!

Приёмщица ломбарда «Последний предок» орала через бронированное стекло на тощего остроухого эльфа, который с видом оскорблённого величия пытался впарить в скупку череп собственного прапрадеда.

Череп был богато выкрашен серебрянкой, в глазницах тускло блестели красные стекляшки от светофора, а из просверленного темечка бодро торчала телескопическая антенна от старого радиоприёмника.

— Да как вы смеете, женщина! Это мой законный первопредок по лесной линии! — тряс благородными патлами эльф. — Верховный Архимаг Седьмой Эпохи! Он этим темечком астральные бури разводил!

— По базе ЗАГСа ваш верховный архимаг бьётся как Сидоров Сергей Петрович, пятьдесят шестого года рождения, слесарь-сантехник третьего разряда из Нефтяников! — отрезала тётка.

— Это была его кармическая командировка в мир смертных!

— А это моя кармическая смена за двадцать пять тысяч в

месяц! Не задерживайте очередь! Без гербового свидетельства о смерти и справки из КВД кости не принимаем, мало ли от чего ваш сантехник склеил ласты!

Я подпирал стенку за спиной у лесного принца, прижимая к пузу папку с батиными бумагами, и с каждой секундой всё отчётливее понимал: я наконец-то нашёл в Императорском Омске то самое место, где моя голубая кровь смотрелась максимально органично.

Ростовщическая контора гнездилась в сыром полуподвале аккурат между круглосуточной аптекой «Выживи назло» и похоронным дискаунтером «Воскреснете — пересчитаем по акции».

Над обшарпанным крыльцом гордо висела литая латунная вывеска:

ЛОМБАРД «ПОСЛЕДНИЙ ПРЕДОК».

Скупаем родовые реликвии, династические проклятия, ордена и золотые коронки.

Души несовершеннолетних в залог берутся строго в присутствии органов опеки.

За мутным пуленепробиваемым стеклом витрин покоилось былое величие омского дворянства, проигравшего неравный бой микрозаймам и алкоголизму.

На первой бархатной подушечке лежал легендарный Посох Испепеляющего Гнева. На жёлтом ценнике значилось: «Палка берёзовая, б/у, следы бытового поджога. 340 руб. (самовывоз)».

Чуть левее пылилась Корона Тысячелетнего Владыки, уценённая на семьдесят процентов, потому что предыдущий владелец выковырял из неё все стразы отвёрткой ещё до сдачи в кассу.

А на почётном месте под софитом красовался пожелтевший пергамент долговой расписки с личным автографом Его Императорского Величества:

НОМИНАЛ ДОЛГА: 1 000 000 ЧЕРВОНЦЕВ ЗОЛОТОМ.

ЦЕНА ПО АКЦИИ: 150 (ЗА РАМОЧКУ).

ПРИЧИНА УЦЕНКИ: ИМПЕРАТОР СКАЗАЛ «КОМУ Я ДОЛЖЕН — ВСЕМ ПРОЩАЮ».

— Ебать музей поле чудес, — шёпотом восхитился я. — Прям вся история государства в одной скупке.

— НЕ СМЕЙ ДЫШАТЬ ОДНИМ ВОЗДУХОМ С ЭТИМ КЛАДБИЩЕМ ЧЕСТИ! — тут же завёлся под черепом Патриарх. — ЗДЕСЬ ТОРГУЮТ ТРОФЕЯМИ ПАДШИХ ВЛАСТЕЛИНОВ!

— Не ори, дед, присматривай себе полочку. Вон, между чугунным утюгом и вставной челюстью графа Толстого как раз местечко под твой артикул КБ-01 пустует.

— Я ПУЩУ ЭТИХ МЕНЯЛ НА КРОВАВЫЙ ФАРШ!

— Ты сначала с крышкой от горчицы один на один выйди, мясник.

Остроухий тем временем сгрёб череп деда-сантехника в пакет из «Магнита» и гордо удалился, пообещав наслать на

ломбард порчу и налоговую инспекцию.

Я придвинулся к амбразуре кассы.

— День добрый. Мне бы на фамильную гайку одним глазком взглянуть.

Кассирша устало подняла на меня тяжёлые веки.

— Залоговую квитанцию в лоток.

Я просунул батину бумажку.

Она пискнула сканером штрих-кода, вчиталась в монитор, нахмурилась и медленно перевела взгляд на мою небритую физиономию.

— Задунайский, что ли?

— Увы, медицина тут бессильна.

— Сигизмундович?

— Батя любил польские сериалы и крепкий портвейн.

— Рюрикович-Учиха?

— Экспортный вариант, сборка гаражная.

Тётка торжественно сняла очки на цепочке и подалась вперёд.

— Погодите. Так вы тот самый крендель из тиктока, которого три дня назад сорок невест во дворе хором послали?!

Я страдальчески закатил глаза к побеленному потолку.

— Господи иисусе, мне теперь эту массовку до гробовой доски припоминать будут?!

— На том свете тоже репостнут, не переживайте. Паспорт открывайте на прописке.

Она сверила мою унылую фотку с оригиналом и кивнула

вглубь подвала.

— Лежит ваша цацка в сейфе. Для очной ставки с имуществом и пересчёта конских процентов топайте к старшему оценщику. Третья обитая дерматином дверь направо, головой о косяк не бейтесь, там балка низкая.

Я сгрёб документы.

— Слышьте, а вы сами этот перстень видели? Хоть солидный?

Кассирша флегматично пожала плечами.

— Ну, если в носок засунуть и в тёмном переулке махнуть — черепно-мозговая гарантирована. Проходите.

Кабинет оценщика напоминал бункер старого параноика. За монументальным дубовым столом, способным пережить прямое попадание фугаса, возвышались аптекарские весы, цейссовский микроскоп, терминал безналичной оплаты и крохотный серебряный колокольчик с гравировкой: «Позвонишь — откушу палец. Оценщик с похмелья».

Сам хозяин кабинета тянул лет на шестьдесят с хвостиком: череп отполирован до зеркального блеска, бородка подстрижена по линейке, на руках белоснежные нитяные перчатки, а на носу — сложная конструкция из очков с семью откидными лупами, как у часовщика-киборга.

На лацкане твидового пиджака висел бейдж:

ПРУЖИНИН АРКАДИЙ СЕМЁНОВИЧ.
ЭКСПЕРТ-ЛИКВИДАТОР V РАЗРЯДА.
В ПРОШЛОМ — УДЕЛЬНЫЙ КНЯЗЬ (НЕ СПРА-

ШИВАТЬ).

— Падайте, молодой человек, — сухо кивнул он на табуретку, прикрученную к полу анкерами.

Я осторожно примостил задницу. Табуретка под моим весом издала такой тоскливый нищенский скрип, словно сразу признала во мне брата по разуму.

— Выкупать фамильное серебро намерены или чисто поплакать зашли?

— Зависит от того, сколько нулей вы мне сейчас нарисуете.

Пружинин щёлкнул тумблером и развернул ко мне пузатый монитор со счётами.

— Тело кредита, которое ваш покойный родитель унёс отсюда в зубах, составляло ровно сто двадцать тысяч полновесных рублей. Плюс набежавшие за месяц ростовщические проценты, аренда бронированной ячейки, страховка от разграбления гробниц и сбор за протирку бархатом — ещё тридцать косарей сверху.

На экране радостно замигала жирная строка:

ИТОГО К ВЫКУПУ ДО 18:00 22 НОЯБРЯ: 150 000 (БЕЗ СДАЧИ).

Я секунд десять просто моргал, пытаясь осознать масштаб батиного финансового гения.

— Аркадий Семёнович, я дико извиняюсь. А там гайка часом не из оружейного плутония отлита?

— Серебро восемьсот семьдесят пятой пробы, разбодя-

женное фамильным оловом. Камушек — чистейший советский корунд, выращенный в пробирке под Свердловском.

— И какого хера тогда кусок крашеного стекла в олове стоит сто пятьдесят кусков?!

— По весу лома оно тянет максимум на две шаурмы и проездной, — невозмутимо пояснил экс-князь. — Но вы выкупаете не металл, а долговое обязательство своего папеньки. Таковы условия залогового договора.

— А накинуть сверху за древнее величие предков?

— Величие в граммах не тарифицируется.

— А за девичью честь нашего рода?

— Судя по новостной ленте, её три дня назад во дворе уже оптом реализовали.

— Ладно, зайдём с козырей. А если я на вас вот так посмотрю?

Я собрал всю оставшуюся после академии волю в кулак и выдал в сторону оценщика свой лучший дворянский прищур, от которого на первой паре чуть не лопнул сосуд в глазу.

Пружинин посмотрел на мои конвульсии через три лупы сразу.

— Юноша, у меня астигматизм, глаукома и сорок лет стажа в микрозаймах. Я такими взглядами утром кефир открываю. Не насилуйте круговую мышцу глаза.

Я сдулся и потёр переносицу.

— Понял, вопрос снят. Когда дедлайн по выкупу?

— Двадцать второго ноября в восемнадцать ноль-ноль ка-

рета превратится в тыкву. То есть истечёт тридцатидневный льготный грейс-период, а в девятнадцать ноль-ноль того же дня начнутся открытые торги.

— И куда моя семейная реликвия поедет после шести?

— На открытый молотковый аукцион без права обратного отзыва. Ваш батюшка, царствие ему небесное, махнул не глядя подпись под пунктом о принудительном отчуждении залога в пользу третьих лиц.

Я мысленно положил на одну чашу весов сто пятьдесят тысяч рублей.

На вторую — сиротливые восемь тысяч четыреста двадцать целковых, которые прямо сейчас грели мою дебетовую карту.

Между этими суммами лежала бездна, в которую можно было без труда уронить весь Омск вместе с пригородами.

— Слышьте, а если я вам долг в рассрочку буду заносить? По графику?

— Заносить можете хоть по рублю в день, касса принимает любые пожертвования. Но само кольцо вы получите на руки только после того, как закроете всю котлету целиком до двадцать второго числа. Частичный взнос счётчик времени не тормозит.

— То есть если я вам прямо сейчас закину пятихатку...

— Мы пробьём вам чек на пятьсот рублей.

— А двадцать второго ноября вечером вы один хрен загоните мой перстень с молотка?

— Именно. Но пятихатку мы вам потом обязательно вернём за вычетом комиссии за банковский перевод в размере четырёхсот девяноста рублей.

— Блядь.

— Очень точный финансовый термин, но в договоре оферты мы обычно пишем «непреодолимые обстоятельства».

Я запустил пятерню в волосы.

— Аркадий Семёнович, ну вот чисто по-человечески... Нахрена батя вообще взял сто двадцать косарей под этот кусок сантехнического припоя? Куда он их вбухал?!

Оценщик лениво покрутил колёсико мыши.

— Согласно анкете заёмщика, целевое назначение кредита — «Триумфальное возрождение былого величия дома Задунайских».

— Охуенный бизнес-план. А по чекам что проходит?

— К анкете подколот акт выполненных работ от ивент-агентства.

— Дай угадаю: цыгане, кокаин и заказной дирижабль с куртизанками?

— Берите выше. «Аренда императорского церемониального шатра из парчи на пятьсот персон».

Я медленно уронил лицо в ладони.

— Сто двадцать штук за палатку на один вечер?!

— С подогревом и красной дорожкой, — уточнил Пружинин.

— Он туда хоть кого-нибудь заманил?!

— Если верить протоколу клининговой службы, ни один из пятисот приглашённых аристократов не явился. Ваш батюшка в гордом одиночестве выпил три бутылки казённого сидра, поджёг край дорожки окурком и уснул в гардеробе. Задаток сгорел полностью.

У меня в черепе Серёга издал звук крайнего потрясения:

— Шеф, я беру свои слова назад. Твой батя не просто мажор, он, сука, эталонный сказочный долбоёб! Да я бы за сто двадцать кусков в Люберцах такой фестиваль закатил — у нас бы мэр три дня на люстре качался!

— НЕ СМЕЙ СУДИТЬ ПОСТУПКИ ВЕЛИКИХ! — взвился Патриарх. — ИСТИННЫЙ ВЛАДЫКА ПИРУЕТ ДАЖЕ В ПУСТОМ ЧЕРТОГЕ!

— Вот он и попировал, дед! Так славно посидел в палатке, что мы теперь всей коммуналкой лапу сосём без соли!

Пружинин со стуком захлопнул папку на экране.

— На экспонат смотреть будете, или сразу перейдём к прощанию?

Я мрачно выпрямился.

— Несите. За сто пятьдесят косарей я хотя бы должен плюнуть на него через стекло.

Фамильное достояние внесли в кабинет на бархатной подушке, накрытой сверху бронированным колпаком из плексигласа, каким в музеях обычно прикрывают метеориты или радиоактивные отходы.

Первым делом в глаза бросался булыжник.

Огромный, мутно-бордовый, с жирной трещиной по диагонали, он до боли напоминал осколок битого стоп-сигнала от троллейбуса.

Сама шинка перстня была отлита из почерневшего от тоски серебра с примесью чего-то явно выкопанного на свалке цветмета.

С боков камень подпирали две ощипанные двухголовые курицы, которые изо всех сил держали в кривых лапах фамильный щит с гордо выбитым на нём разливным половником.

Черпак половника был слегка замят с правого бока — видимо, батя когда-то пытался открыть родовой святыней «Жигулёвское».

Даже металл в этой семье выглядел так, будто мечтает поскорее переплавиться в ложки и забыть всё как страшный сон.

— Ебать красота неземная, — благоговейно выдохнул я.

В моей башке наступила такая звенящая тишина, что было слышно, как у чайника Xiaomi остывает спираль. Даже древний демон прикусил язык от такого дизайнерского величия.

Пружинин щёлкнул тумблером нижней подсветки.

— Изделие кустарной работы конца девятнадцатого века, предположительно артель инвалидов под Тулой. В советское время варварски паялось паяльной лампой. Рубин

— чистейшая синтетика с часового завода. Зато геральдический половник внесён в государственный кадастр без единой ошибки.

— А от клана Учиха там хоть один пиксель припаяли?

— На внутренней стороне ободка имеется inall-гравировка.

Он покрутил подставку за колёсико.

Под увеличительным стеклом колпака проступили три кривых, набитых зубилом иероглифа.

Я ткнулся носом почти в самое оргстекло.

— И как это переводится с древнешинобского? «Кровь, боль и вечное пламя»?

— Наш штатный востоковед перевёл это как «Кустарный цех 4, провинция Хэйлунцзян. Не кантовать».

Я медленно отлепил лоб от витрины.

— Сука... Батя даже родовое проклятие на «Алиэкспрессе» по скидке заказал.

— Не наговаривайте на родителя, молодой человек. Зато механический секрет в перстне — чистокровный советский ГОСТ.

— Какой ещё, нахрен, секрет? Там что, отделение для цианида?

Эксперт провернул колпак ещё на девяносто градусов.

Из внутренней стороны шинки, аккурат под площадкой с мутным булыжником, торчал странный стальной шпенёк.

С одного торца он смахивал на заточенный под крестовую

отвёртку зуб, а с другого — на крохотную шестерёнку с тремя сточенными гранями.

А прямо под ним по серебру шло чёткое заводское клеймо, выбитое явно не ювелиром, а слесарем шестого разряда: ЗР-84/К-17.

— Это ещё что за деталь от трактора? — удивился я.

— Сертифицированный механический ключ-пломба от промышленного спецобъекта, — со знанием дела пояснил Пружинин. — По первичной дефектовке — индивидуальный допуск к запорной арматуре высокого давления советского образца.

— От какого конкретно крана?

— В техпаспорте залога не указано. Из-за этого шпенька мы и провели ваше фамильное сокровище по графе «ювелирный лом с невыясненным сантехническим функционалом».

Я оперся обеими руками о дубовую столешницу, чувствуя, как начинает подгорать в районе темечка.

— Стоп. Вы мне сейчас на полном серьёзе заявляете, что главная реликвия рода Задунайских-Рюриковичей-Учиха — это, блядь, ключ для разводного крана в котельной?!

— Наука не исключает такой вероятности.

— А как же тайная печать девятихвостого демона?!

— Отсутствует.

— А вековое проклятие на понос всем врагам рода?!

— Эфирный фон стерилен, как в операционной.

— Там что, даже завалящего призрака внутри не прописано?!

— Полный вакуум.

— Да им хоть пиво открывать можно, или металл погнётся?!

— Только если пробка соответствует стандарту ГОСТ восемьдесят четвёртого года.

В черепной коробке Патриарх издал такой протяжный, полный вселенской боли вой, словно его повторно распяли на ржавых граблях:

— О, ДЕВЯТЬ ТЫСЯЧ НЕБЕС! Я ВСЕЛИЛСЯ В НАСЛЕДНИКА КОЛХОЗНЫХ АССЕНИЗАТОРОВ! МОЙ ВЕЛИКИЙ СОСУД ХРАНИТ В СЕЙФЕ ЗАТЫЧКУ ОТ СОРТИРА!

— Завали калитку, дед! На твоих девяти тысячах небес хоть один нормальный сантехник был?!

— Я ЛИЧНО СКОРМИЛ ИХ ГИДРАМ ХАОСА В ПЕРВУЮ ЭПОХУ!

— Оно и видно! Теперь сидите там по уши в астральном говне без горячей воды!

Аркадий Семёнович деликатно сдвинул свои семь луп на лоб.

— Вы закончили совещание с внутренним голосом, юноша? У меня следующий клиент с фамильным самоваром через десять минут.

Я не слушал — я как заворожённый пялился на кривые

цифры заводского штампа.

ЗР.

Восемьдесят четыре.

Семнадцатый индекс.

В голове со скрипом начали сходиться ржавые шестерёнки позавчерашнего прихода в МФЦ.

Призрачный председатель Матвей Кузьмич в восьмиклинке.

Чугунный коллектор восемьдесят четвёртого года, который сдали без госприёмки.

Совхоз «Заря».

Я судорожно выдернул из кармана смартфон, открыл позавчерашнюю фотку латунной совхозной печати и ткнул экран к самому носу оценщика.

— Аркадий Семёнович, гляньте профессиональным глазом! Тут шрифт с набивкой на кольце часом не из одной кузницы?!

Пружинин опустил две лупы и вгляделся в пиксели.

— Любопытно. Угол засечек на четвёрке идентичен. Для суда нужна трасологическая экспертиза, но навскидку — били одним и тем же казённым клеймом.

Он развернул изображение двумя пальцами.

— Совхоз «Заря», год восемьдесят четвёртый. А индекс «К-17» по советской номенклатуре обычно присваивали узловым распределительным камерам. Только без синьки генплана вы эту камеру в чистом поле до второго пришествия

искать будете.

Я медленно перевёл взгляд обратно на мутный стеклянный камень под колпаком.

Кажется, мой покойный батя был не просто алкоголиком-затейником, а человеком с очень интересным приданным.

— Между прочим, — вскользь бросил оценщик, накрывая колпак бархатной тряпочкой. — Вашей сантехнической реликвией сегодня с утра уже плотно интересовались серьёзные люди.

Меня будто холодной водой из ведра окатили.

— Какие ещё люди?

— Юридическое лицо с большим уставным капиталом. Предлагали перекупить у нашего ломбарда закладную вашего батюшки со всеми потрохами и песнями.

— В смысле — перекупить мой долг и отжать гайку?

— Напрямую отжать до двадцать второго ноября им закон не позволит — пока тикает льготный месяц, право первой ночи на выкуп священно и принадлежит только наследнику. Но вот после шести вечера двадцать второго числа, на открытых торгах...

Я нервно покрутил телефон в потных пальцах.

— И как фамилия у этого благотворителя?

— Коммерческая тайна вкладов, молодой человек. За разглашение у нас лишают лицензии и отрубают мизинец.

И тут прямо от входной двери раздался вежливый, хоро-

шо поставленный баритон, от которого пахло дорогим парфюмом и свежей могильной землёй:

— Не стоит жертвовать пальцами, Аркадий Семёнович. Я сам представлюсь.

Я крутанулся на привинченной табуретке так, что она жалобно взвизгнула.

У косяка, аккуратно пригнув голову под низкой балкой, стоял представительный мужик лет сорока в идеально сидящем мышином пальто.

Никаких тебе золотых погон, фамильных двуручников за спиной и ручных василисков на поводке.

В руке — потёртый кожаный дипломат с кодовым замком, на ногах — скромные оксфорды по цене моей почки, на запястье — швейцарская механика без кукушки.

Зато на лацкане пальто скромно поблёскивал крохотный серебряный значок в виде перстня.

— Ратников Борис Викторович, — он слегка наклонил голову. — Старший партнёр департамента проблемных активов концерна «Перстневъ-Групп».

Я рефлекторно прикрыл папку с бумагами локтем.

— О, какие люди в нашем подвале. А я вашим коллегам три дня назад вечером в личный кабинет официальное предложение сходить нахуй отправил. Не дошло ещё?

— Отчего же, дошло в лучшем виде, — тонкие губы юриста тронула вежливая улыбка крокодила. — Скриншот вашей резолюции уже подшит к досудебному делу о патентной

претензии на пять миллионов рублей. Но это епархия судебного отдела, а я сегодня здесь чисто по линии выкупа безнадёжных долгов населения.

Он без спроса поставил дипломат на край стола и присел на стул для посетителей.

— У вас там в холдинге что, тотализатор открыли — какой департамент быстрее пустит меня по миру без штанов?

— Никаких эмоций, Всеволод Сигизмундович, чистый комплаенс. То, что младший наследник нашего учредителя решил в четверг публично нашинковать вас на парковке супермаркета — это его личное дворянское хобби. Бизнес-процессы компании от уличного мордобоя не зависят.

Я покосился на Пружинина. Старый ростовщик тут же сделал лицо глухонемого буддийского монаха и углубился в протирку микроскопа.

Ратников щёлкнул замками кейса.

— Давайте будем реалистами. Ваша кредитная история напоминает некролог, а на счетах гуляет ветер. Наш концерн готов выкупить у ломбарда право требования на сто пятьдесят тысяч по договору вашего покойного батюшки, а вам лично на руки выплатить подъёмные за письменное обязательство не пользоваться правом выкупа данной безделушки. Саму вещь после истечения срока всё равно придётся приобретать на открытых торгах.

— Огласите курс совести. Сколько даёте на лапу?

— Десять тысяч рублей. Наличными, без удержания НД-

ФЛ.

Я дважды моргнул, проверяя, не послышалось ли мне.

— Погодите. Вы хотите, чтобы я сам отказался выкупать цацку за сто пятьдесят косарей, а вам за эту щедрость отсыпали сраную десятку?!

— Вы путаете активы с пассивами, юноша. Сто пятьдесят тысяч — это не рыночная цена кольца, это яма, которую вырыл ваш родитель. Мы предлагаем вам больше не копать эту яму своими руками и сверху даём десять тысяч на белые тапочки к четверговой дуэли.

— То есть вы на торгах скупаете гайку, а мне — билет на трамвай и чупа-чупс?

— Вы мыслите категориями ларька.

— Уж извините, академии финансов не заканчивали, нам лапшу на уши обычно бесплатно вешают!

Юрист даже не поморщился.

— Наше дело предложить вам цивилизованный выход из кабалы. Ваше полное право — гордо пойти ко дну вместе с семейным половником.

Я перевёл взгляд на накрытый тряпочкой колпак.

Вспомнил свои восемь тысяч четыреста двадцать рублей на карте.

Десятка сверху чистым налом прямо сейчас спасла бы меня от голодной смерти и гнева домкома Раисы Никаноровны минимум на две недели.

Вот только зубчатый шпенёк с клеймом «ЗР-84» на внут-

ренней стороне кольца жёг мне мозг почище паяльника.

— Слышьте, Борис Викторович. А на кой хер вашему миллиардному холдингу сдался ржавый ключ от колхозного вентиля? У вас в офисе батареи прорвало?

Взгляд Ратникова на одну десятую секунды зацепился за бархатный чехол.

— Концерн «Перстневъ» ведёт масштабную реновацию ветхих коммунальных сетей города. Нам важно, чтобы посторонние лица не совали нестандартные ключи в старые советские задвижки. Мало ли, рванёт ещё.

— Ага. То есть батя мне по наследству не просто гайку оставил, а рубильник от вашего свечного заводика?

— Я бы на вашем месте не строил конспирологических теорий на голодный желудок.

— А я бы на вашем не предлагал нищему студенту десятку за кусок олова, если под ним не зарыт миллиард!

Ратников спокойно защёлкнул замки дипломата.

— Моё предложение действует ровно до вашего выхода на парковку «Пятёрочки». После четверга, боюсь, договариваться нам придётся уже с нотариусом и вашими прочими наследниками.

Он аккуратно положил на край дубового стола тиснёную визитку цвета слоновой кости.

Никакого тебе дворянского прищура, никаких воплей про закопаем в лесу и призрачных драконов под потолком.

Просто вежливый мужик в сером пальто, который уже

мысленно списал меня в графу «непредвиденные накладные расходы».

От такого делового подхода внутри похолодело сильнее, чем от двуручника на полигоне.

— И чисто дружеский совет напоследок, Всеволод Сигизмундович, — он уже взялся за дверную ручку. — Попросите уважаемого оценщика распечатать вам пояснительную записку к технической экспертизе кольца. Очень познавательное чтиво для человека с голой задницей и долговой квитанцией.

Дверь за ним мягко щёлкнула.

Я с минуту тупо пялился в обитый дерматином косяк.

— Аркадий Семёнович... Он мне сейчас вежливо черную метку выдал или просто послал по-умному?

— В протоколе переговоров это называется «информирование контрагента о рисках», — дипломатично заметил Пружинин, возвращая лупы на нос. — Но бумажки к экспертизе я бы на вашем месте действительно полистал. Как законный наследник залогодателя имеете полное право.

Он развернул ко мне монитор и кликнул по папке «Приложения БТИ и кадастра».

На экране посыпались сканы: спектрограмма сплава, кривая фотография шпенька в макросъёмке, формула расчёта пени и... здоровенная топографическая простыня с пометкой «Техническая выписка для сторон залогового договора».

Я сначала вообще не врубился, каким боком к ювелирному изделию пришили генплан спального района.

— Это ещё что за контурные карты за шестой класс?

— Справка из градостроительного архива, — пояснил старик. — Когда наш техник нашёл на кольце заводской индекс «К-17», он по инструкции отправил запрос в водоканал, чтобы понять, не краденый ли это спецключ с режимного объекта. Ему в ответ прислали выкопировку квартала, где встречается данная серия пломб, с приложенным предварительным градостроительным прогнозом.

Я прищурился, разглядывая паутину синих и красных линий поверх знакомых до боли кварталов.

Кривая трамвайная ветка.

Пивной ларёк «У Ашота».

Ряд кооперативных гаражей, за которыми мы в седьмом классе курили за гаражами.

И посреди всего этого великолепия — наша родная пятиэтажная хрущёвка с облупленным фасадом.

Которая на этой карте была целиком, от фундамента до голубятен на крыше, закатана в густую кроваво-красную штриховку.

— Эй, стопэ...

Я чуть носом монитор не пробил.

— Так это же мой дом! Вон тут на углу у Раисы Никаноровны герань на подоконнике стоит!

— Очень рад за ботанические успехи вашей соседки, но

в легенде карты про герань ничего нет.

Я перевёл взгляд в правый нижний угол чертежа, где в рамочке красовался штамп проектного института:

ПРЕДВАРИТЕЛЬНАЯ ЗОНА ПЛАНИРУЕМОЙ САНАЦИИ И ВОЗМОЖНОГО ДЕМОНТАЖА.

ШИФР ОБЪЕКТА: САНТЕХУЗЕЛ 17 (ВЕТХИЙ ФОНД).

СТАТУС ПРОЕКТА: ПОДГОТОВКА СМЕТЫ НА БУЛЬДОЗЕРЫ, СОГЛАСОВАНИЕ НЕ ЗАВЕРШЕНО.

ПРЕДЛАГАЕМАЯ ДАТА НАЧАЛА РАБОТ: 23 НОЯБРЯ 2026 ГОДА (С 08:00 УТРА).

У меня в горле пересохло так, будто я ложку цемента проглотил.

Двадцать второго ноября в шесть вечера сгорает мой срок выкупа батиного перстня.

А двадцать третьего в восемь утра к нашему подъезду, судя по этому проекту, уже собираются пригнать экскаваторы с шаром-бабой на тросе.

Вот тебе и непонятная строчка про «санацию» из позавчерашнего терминала в МФЦ.

— Аркадий Семёнович, — севшим голосом произнёс я. — Я чего-то в этой жизни не догоняю. Какая, блядь, блядина собралась пустить мою единственную однушку на щебёнку для дачной дороги?!

Оценщик флегматично поправил пенсне.

— Передо мной только техническое приложение к зало-

гу, юноша. Ордеров на снос ломбард не выписывает. Кто конкретно проплатил расчистку квартала — в этой выписке скромно замазано чёрным маркером.

— А какого рожна тогда план сноса моей хрущёвки вообще делает в папке с батиной гайкой?!

— Потому что по архивным привязкам восемьдесят четвёртого года механическая пломба ЗР-84/К-17 могла относиться к законсервированному распределительному узлу возле вашего квартала. Точное расположение без старой схемы не установить. А ломать защитный кожух без штатного ключа технадзор запрещает.

Я судорожно покрутил колёсико масштаба.

В районе нашей хрущёвки, где позавчера шабашник за шесть косарей варил гнилой стояк, на схеме жирной синей пунктирной кишкой шла какая-то забытая богом магистраль.

Возле нашего квартала линия обрывалась слепым пятном с перечёркнутым кружком задвижки.

Рядом стоял знак вопроса и приписка карандашом: «Акт консервации утерян в 1991 г.».

— То есть вот этот крестик на пузе моего дома...

— Это условное обозначение запорного шибера, — кивнул Пружинин.

— И открывается он моим половником за сто пятьдесят кусков?

— Если номер совпадёт и резьба за сорок лет не сгнила к

чертям собачьим — вполне вероятно.

В башке начала складываться неприятная догадка: и пять миллионов досудебной претензии от Перстневых, и внезапный княжич на «Гелике» с дуэлью насмерть, и вежливый юрист с десяткой на белые тапочки.

Может, им и правда было похуй на мою жалкую жизнь? Может, им, сука, позарез нужно было до двадцать третьего ноября залезть с лопатами под наш подвал?

— Распечатать эту красоту с вашей гербовой печатью можно? — глухо спросил я.

— Как прямому наследнику залогодателя — обязаны выдать по первому требованию.

— Почём лист тонера для сирот?

— Первая заверенная копия из архива дела выдаётся безвозмездно.

Я так резко подался назад, что привинченная табуретка под моей задницей жалобно хрустнула сваркой.

— В смысле — на халяву?! Вообще без госпошлины?!

— Закон о ломбардной деятельности, статья двенадцатая, — сухо отрезал экс-князь.

— Аркадий Семёнович, у вас точно инсульта нет? Давайте я вам скорую вызову, мне уже страшно, когда в этом городе с меня денег не берут!

Вместо ответа Пружинин ткнул пальцем в кнопку матричного принтера.

Аппарат с визгом зажевал бумагу и со скрежетом выплю-

нул четыре тёплых листа, пахнущих озоном и грядущим пиздецом.

На последнем красовался синий оттиск «Копия верна» и личная закорючка эксперта.

Я трижды сверил адрес нашего дома.

Проверил дату приезда бульдозеров.

Потрогал пальцем красную штриховку поверх своей родной кухни.

И бережно, как мину замедленного действия, уложил распечатку в папку к свидетельству о многодушном общежитии.

— Слышьте, шеф... то есть Аркадий Семёнович. Мне бы тут ещё один следственный эксперимент провести. Не отходя от кассы.

— Какого рода?

— Надо предъявить этот ваш заводской номер одному узкому специалисту по советским задвижкам.

— В кабинет посторонних не пускаю. Пусть ждёт на улице.

— Он на улице не может, он уже лет тридцать как на кладбище прогулы ставит.

Пружинин медленно стянул с носа всю свою оптическую батарею.

— Некромантия в помещении кассы категорически воспрещена пожарной инспекцией. Если очень приспичило пообщаться с покойниками — идите в общий зал к окошку номер два, там вытяжка работает и пол бетонный. И бога ради,

не вздумайте случайно поднять нашего позапрошлого счетовода — он в двадцать втором году подавился сушкой за отчётом, до сих пор по ночам из стены лезет и требует квартальную премию.

Через пять минут я уже сидел на железном стуле в углу клиентского зала, отгороженном от очереди драной бархатной ширмой.

Прямо на коленях у меня примостился давешний рассадный ящик с помятым в МФЦ луком. Савелий утром чуть костьми в дверях не лёг, умоляя оставить грядку дома, но моя жопа чуяла, что без совхозного председателя мы сегодня в этом квесте не разберёмся.

Бронированный колпак с перстнем Пружинин милостиво разрешил выставить на соседний прилавок под прицелом двух камер и охранника с берданкой.

Трогать залог руками мне никто не дал, но с метра шрифт читался отлично.

— Старый, — мысленно постучал я по куполу Лао Пэну. — Поможешь прикурить деда на полставки?

— Твои меридианы после вчерашнего избиения кустами похожи на рваный шланг, бестолочь! — проворчал культиватор. — Выжмешь досуха — сляжешь с кровавым поносом прямо здесь!

— Мне буквально на две минуты, чисто маркировку сличить!

— Две минуты! И ни секундой больше, иначе я сам тебе

кислород перекрою!

— Замётано.

Я поглубже зарыл латунную печать в сырой перегной, зажмурился и с тоской толкнул из-под пупка последнюю заначку тёплой энергии.

Под ложечкой тут же противно засосало, будто я проглотил холодный утюг.

Перья лука хищно встали дыбом.

Из чернозёма со свистом повалил густой махорочный перегар, и прямо перед моим носом материализовалась недовольная харя в кепке-восьмиклинке.

— ДА ВЫ ЧТО ТАМ НАВЕРХУ, ОХУЕЛИ В КРАЙ?! — сходу заорал Лопухов так, что у меня в ушах зазвенело. — У МЕНЯ ТИХИЙ ЧАС В ГРОБУ ИЛИ ПРОХОДНОЙ ДВОР?! ГДЕ ПУТЕВОЙ ЛИСТ НА ВЫЗОВ?!

Я сплюнул вязкую слюну.

— И вам не кашлять, Матвей Кузьмич.

— А, опять этот недоросль с дефицитом массы тела! Нашёл мою синьку с трубами, расхититель социалистической собственности?!

— Чертёж пока в розыске, но я вам запчасть от него принёс.

— Какую ещё, к лешему, запчасть?!

Я молча кивнул на бронированный колпак с половником.

— Вон, под стеклом лежит. Гляньте маркировку на ободке.

Председатель подозрительно сощурил призрачные зенки и поплыл грудью вперёд над столом.

На середине пути его призрачную задницу резко натянуло, как бобика на коротком поводке, а козырёк кепки пошёл мелкой рябью.

— Кузьмич, за буйки не заплывай! — просипел я, удерживая связь зубами. — У меня радиус раздачи вайфая три метра от лука, дальше тебя в астрал засосёт!

Покойник ругнулся сквозь зубы, завис в полуметре от плексигласа и уставился на стальной шпенёк.

Секунду читал.

Вторую.

И тут случилось страшное: советский председатель на целых пять секунд перестал крыть окружающую действительность матом.

По меркам отечественного сельского хозяйства это тянуло на клиническую смерть второй степени.

— ЗР-восемьдесят четыре... — глухо пробормотал призрак, и в его голосе впервые прорезалось что-то похожее на трепет перед гостайной. — Наша штамповка. Механический цех номер два. Лично у главного инженера в сейфе под сургучом лежала...

Я подался вперёд так, что ящик на коленях хрустнул.

— А «К-семнадцать» — это что за зверь?!

— Похоже на номер спецколодца по закрытой ведомости! Чтоб меня черти вилами щекотали, откуда эта пломба вооб-

ще на боярской печатке взялась?!

— Да хрен с ней, с печаткой! Что в этом семнадцатом колодце зарыто?!

— А я тебе что, справочное бюро Госплана, чтоб каждую задвижку по памяти помнить?! — снова взвился дед. — У меня таких номеров по району три десятка было! Разверни проектную экспликацию, я тебе скажу!

Я дрожащими руками распахнул на столе свежую распечатку из ломбарда и придавил край телефоном, чтобы не скручивалась.

Лопухов завис над современной картой и брезгливо сплюнул сквозь стол:

— Это ещё что за туалетная бумага?!

— Выкопировка из имперского кадастра за этот год!

— Руки бы оторвать по самую жопу вашим землемерам! Где дренажная ветка?! Где резервный отстойник третьей категории?! Это кто чертил, жертвы аборта по переписке?!

— Кузьмич, не заводись, глянь сюда! — я ткнул ногтем в синий пунктир под нашей пятиэтажкой. — Вот этот аппендицит без номера — это ваш потерянный коллектор?!

Призрак прищурился, сверяя изгиб улицы со своей посмертной памятью.

— По трассировке похоже... Только тут хозяйственный двор со старой веткой куда-то дели, на вашей карте одно жильё осталось! Мне нужна моя синька за восемьдесят четвёртый год со штампом «Совершенно секретно», без неё я тебе

даже глубину залегания не скажу!

— Да нету у меня вашей синьки!

— ТАК ХУЛИ ТЫ ТОГДА МЕНЯ ИЗ МОГИЛЫ ДЁРГАЕШЬ ПО ПУСТЯКАМ, ИРОД?!

Из моей левой ноздри предательски капнуло тёмно-красным прямо на казённую распечатку.

Я утёр сопли рукавом мундира, размазав кровь по щеке. В ушах уже вовсю гудел трансформатор.

— Последний вопрос, дед, иначе я сейчас рядом с тобой лягу! Этим шпеньком вообще реально кран под домом свернуть?!

Матвей Кузьмич ткнул прозрачным заскорузлым пальцем в зубчатый выступ на перстне.

— Это не от крана ключ, темнота! Это съёмник от бронекожуха на магистральном затворе! Пока эту хитрую гайку не свернёшь — ты к самому вентилю даже с автогеном не подступишься, там защита от дурака тройная стоит!

— То есть без моего фамильного половника они эту трубу под домом хрен откроют?!

— Если кожух кувалдой не раскурочат вместе с половиной квартала — не откроют! А ты что думал, этим булыжником только девок в клубе клеить?!

Я с совершенно новым чувством посмотрел на уродливый перстень под колпаком.

Половник на щите.

Китайские иероглифы с барахолки.

И припаянный намертво спецключ от стратегического советского вентиля.

Кажется, мой батя прятал государственную затычку на самом видном месте — прямо на собственном среднем пальце, куда ни один нормальный технадзор в жизни бы не додумался заглянуть.

— Кузьмич... А каким ветром этот секретный съёмник вообще к моему покойному папеньке занесло?!

Призрак фыркнул, уже начиная просвечивать насквозь.

— Так у папеньки своего на том свете и спроси! Может, он у нас со склада вместе с рубероидом его и спиздил в девяностые!

Края его восьмиклинки пошли крупными пикселями, как плохой сигнал на старом телевизоре.

— Стой, не линяй! А где мне эту твою секретную синьку искать?!

— В ОБЛАСТНОМ АРХИВЕ МЕЛИОРАЦИИ, ДЯТЕЛ! ПАПКА ЗА ВОСЕМЬДЕСЯТ ЧЕТВЁРТЫЙ ГОД, СПРОСИШЬ МАРЬЮ ИВАНОВНУ, ЕСЛИ ОНА ЕЩЁ НЕ СДОХЛА!

Председатель в последний раз грозно погрозил мне кулаком, чихнул кладбищенской сыростью и осыпался горстью серого пепла прямо в рассадный ящик.

В висках звонко лопнул какой-то предохранитель.

Я со стоном уронил чугунную башку на столешницу, пуская кровавые пузыри носом.

Две минуты истекли.

Внутренний бензобак не просто опустел — его сплющило вакуумом внутрь.

Секунд тридцать я просто лежал щекой на холодном пластике и пытался вспомнить, как вообще люди дышат лёгкими без помощи китайских пенсионеров.

Сбоку беззвучно материализовался Пружинин и поставил перед моим носом гранёный стакан с мутной водой из-под крана.

— Нашатыря капнуть или сами оклемаетесь?

— Жить буду, но хреново, — прохрипел я, отлепляя лицо от стола. — Оказалось, у меня в роду не боевые маги были, а засекреченные слесари-вредители.

— Слесари в хозяйстве куда рентабельнее магов, поверьте бывшему князю, — философски заметил оценщик. — Ну что, опознал ваш покойник детальку?

Я залпом выпил воду, выбив зубами чечетку по стеклу, и покосился на перстень.

— Опознал. Сказал, что без старых чертежей из архива мне этим кольцом только в носу ковырять.

— Архив у нас через три квартала за баней. Только учтите, там тётки злее наших коллекторов.

Когда я наконец сгрёб свою рассаду в охапку и вернулся в кабинет за папкой, ходики на стене пробили двадцать минут двенадцатого.

В кармане истерично зажужжал смартфон, вывалив на

экран сразу пачку свежих радостей жизни.

Первая прилетела от деканата Императорской академии:

«СТУДЕНТ ЗАДУНАЙСКИЙ В. С.! ЗА ЗЛОСТНЫЙ ПРОГУЛ УТРЕННЕГО ИНСТРУКТАЖА ПО ТЕХНИКЕ БЕЗОПАСНОСТИ ПРИ УБИЙСТВЕ НА ДУЭЛЯХ ВАМ ОБЪЯВЛЯЕТСЯ СТРОГИЙ ВЫГОВОР С ЗАНЕСЕНИЕМ В ГРУДНУЮ КЛЕТКУ!»

«ЯВКА НА ПОВТОРНЫЙ ИНСТРУКТАЖ — В ИНДИВИДУАЛЬНОМ ПОРЯДКЕ (ПЛАТНО)!»

И вишенка на торте чуть ниже:

«В КАЧЕСТВЕ ТРУДОВОГО ИСКУПЛЕНИЯ ВИНЫ НАЗНАЧАЕТЕСЬ ДЕЖУРНЫМ ПОДАВАЛЬЩИКОМ НА СЕГОДНЯШНИЙ ЗАКРЫТЫЙ БАНКЕТ ПОПЕЧИТЕЛЬСКОГО СОВЕТА. ЯВКА В СМОКИНГЕ К 18:00. ОПОЗДАНИЕ КАРАЕТСЯ ОТЧИСЛЕНИЕМ В СТРОЙБАТ».

Я тупо уставился в треснутое стекло экрана.

— Да блядь, ну сколько можно-то...

— Очередная повестка? — вежливо поинтересовался Пружинин, упаковывая кольцо обратно в сейф.

— Лучше. Пока я тут с мёртвыми председателями за водопровод тёр, родная альма-матер записала меня бесплатным халдеем на вечернюю пьянку к спонсорам.

— Радуйтесь, юноша. На хозяйственных отработках у попечителей хотя бы объедками с барского стола кормят. В моё время за прогул отправляли зубной щёткой чистить клетки боевых мантикор, а у них, знаете ли, пищеварение нервное.

Я смахнул академический приговор и открыл сообщение от Савелия:

«Молодой господин, вы там живы вообще? Завтра до обеда надо подать список секундантов дуэльному приставу, иначе вам засчитают технический слив со штрафом. Сразу предупреждаю: я вам бумажки подпишу, но лезть с голой пяткой на фамильные сабли Перстневых за ваш оклад не нанимался».

Я криво усмехнулся и натыкал одним пальцем:

«Спокойно, Петрович. Кольцо на базе, оказалось — затычка от секретной канализации под нашим домом. Сейчас тут мне ещё быстрый кредит под залог почки предложат, и я пулей домой».

Ответ от курьера прилетел быстрее, чем у меня палец от кнопки оторвался — сплошным капсом и с тремя восклицательными знаками:

«НИКАКИХ КРЕДИТОВ НЕ БРАТЬ! ОРГАНЫ И ЖИЛПЛОЩАДЬ В ЗАЛОГ НЕ СОВАТЬ! ДАЖЕ НА САЛФЕТКАХ АВТОГРАФЫ НЕ СТАВИТЬ, ИНАЧЕ Я УВОЛЮСЬ К ЧЕРТЯМ СОБАЧЬИМ!»

Я аж прослезился от такой отеческой заботы.

И аккурат в эту секунду Аркадий Семёнович с невозмутимым лицом положил поверх моей папки глянцевый рекламный буклет в весёленьких золотых тонах.

— Кстати, Всеволод Сигизмундович. Раз уж вы так трепетно относитесь к памяти предков, наш дочерний коопера-

тив может предложить вам эксклюзивную программу перекредитования.

Я медленно перевёл взгляд с капса Савелия на буклет.

«АКЦИЯ ПОСЛЕДНИЙ ШАНС БАСТАРДА!»

«РЕФИНАНСИРУЕМ ДОЛГИ ОТЦОВ ПОД СКРОМНЫЙ ПРОЦЕНТ!»

ЛИМИТ ВЫДАЧИ: ДО 200 000 ЗА ПЯТЬ МИНУТ!

ОБЕСПЕЧЕНИЕ ЗАЙМА: ЛИКВИДНЫЕ КВАДРАТНЫЕ МЕТРЫ В ЧЕРТЕ ГОРОДА.

Я поднял тяжёлый взгляд на бывшего князя.

— То есть под мою единственную хрущёвку?

— Именно так. Поскольку вы вступили в права временного наследования, наш карманный банк готов закрыть глаза на отсутствие у вас официальной работы и рассмотреть залог вашей однушки после подтверждения права собственности. Сто пятьдесят тысяч после одобрения уйдут в нашу кассу за перстень, а пятьдесят тысяч, по рекламному расчёту, вы унесёте домой в конверте.

Я невольно облизнул пересохшие губы.

Сто пятьдесят косарей — и семейный ключ от подвала у меня в кармане, Перстневы сосут лапу.

Плюс полтинник живых денег сверху.

Да на пятьдесят тысяч мы бы с Савелием купили бэушный «Индезит» без дырки в боку, забили морозилку пельменями до весны, и я бы наконец перестал пересчитывать макаронины в кастрюле поштучно!

Моя рука сама собой, как заколдованная, поползла к казённой ручке на шнурке.

— Эй, шеф, тормози лапти! — рявкнул в башке Серёга так, что я руку отдёрнул. — Ты это... разуй глаза на подвал страницы! Я такие договора в автосалонах у хачей видел: заходишь за «Приорой», выходишь без штанов и с кредитом на «КамАЗ»!

Я прищурился и вчитался в бисерный шрифт на самом сгибе буклета, напечатанный бледно-серым по серому:

«ЕДИНОВРЕМЕННЫЙ СБОР ЗА ПРОКАЧКУ КРЕДИТНОЙ КАРМЫ — 12% ОТ СУММЫ».

Я быстро раскинул мозгами. Минус двадцать четыре косаря сходу за воздух.

Читаем дальше:

«КОМИССИЯ ЗА БРОНИРОВАНИЕ ДЕНЕГ В СЕЙФЕ — 5%».

Ещё червонец коту под хвост.

А в самом низу, перед местом для печати, притаился настоящий шедевр отечественного ростовщичества:

«ШТРАФНОЙ ТАРИФ ЗА ДОБРОВОЛЬНЫЙ ОТКАЗ ОТ ПАКЕТА VIP-СТРАХОВАНИЯ ОТ СГЛАЗА И ПОРЧИ — 7 500 ».

Я со стуком уронил ручку обратно в стаканчик.

— Аркадий Семёнович. А вот эта последняя строчка — это у вас юмор такой специфический, или вы меня сейчас реально за клинического идиота держите?!

Оценщик невозмутимо заглянул в листок.

— Стандартная тарифная сетка нашего банка-партнёра, юноша. Всё в рамках закона о свободе договора.

— Какая, нахуй, свобода?! У вас тут чёрным по белому написано: «Плата за отказ от платной услуги — семь с половиной тысяч»!

— Ну а как вы хотели? Банк несёт моральные и операционные издержки, вычёркивая вас из списка застрахованных лиц.

— То есть если я отказываюсь платить вам бабки за воздух, я один хрен должен заплатить вам семь косарей с половиной просто за то, что сказал слово «нет»?!

— Вы всегда можете отказаться от подписания всего кредитного договора целиком, — резонно заметил Пружинин. — За устный отказ до постановки подписи у нас пока денег не берут. Недоработка юристов, согласен.

Я с ненавистью перечитал финальный абзац, выделенный курсивом:

«В СЛУЧАЕ ЗАДЕРЖКИ ЕЖЕМЕСЯЧНОГО ПЛАТЕЖА БОЛЕЕ ЧЕМ НА ТРИНАДЦАТЬ МИНУТ БАНК ВПРАВЕ НАЧАТЬ ОБРАЩЕНИЕ ВЗЫСКАНИЯ НА ЗАЛОГОВУЮ ЖИЛПЛОЩАДЬ В УСТАНОВЛЕННОМ ПОРЯДКЕ ВМЕСТЕ С ТАРАКАНАМИ И ОБОЯМИ».

Меня аж передёрнуло от открывшихся перспектив.

Наша ободранная, но родная однушка на четвёртом этаже.

Единственные тридцать два квадратных метра во всей им-

перии, где сиротливо булькала на плите бабушкина эмалированная кастрюля.

Где в прихожей у Савелия лежали гаечные ключи от курьерского велика и сохли запасные портянки.

Куда мы позавчера вбухали шесть тысяч кровных рублей, чтобы сварщик заварил проклятую батарею и мы не примёрзли жопами к табуреткам в ноябре.

И где старшая по подъезду Раиса Никаноровна каждую пятницу караулила меня с монтировкой у почтовых ящиков, требуя взнос на капремонт крыши.

Я в красках представил, как выхожу к Раисе Никаноровне на лестничную клетку и говорю: «Извините, тёть Рая, я тут нашу хрущёвку ростовщикам за фамильный половник подарил, собирайте герань и уёбывайте на теплотрассу».

Да она бы меня этой монтировкой даже бить не стала — просто молча закатала бы в старый линолеум и сбросила с балкона как строительный мусор.

Я двумя пальцами, словно дохлую крысу за хвост, пододвинул глянцевый буклет обратно к оценщику.

— Знаете что, Аркадий Семёнович... Идите-ка вы со своим банком-партнёром в пешее эротическое путешествие.

— Не подошли условия?

— Охуенные условия! Особенно пункт, где с меня дерут три шкуры за отказ снимать четвёртую! Пусть ваш управляющий сам себе под такие проценты ипотеку на гроб оформляет, а я своей крышей над головой ради куска припоя рис-

ковать не буду!

Экс-князь без малейшей обиды смахнул макулатуру в ящик стола.

— Искренне рад, что в вашей голове помимо четырёх квартирантов завалялись ещё и зачатки здравого смысла. Закладывать единственные штаны ради красивой пуговицы — верный путь по ту сторону этого прилавка.

Я поднялся, зажав под мышкой папку со схемой сноса и перехватив поудобнее ящик с окровавленным луком.

На экране телефона грустно светились всё те же 8 420 .

Дома на холодильнике ждала пачка неоплаченных жировок за свет и воду.

В сейфе за бронированной дверью оставался лежать батин перстень-ключ за неподъёмные сто пятьдесят тысяч.

На вечер у меня была запланирована увлекательная карьера официанта на пьянке у мажоров, а в четверг утром — собственные похороны по акции у мусорных баков «Пятёрочки».

Жизнь определённо била ключом, причём исключительно разводным и строго по темени.

У самого выхода из кабинета я притормозил и оглянулся через плечо.

— Слышьте, Аркадий Семёнович... А можно нескромный вопрос?

Старик поднял голову от микроскопа.

— Валяйте, за спрос пока бесплатно.

— У вас на бейдже написано «бывший удельный князь». Вы реально из наших, из голубокровных?

Пружинин кривовато усмехнулся в седую бородку.

— По матушкиной линии. Было у нас под Тобольском небольшое родовое гнездо с тремя деревнями и собственным спиртзаводом.

— И как же вас, такого породистого, в подвальные ростовщики-то занесло?

Эксперт медленно снял со лба свою сложную конструкцию из семи луп и бережно уложил её в бархатный футляр.

— В молодости решил восстановить пошатнувшееся величие рода. Заложил в имперском банке родовой дворец вместе со спиртзаводом, чтобы выкупить с аукциона легендарный двуручный меч моего пращура.

Я замер с открытым ртом.

— Ну и как? Выкупили железку?

— Выкупил. Вон в углу за сейфом стоит, я им зимой лёд у крыльца скалываю.

— А дворец со спиртзаводом?

— Банк забрал и дворец под Тобольском, и завод. А в Омске у них, как видите, главный офис.

Пружинин молча ткнул пальцем в сторону маленького подвального окошка под самым потолком.

Я нагнулся и выглянул на улицу.

Прямо через дорогу от нашей нищей полуподвальной щели в серое небо упирался двадцатиэтажный зеркальный

небоскрёб Имперского Кредитного Банка, облицованный розовым гранитом и золотом.

А поперёк стеклянного фасада переливалась неоном пятиметровая растяжка:

«ВАШЕ ВЕЛИКОЕ ПРОШЛОЕ — НАШ СТАБИЛЬНЫЙ ПРОЦЕНТ В БУДУЩЕМ!».

— Доходчиво, — крякнул я. — Вопросов больше не имею.

Оценщик снова водрузил свою оптику на переносицу.

— Так что если к двадцать второму числу всё-таки надумаете остаться на улице ради фамильного половника — заходите, бланк я далеко не убираю.

— Не дождётесь. Я лучше в четверг у «Пятёрочки» красиво сдохну, там хотя бы за вход на парковку пока не берут.

Я с силой толкнул обитую дерматином дверь в коридор.

В спину мне тут же прилетел сухой казённый окрик Пружинина:

— Молодой человек! Стоять!

Я дёрнулся так, что чуть лук не рассыпал.

Старый ростовщик смотрел на меня поверх очков, помахивая оторванным картонным ярлычком со штампом.

— Вы там до двадцать второго ноября сильно не затягивайте. Если вас в четверг всё-таки прирежут — предупредите родственников заранее: у нас за хранение невостребованных предков после тридцатого дня капает двойной тариф за каждый день просрочки!

Глава 6

Г

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.